Н. Карѣевъ.

ПИСЬМА

КЪ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

О САМООБРАЗОВАНІИ.

Доходъ съ изданія поступитъ въ кассу Общества вспомоществованія студентамъ С.-Петербургскаго университета.

Цѣна 50 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.
1894.

Н. Карѣевъ.

ПИСЬМА

КЪ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

О САМООБРАЗОВАНІИ.

Доходъ съ изданія поступитъ въ кассу Общества вспомоществованія студентамъ С.-Петербургскаго университета.

Гос. Историч.-научн. Б-ка
НК РСФСР
Инвент. № 292839.
г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.
1894.

2244

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

I. О томъ, для кого, съ какою цѣлью и почему я пишу эти письма 1
II. О томъ, что главною цѣлью самообразованія должна быть выработка міросозерцанія 32
III. О томъ, что должно стремиться къ цѣльности, полнотѣ и стройности міросозерцанія 65
IV. О томъ, что нужно вырабатывать въ себѣ личность и признавать личность въ другихъ 96
V. О томъ, въ чемъ заключаются образовательныя средства вообще, въ особенности наука, и какъ слѣдуетъ къ наукѣ относиться. 123
VI. О томъ значеніи, какое для самообразованія должно имѣть знакомство съ исторіей. 157
Послѣсловіе 194

Письмо первое

о томъ, для кого, съ какою цѣлью и почему я пишу эти письма.

Эти письма о самообразованіи я пишу, имѣя въ виду преимущественно,—чтобы не сказать исключительно, — лишь одинъ, весьма опредѣленный, кругъ читателей — ту часть учащейся молодежи, которая чувствуетъ или, по крайней мѣрѣ, начинаетъ чувствовать потребность въ самообразованіи и для которой поэтому вопросъ о немъ долженъ представлять особый, непосредственно жизненный интересъ. Посвящая свои письма такому предмету, я исхожу изъ мысли о громадной культурной и соціальной важности этого вопроса, но обращаясь съ ними къ указанному кругу читателей, я считаю нужнымъ выдвинуть на первый планъ существованіе въ учащейся молодежи стремленія къ самообразованію, стремленія вполнѣ естественнаго, совершенно законнаго и въ высшей степени симпатичнаго, а потому и заслуживающаго сдѣлаться предметомъ самаго серьезнаго вниманія. Здѣсь я не стану рас-

пространяться на тему о важномъ значеніи самообразованія съ культурной и соціальной точекъ зрѣнія, надѣясь, что, кто съ нѣкоторымъ вниманіемъ прочтетъ эту книжку съ первой до послѣдней страницы, тому станетъ совершенно яснымъ, какую роль можетъ играть самообразованіе,—конечно, правильно поставленное,—въ качествѣ одного изъ факторовъ культурнаго и соціальнаго прогресса. Въ данную минуту я чувствую необходимость прежде всего объяснить, что думаю я дать въ своихъ письмахъ тому кругу читателей, для котораго они мною предназначаются, и какимъ образомъ я пришелъ къ мысли написать эту книжку.

Я только-что назвалъ стремленіе къ самообразованію въ учащейся молодежи явленіемъ вполнѣ естественнымъ, совершенно законнымъ и въ высшей степени симпатичнымъ: оно, дѣйствительно, и естественно, и законно, и симпатично. Во-первыхъ, я думаю, что каждый молодой человѣкъ (имѣю въ виду одинаково и мужскую, и женскую молодежь), одаренный нормальными способностями, кое-чему учившійся, кое-что читавшій и вмѣстѣ съ этимъ не испорченный воспитаніемъ въ неблагопріятной средѣ, необходимо долженъ—въ извѣстную пору жизни, наступающую у кого раньше, у кого позднѣе,—обнаружить особый интересъ къ высшимъ вопросамъ человѣческаго знанія и существованія, къ вопросамъ, которые обладаютъ свойствомъ волновать и мучить и властно требовать своего разрѣшенія. Я буду еще имѣть случай вернуться къ болѣе подробной характеристикѣ этой жизненной поры, а тутъ мнѣ достаточно только отмѣтить тотъ общій фактъ, что такая пора переживается весьма значительною частью молодежи, получающей образованіе въ среднихъ и высшихъ школахъ разнаго типа и наименованія, и что въ эту пору своей жизни юноша прежде всего стремится установить свое теоретическое, моральное и соціальное міросозерцаніе, между прочимъ путемъ чтенія книгъ, которыя, какъ ему кажется, наиболѣе соотвѣтствуютъ той цѣли, съ какою онъ къ нимъ обращается. Конечно, далѣе, ему приходится искать отвѣтовъ на волнующіе и мучащіе его вопросы главнымъ образомъ въ книгахъ, имѣющихъ къ этимъ вопросамъ то или другое отношеніе, т.-е. приходится заниматься именно самообразованіемъ, такъ называемымъ въ отличіе отъ образованія, сообщаемаго школою. Никакое преподаваніе не можетъ претендовать на то, чтобы дать помимо самостоятельнаго чтенія все, что нужно знать и понимать образованному человѣку. Напротивъ того: однимъ изъ признаковъ успѣшности преподаванія и можетъ служить пріохочиваніе къ чтенію книгъ по соотвѣтственной отрасли знанія. Съ другой стороны, общее образованіе дается у насъ только въ средней школѣ, но на то она и есть средняя школа, что не даетъ законченнаго образованія, служа лишь ступенью къ высшей школѣ, — да и давать его не можетъ, тѣмъ болѣе, что въ средней школѣ молодые люди оканчиваютъ свое ученіе какъ разъ около того времени, когда въ ихъ жизни только что начинается та особая пора, о ко-

торой я сейчасъ говорилъ. Замѣчу вообще, что указаннымъ настроеніемъ учащаяся молодежь характеризуется преимущественно въ старшихъ классахъ средней школы и на первыхъ курсахъ высшихъ учебныхъ заведеній. Въ послѣднихъ, какъ говорится, происходитъ продолженіе образованія, начатаго въ средней школѣ, но на самомъ дѣлѣ, въ общемъ образованіи, даваемомъ среднею школою, совершается перерывъ и начинается уже новое дѣло—усвоеніе разныхъ спеціальныхъ дисциплинъ, преподаваемыхъ на отдѣльныхъ факультетахъ университета, иногда еще подраздѣленныхъ на секціи, и въ разныхъ самостоятельныхъ академіяхъ и институтахъ. Если средняя школа не даетъ и не можетъ давать законченнаго образованія, то школа высшая—всѣ эти факультеты, академіи и институты—даютъ образованіе законченное лишь по отношенію къ извѣстнымъ спеціальностямъ. Конечно, между науками, преподаваемыми на отдѣльныхъ факультетахъ и въ разныхъ академіяхъ и институтахъ, есть имѣющія общеобразовательный характеръ, но и онѣ являются здѣсь спеціальностями, пріуроченными лишь къ той или другой высшей школѣ и совершенно исключенными изъ всѣхъ другихъ. Философія и исторія преподаются главнымъ образомъ филологамъ и отчасти юристамъ, но преподаванія этихъ наукъ совершенно лишены натуралисты, медики, техники разныхъ спеціальностей. Общая теорія права, основы государствовѣдѣнія и политическая экономія преподаются только однимъ юристамъ. Зато филологи и юристы

лишены какого бы то ни было естественно-историческаго преподаванія, да и само послѣднее организовано далеко не одинаковымъ образомъ въ разныхъ спеціальныхъ академіяхъ и институтахъ, включая въ ихъ число и физико-математическіе и медицинскіе факультеты университетовъ. То, чего не даетъ и дать не можетъ одна высшая школа, поскольку она есть прежде всего школа спеціальная, но чего всегда и вездѣ требуетъ съ большею или меньшею настойчивостью лучшая часть учащейся молодежи, можетъ быть поэтому достигнуто только путемъ самообразованія. Не забудемъ еще одного важнаго обстоятельства: нѣкоторая часть мужской молодежи и почти вся молодежь женская, кромѣ того, свое школьное образованіе и оканчиваютъ съ выходомъ изъ среднеучебныхъ заведеній,—образованіе, которое требуетъ, конечно, продолженія, да и печально было бы, если бы средняя школа не развивала въ своихъ питомцахъ стремленія къ дальнѣйшему образованію. Хотя та часть молодежи, которая бываетъ вынуждена ограничиваться среднеучебными заведеніями, и поставлена по отношенію къ образованію вообще въ худшее положеніе, нежели молодежь, имѣющая возможность поступать въ университеты, академіи и институты, тѣмъ не менѣе по отношенію къ извѣстнымъ отраслямъ знанія обѣ эти категоріи молодыхъ людей обоего пола оказываются поставленными въ совершенно одинаковое положеніе, т.-е. и тѣмъ, и другимъ со многими вопросами знанія и окружающей дѣйствительности приходится знакомиться исключительно

путемъ самостоятельнаго чтенія соотвѣтственныхъ книгъ.

Вотъ въ немногихъ словахъ тѣ соображенія, которыя заставили меня назвать стремленіе извѣстной части молодежи къ самообразованію вполнѣ естественнымъ и совершенно законнымъ. У этого стремленія есть, кромѣ того, двѣ въ высшей степени симпатичныя стороны. Несомнѣнно, что поступая на тотъ или другой факультетъ, въ ту или другую академію, въ тотъ или другой институтъ, громадное большинство молодежи въ очень и очень значительной мѣрѣ руководствуется соображеніями, имѣющими мало общаго съ стремленіемъ къ чистому знанію; насколько же при выборѣ будущихъ спеціальностей играетъ роль и это стремленіе, настолько оно проявляется, въ громадномъ же большинствѣ случаевъ, въ видѣ иногда очень узкаго интереса къ какой-нибудь весьма тѣсной области знанія. Наоборотъ, когда мы имѣемъ дѣло съ ясно выраженнымъ стремленіемъ къ самообразованію, то, съ одной стороны, не можетъ быть и рѣчи о какихъ бы то ни было посторонніхъ соображеніяхъ, заставляющихъ юношу интересоваться тѣмъ или другимъ знаніемъ, а съ другой — самый интересъ этотъ необходимо является болѣе широкимъ, ибо въ такомъ случаѣ онъ объясняется не особенною любовью даннаго лица къ извѣстнаго рода занятіямъ, могущимъ вестись, ничего не давая ни уму, ни сердцу, а общечеловѣческою духовною потребностью понять, что такое окружающій человѣка внѣшній міръ, что такое и чѣмъ долженъ быть самъ человѣкъ, что такое, наконецъ, и чѣмъ должно быть общество, въ которомъ онъ живетъ. Симпатичныя стороны стремленія къ самообразованію и заключаются въ совершенной безкорыстности этого стремленія и въ его несомнѣнной связи съ высшими потребностями нашей духовной природы. Эти два отличительныя свойства истиннаго стремленія къ самообразованію сообщаютъ признанной нами выше естественности и законности этого стремленія верховную моральную санкцію: оно оказывается не только естественнымъ и законнымъ, но и нравственнымъ, ибо вытекаетъ изъ безкорыстной любви къ истинѣ, изъ безкорыстнаго исканія правды. Если выше я упомянулъ о важномъ культурномъ и соціальномъ значеніи самообразованія, то прежде всего именно потому, что въ дѣлѣ духовнаго и общественнаго прогресса человѣчества любовь къ истинѣ и исканіе справедливости, безъ коихъ, на мой взглядъ, и не можетъ быть настоящаго стремленія къ самообразованію, являются весьма могучими факторами первостепенной важности.

Конечно, всякая естественная и законная потребность должна быть удовлетворяема. Тѣмъ больше ея право быть удовлетворенной, если она, кромѣ того, имѣетъ за себя моральную санкцію и, наконецъ, является, вдобавокъ, какъ одна изъ силъ, созидающихъ культурный и соціальный прогрессъ человѣчества и такимъ образомъ способствующихъ осуществленію конечныхъ цѣлей всемірной исторіи, а

стремленіе къ самообразованію какъ-разъ и обладаетъ всѣми свойствами явленія нравственнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ прогрессивнаго. Вотъ почему я и сказалъ еще въ самомъ началѣ, что предметъ этотъ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія.

Итакъ, въ учащейся молодежи или, по крайней мѣрѣ, въ лучшей ея части существуетъ потребность въ самообразованіи, и потребность эта должна удовлетворяться и притомъ, разумѣется, такъ, чтобы всѣ занимающіеся самообразованіемъ по возможности достигали той цѣли, какую должно по самому существу дѣла ставить самообразованію, и чтобы отъ этого получались и тѣ культурные и соціальные результаты, какихъ слѣдуетъ ожидать отъ правильной постановки самого дѣла. Еще недостаточно простой возможности, либо большей или меньшей легкости удовлетворенія извѣстной потребности, нужно еще, чтобы оно вмѣстѣ съ тѣмъ, во-первыхъ, происходило цѣлесообразно, а во-вторыхъ, не оставалось безплоднымъ. Всякая потребность можетъ быть удовлетворяема или лучше, или хуже не только въ зависимости отъ тѣхъ средствъ, какія для этого имѣются въ наличности, но и въ зависимости отъ лучшаго или худшаго пониманія самой потребности, т.-е. сущности самого стремленія, его мотивовъ и его цѣли, и отъ лучшей или худшей организаціи удовлетворенія потребности, т.-е. отъ того или иного пользованія средствами, какія могутъ находиться въ нашемъ распоряженіи для достиженія поставленныхъ цѣлей. Ошибка въ опредѣленіи той

цѣли, какую должно имѣть самообразованіе, или ошибка въ выборѣ путей, ведущихъ къ этой цѣли, могутъ одинаково оказывать роковое вліяніе на практику самого дѣла, хотя бы всѣ другія условія, въ какія мы были бы при этомъ поставлены, и оказались въ высшей степени благопріятными, т. е., напр., еслибы мы распоряжались и достаточнымъ досугомъ, и знаніемъ иностранныхъ языковъ, и возможностью легко доставать всѣ необходимыя книги. Я уже давно интересуюсь этимъ вопросомъ и собираю данныя для его рѣшенія — какъ именно понимаетъ сама молодежь цѣль самообразованія и каковы обычные способы, посредствомъ коихъ она на практикѣ разрѣшаетъ задачу самообразованія. Это вопросъ далеко не праздный. Каждое практическое дѣло, въ особенности дѣло сколько-нибудь сложное, чтобы идти успѣшно, нуждается въ хорошей организаціи: плохая организація или отсутствіе какой бы то ни было правильной организаціи бываютъ одинаково гибельны во всѣхъ занятіяхъ, имѣющихъ такія цѣли, которыя для своего осуществленія требуютъ много времени, немало усилій и труда и даже, скажемъ такъ, извѣстнаго искусства. Сравнивая образованіе, даваемое школою, какіе бы недостатки ни встрѣчались въ его организаціи, съ самообразованіемъ, мы должны признать, что послѣднее въ отношеніи къ требованіямъ, которыя въ указанномъ смыслѣ слѣдуетъ предъявлять каждому практическому дѣлу, расчитанному на сколько-нибудь успѣшное достиженіе цѣли, поставлено вообще

въ гораздо худшія условія, чѣмъ первое. Начнемъ съ самаго главнаго—съ постановки той цѣли, какая имѣется въ виду и въ случаѣ образованія школьнаго, и въ случаѣ самообразованія въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ о послѣднемъ, т.-е. не въ смыслѣ самостоятельнаго пріобрѣтенія всѣхъ тѣхъ свѣдѣній и навыковъ, которые могутъ быть даны тою или другою школою. Каждая школа имѣетъ вполнѣ опредѣленную задачу, установленную, конечно, не воспитанниками, входящими въ эту школу и получающими въ ней свое образованіе—все равно, будетъ ли то низшее, среднее или высшее, общее или спеціальное, образованіе. Иное дѣло—самообразованіе: тотъ, кто приступаетъ къ нему, находится приблизительно въ такомъ же положеніи, въ какомъ бываетъ и всякій ученикъ, вступающій въ ту или другую школу, ибо оба они входятъ въ невѣдомую имъ область, въ которой они никогда не бывали, гдѣ многое имъ совершенно незнакомо,—съ тѣмъ лишь весьма существеннымъ различіемъ, что воспитаннику той или другой школы не приходится заботиться, куда его приведутъ, тогда какъ человѣку, начинающему заниматься самообразованіемъ, самому нужно узнать, къ чему же онъ долженъ придти. Но, спрашивается, можетъ ли юноша, только что почувствовавшій потребность самообразованія, не вполнѣ еще ясно и сознавшій, почему оно необходимо и въ чемъ же должно заключаться,—можетъ ли онъ вполнѣ точно и, главное, совершенно правильно опредѣлить его конечную цѣль, которая

представляется уму въ болѣе или менѣе рѣзкихъ очертаніяхъ и во всѣхъ своихъ подробностяхъ лишь тогда, когда уже находишься отъ нея очень близко, когда имѣешь право считать ее достигнутою или почти достигнутою? Недостаточно еще почувствовать потребность въ самообразованіи, такъ какъ, кромѣ того, нужно вполнѣ ясно и отчетливо поставить себѣ и ту цѣль, къ которой слѣдуетъ стремиться, удовлетворяя указанной потребности. Такъ какъ, однако, у самого начинающаго заниматься самообразованіемъ нѣтъ—и быть не можетъ—ни тѣхъ знаній, ни достаточно выработанныхъ идей, ни широты взгляда, какія необходимы для того, чтобы понять надлежащимъ образомъ, совершенно опредѣленно и вмѣстѣ съ тѣмъ неодносторонне, цѣль самообразованія, и такъ какъ, съ другой стороны, въ этомъ дѣлѣ не существуетъ никакихъ внѣшнихъ рамокъ—ни такихъ, которыя стѣсняютъ личную свободу, и ни такихъ, которыя помогаютъ идти по вѣрной дорогѣ,—то для громаднаго большинства учащейся молодежи цѣль самообразованія или остается крайне неопредѣленною и даже довольнотаки туманною, или—если дѣлаются попытки болѣе точной формулировки—представляется одностороннею и притомъ въ несовсѣмъ одинаковыхъ направленіяхъ въ зависимости отъ личныхъ особенностей, первыхъ прочитанныхъ книгъ, случайныхъ встрѣчъ отъ общаго духа той среды, въ которую попадаетъ юноша, стремящійся къ самообразованію, наконецъ, отъ тѣхъ или иныхъ преходящихъ вѣяній времени. Отсюда

прежде всего дѣлаются понятными эти вѣчные споры между учащеюся молодежью о цѣляхъ самообразованія, споры о томъ, о чемъ можно имѣть вполнѣ ясное и точное представленіе лишь тогда, когда предметомъ уже въ большей или меньшей степени обладаешь, а не тогда, когда о немъ знаешь только по наслышкѣ. Боже меня сохрани ставить молодежи эти споры въ упрекъ или находить ихъ ненужными и безполезными: напротивъ того, я думаю— и въ своихъ письмахъ предполагаю особенно настаивать на этомъ,—что все-таки молодежь должна самостоятельно ставить цѣли тому самообразованію, которое оно считаетъ для себя необходимымъ, а обмѣнъ мыслей между собою, необходимо принимающій въ молодые годы форму горячихъ споровъ, въ коихъ отстаиваются нерѣдко діаметрально противоположные тезисы, я именно и считаю однимъ изъ весьма дѣйствительныхъ средствъ въ дѣлѣ самостоятельной выработки убѣжденій. Тѣмъ не менѣе фактъ остается фактомъ, и съ нимъ нельзя не считаться: вѣчные споры о цѣли самообразованія указываютъ или на неясность отвѣтовъ, дающихся на этотъ вопросъ, или на односторонность этихъ отвѣтовъ. Конечно, въ такомъ дѣлѣ, какъ самообразованіе, должна господствовать полная свобода, ибо, какъ показываетъ самое его названіе, оно прежде всего требуетъ самостоятельности и самодѣятельности, но какъ бы вообще ни была хороша свобода сама по себѣ, она не можетъ осуществить своихъ задачъ безъ высшаго руководства со стороны знанія

того, что̀ истинно и что̀ цѣлесообразно. У того, кто только еще ищетъ знанія, еще и не можетъ быть знанія, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, если вообще громадное большинство учащейся молодежи не имѣетъ вполнѣ яснаго и достаточно широкаго представленія о цѣли самообразованія. Достаточно, что она чувствуетъ въ немъ потребность, сознаетъ его необходимость, о немъ думаетъ, говоритъ и споритъ, къ нему стремится и имъ занимается,—не хорошо же лишь то, что ей очень часто въ этой области приходится бродить, какъ въ потемкахъ, идти ощупью или наугадъ, вступать на дороги, не ведущія къ предположенной цѣли, и сбиваться съ надлежащаго пути. Все это, однако, происходитъ не по ея винѣ: предоставленная самой себѣ, отданная на произволъ всѣхъ случайностей окружающей обстановки и вѣяній времени, она, конечно, и не въ состояніи своими силами и средствами выработать правильную организацію самообразованія; со стороны же къ ней на помощь въ этомъ именно дѣлѣ почти никто не приходитъ. Пусть, разумѣется, самообразованіе остается дѣломъ совершенно свободнымъ,—и я именно желаю ему наибольшей свободы,—но въ то же время пусть оно выйдетъ изъ того поистинѣ хаотическаго состоянія, въ какомъ оно находится до сихъ поръ, будучи лишено какихъ бы то ни было строго выработанныхъ и общепризнанныхъ руководящихъ идей. Молодежь не только въ этомъ нуждается, но какъ увидимъ еще дальше, сама ощущаетъ въ этомъ по-

требность; самою же первою и важною руководящею идеей должна быть ясно сознанная и широко поставленная цѣль самообразованія.

Пойдемъ теперь далѣе. Школьное образованіе всегда совершается по извѣстной программѣ и въ извѣстной системѣ, которыя въ разныхъ случаяхъ могутъ быть хорошими или дурными, но безъ которыхъ совершенно немыслимо никакое учебное дѣло, и это само собою понятно. Разъ образованію ставится опредѣленная цѣль, является вопросъ о средствахъ и путяхъ, ведущихъ къ этой цѣли, устанавливается тотъ или другой кругъ знаній, считающихся необходимыми въ виду именно данной цѣли, устанавливается порядокъ, въ коемъ эти знанія должны и могутъ усвоиваться учащимися. Самообразованіе точно также не можетъ совсѣмъ обходиться безъ программы и безъ системы, которыя вытекали бы, во-первыхъ, изъ преслѣдуемой имъ цѣли, во-вторыхъ, изъ той связи, въ какой находятся между собою различныя знанія, могущія съ наибольшимъ успѣхомъ и съ наибольшею пользою восприниматься только въ извѣстной послѣдовательности. Но дѣло въ томъ, что въ случаѣ самообразованія вопросъ о такой программѣ и системѣ значительно затрудняется. Во-первыхъ, организація школьнаго образованія—дѣло весьма старое, имѣющее свою исторію, свои традиціи, свою рутину, тогда какъ вопросъ о правильной постановкѣ самообразованія есть сравнительно вопросъ новый, мало разработанный въ теоретическомъ отношеніи и недостаточно выясненный съ

чисто практической точки зрѣнія. Я не буду касаться того, что и какъ въ этомъ смыслѣ дѣлается за границей: я имѣю въ виду только нашу родную дѣйствительность и рѣшаюсь утверждать, что у насъ вопросомъ этимъ живо интересовалась и усердно занималась всегда сама же учащаяся молодежь, которая по той же причинѣ, по какой она не въ состояніи собственными силами и средствами съ совершенною ясностью мысли и широтою взгляда опредѣлить конечную цѣль самообразованія, не можетъ, разумѣется, ни установить въ подробностяхъ и во взаимной связи кругъ вопросовъ, долженствующихъ входить въ полную программу самообразованія, ни намѣтить послѣдовательность и постепенность, необходимыя въ занятіи этими вопросами. Это разъ. Во-вторыхъ, каждая школьная программа и система по необходимости представляютъ собою общій шаблонъ, коему должны подчиняться всѣ учащіеся въ данной школѣ, какъ бы ни было желательно, чтобы при этомъ принимались въ расчетъ индивидуальныя особенности, склонности и способности воспитанниковъ. Такое свободное дѣло, какъ самообразованіе, не можетъ быть втиснуто въ слишкомъ опредѣленныя рамки. Хотя съ принципіальной точки зрѣнія и можно установить извѣстный кругъ знаній, существенно необходимыхъ въ виду такъ или иначе понятой цѣли самообразованія, и хотя въ усвоеніи ихъ слѣдуетъ предполагать возможность нѣкотораго идеальнаго порядка, подлежащаго открытію и осуществленію въ интересахъ самаго дѣла, тѣмъ не

менѣе то, что въ теоріи будетъ признано совершенно вѣрнымъ, на практикѣ встрѣтитъ массу затрудненій. Школьныя программы и системы отличаются обязательностью, совершенно немыслимою и даже нежелательною въ такомъ свободномъ дѣлѣ, какъ самообразованіе, гдѣ все должно вытекать изъ личной инціативы. Съ другой стороны, принимая въ расчетъ, что значительная часть молодежи, занимающейся самообразованіемъ, учится въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ коихъ имъ, рядомъ съ болѣе спеціальными дисциплинами, преподаются науки, имѣющія и общеобразовательное значеніе, нужно всегда помнить, что нельзя рекомендовать одну и ту же программу студенту-филологу, слушающему лекціи по философіи и по исторіи, но не обязанному изучать ни общей теоріи права, ни политической экономіи, студенту-юристу, коему двѣ послѣднія науки преподаются, а первыя двѣ нѣтъ, студенту-натуралисту, совсѣмъ не изучающему гуманитарныхъ и соціальныхъ наукъ, но зато знакомящемуся съ основными истинами естествознанія, о которыхъ, наоборотъ, ничего не слышатъ съ каѳедры филологи и юристы, и, наконецъ, студентамъ разныхъ спеціальныхъ академій и институтовъ, еще менѣе, нежели университетскіе факультеты, ставящихъ своему преподаванію общеобразовательныя цѣли въ широкомъ смыслѣ этого слова. Но что особенно затрудняетъ выработку общей программы и системы самообразованія, такъ это крайнее разнообразіе индивидуальныхъ интересовъ, участвующихъ въ зарожденіи потребности къ самообразованію. Проживши довольно долго сознательною жизнью, многое передумавъ, перечувствовавъ и испытавъ, познакомившись изъ чтенія книгъ и наблюденій надъ дѣйствительностью съ большимъ количествомъ идей и фактовъ, не трудно составить себѣ извѣстный идеалъ самообразованія, захвативъ въ его программу все, что̀ можетъ удовлетворить самые разнородные духовные интересы, и расположивъ всѣ вопросы, отвѣты на которые должно дать самообразованіе, въ наиболѣе строгой логической послѣдовательности; даже хорошо и полезно это сдѣлать, но нужно знать, что непосредственнаго практическаго примѣненія ваши программа и система никогда не получатъ. Если вы, человѣкъ, уже пожившій и многому учившійся, можете сразу охватить однимъ взоромъ весь этотъ кругъ, заключающій въ себѣ основные вопросы мысли и жизни, то молодежь, лишь только начинающая жить и жаждущая знанія, естественно и необходимо должна подходить къ этому кругу съ одной какой-либо стороны и овладѣть лишь его частью, прежде нежели она будетъ въ состояніи исходить его вдоль и поперекъ. Какъ ни желательно, можетъ быть, было бы, чтобы всѣ начинали свое съ нимъ знакомство съ одного конца, — а желательно ли это, еще вопросъ, — слѣдуетъ ожидать, что отдѣльныя лица будутъ вступать въ нашъ идеальный кругъ самообразованія съ разныхъ сторонъ, каждый въ зависимости отъ того болѣе частнаго интереса, который

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НК РСФСР
Инвент. №

толкаетъ его на путь самообразованія. Въ томъ стремленіи къ общему знанію, какое обнаруживаетъ лучшая часть нашей молодежи, могутъ на первый планъ выдвигаться или интересы отвлеченнаго знанія и личной и соціальной этики, или даже болѣе частные вопросы, входящіе въ каждую изъ этихъ областей, что зависитъ отъ склада ума и характера даннаго лица либо отъ вліянія, оказываемаго на него ближайшей средой, и пусть каждый подходитъ къ нашему идеальному кругу съ того края, къ которому его влечетъ господствующій въ данное время въ его душѣ интересъ. Всѣ дороги ведутъ въ Римъ, лишь бы у путника не ослабѣвала энергія. Съ какого бы края—въ зависимости отъ своего душевнаго склада, отъ степени своего умственнаго и нравственнаго развитія, отъ содержанія и направленія ранѣе пріобрѣтенныхъ знаній и идей, отъ внѣшнихъ условій и вліяній своей жизни и своего воспитанія,—съ какого бы края онъ ни вошелъ въ идеальный кругъ самообразованія, важно прежде всего, чтобы онъ въ него вошелъ, потомъ, чтобы, разъ въ него вступивъ, въ немъ оставался и чтобы, наконецъ, оставаясь въ немъ, не ограничивался своимъ первоначальнымъ краешкомъ, но чтобы одинъ интересъ порождалъ въ каждомъ, разъ въ этотъ кругъ попавшемъ, другой интересъ, чтобы одинъ вопросъ, вызывалъ другой вопросъ по той тѣсной связи, какая существуетъ между отдѣльными духовными интересами, между всѣми вопросами мысли и жизни. Достаточно только, чтобы молодежь прониклась общимъ

сознаніемъ объ этой связи, и вотъ для этого-то главнымъ образомъ нужна широкая программа и стройная система; на практикѣ же каждому придется вырабатывать *свою* программу и *свою* систему сообразно съ тѣмъ, съ какой стороны то или другое лицо, повинуясь свободному влеченію своего ума и сердца, вступитъ въ предполагаемый идеальный кругъ самообразованія. Итакъ, единой общей программы и системы самообразованія даже и не можетъ существовать, но это не мѣшаетъ возможности и необходимости единаго и общаго принципа, который руководилъ бы молодежью, стремящейся къ самообразованію, въ выработкѣ ею—каждымъ лично для себя—великаго множества программъ и системъ самообразованія, расчитанныхъ на удовлетвореніе разнообразныхъ индивидуальныхъ интересовъ.

Есть и еще одно затрудненіе, заставляющее считаться съ собой въ дѣлѣ выработки общеобразовательной программы для самостоятельнаго пріобрѣтенія знаній и идей. Въ данномъ случаѣ я сошлюсь на мнѣніе людей, долго думавшихъ надъ этимъ вопросомъ и, повидимому, отказавшихся отъ его рѣшенія въ виду признанной за нимъ трудности. Недавно въ Москвѣ при учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній возникла особая „Коммиссія по организаціи домашняго чтенія“, весною нынѣшняго 1894 г. выпустившая въ свѣтъ первый свой отчетъ. Въ числѣ задачъ своей дѣятельности это почтенное и полезное учрежденіе намѣтило „руководство домашнимъ чтеніемъ и состав-

леніе для этой цѣли списковъ книгъ и постановку темъ для чтенія". Однимъ изъ первыхъ дѣлъ коммиссіи, въ составъ которой вошло значительное число московскихъ профессоровъ и преподавателей, было—поручить особой подкоммиссіи изъ спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ знанія выработать общую программу систематическаго чтенія, названнаго такъ въ отличіе отъ чтенія по спеціальнымъ темамъ. Эта „подкоммиссія, читаемъ мы въ упомянутомъ отчетѣ, нашла затруднительнымъ выработать общеобразовательный курсъ систематическаго чтенія, который составлялъ бы одно цѣлое по всѣмъ отдѣламъ знанія. По мнѣнію подкомиссіи, сказано далѣе, преимущество цѣльнаго общеобразовательнаго курса, заключающееся въ возможности построить этотъ курсъ на единомъ общемъ началѣ, не искупаетъ тѣхъ неудобствъ, съ которыми связана выработка такого курса. При незначительномъ количествѣ времени, какое въ этомъ случаѣ можетъ быть отведено на ознакомленіе съ отдѣльными науками, знакомство съ ними должно свестись къ изученію нѣсколькихъ элементарныхъ учебниковъ, которые, конечно, не могутъ возбудить интереса къ пріобрѣтенію знаній въ средѣ читающей публики. Едва ли также этимъ путемъ что-либо можетъ быть сдѣлано для систематизаціи знаній на общей философской основѣ,—что составляло бы главную задачу цѣльнаго курса. Такъ какъ,—продолжаетъ отчетъ,—съ другой стороны, со времени возникновенія коммиссіи въ средѣ ея членовъ не разъ возникала мысль о необходимости

выработки программъ для чтенія по отдѣльнымъ предметамъ, то подкоммиссія остановилась на рѣшеніи, которое, по ея мнѣнію, всего удобнѣе можетъ примирить первоначальныя намѣренія коммиссіи съ необходимостью дать читателямъ съ самаго начала болѣе или менѣе обстоятельныя указанія для занятія отдѣльными предметами въ полномъ ихъ составѣ. Вмѣсто одного общеобразовательнаго курса, подкоммиссія выработала рядъ систематическихъ курсовъ чтенія по пяти принятымъ ею отдѣламъ знанія". Именно подкоммиссія составила общія программы для систематическаго чтенія по 1) наукамъ о природѣ неорганизованной (физико-химическимъ), 2) по наукамъ о природѣ организованной (біологическимъ), 3) наукамъ философскимъ, 4) наукамъ общественно-юридическимъ и 5) по исторіи съ литературой (но двѣ послѣднія въ сущности представляютъ изъ себя два равносильныхъ съ другими отдѣла), причемъ содержаніе систематическаго чтенія по каждому отдѣлу распредѣляется на четыре года (а по исторіи даже на пять). Вообще въ этихъ своихъ письмахъ я намѣренъ воздерживаться отъ какой бы то ни было критики и избѣгать полемики, но здѣсь я не могу не выразить сожалѣнія, что почтенная московская „Коммиссія по организаціи домашняго чтенія", встрѣтившись съ дѣйствительно существующими трудностями выработки программы „общеобразовательнаго курса систематическаго чтенія", не сочла возможнымъ ихъ преодолѣть и предложила лицамъ, ищущимъ самообразованія, пять и

даже шесть спеціальныхъ плановъ, слѣдовать коимъ одновременно немыслимо, выполнить же которые послѣдовательно одинъ за другимъ можно только, потративъ на систематическое чтеніе не менѣе, какъ двадцать четыре и даже двадцать пять лѣтъ, т. е. столько, сколько потребовалось бы, чтобы перебывать на всѣхъ факультетахъ университета узаконенное число лѣтъ. Но я заговорилъ о предположеніяхъ московской коммиссіи не для того, чтобы подвергнуть ихъ подробному разбору, а для того, чтобы указать на одну изъ трудностей въ дѣлѣ выработки общей программы для самообразованія. Я не знаю, быть можетъ, въ коммиссіи были и принципіальные противники подобной программы, съ какими и лично мнѣ неразъ приходилось встрѣчаться и вступать въ споръ,—повидимому, это такъ и было,—но несомнѣнно, что находились въ коммиссіи и сторонники „систематизаціи знаній на общей философской основѣ“, видѣвшіе „преимущество цѣльнаго общеобразовательнаго курса“; они лишь отступили назадъ передъ тѣми неудобствами, съ какими оказалась связанною выработка подобнаго курса. Этихъ неудобствъ въ отчетѣ показано два: незначительность количества времени для изученія отдѣльныхъ наукъ и необходимость въ такомъ случаѣ свести дѣло къ изученію нѣсколькихъ элементарныхъ учебниковъ.

Вопросъ о времени имѣетъ несомнѣнно важное значеніе въ дѣлѣ организаціи общеобразовательнаго чтенія. Имѣя въ виду цѣль, какая мною будетъ поставлена ниже для самообразованія, и тотъ кругъ

лицъ, къ нему стремящихся, о коемъ я постоянно веду рѣчь, я полагаю, что къ моменту вступленія въ настоящую жизнь по окончаніи образованія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ молодой человѣкъ долженъ уже обладать достаточно широкимъ общимъ образованіемъ, какъ результатомъ самостоятельнаго чтенія книгъ научнаго, публицистическаго и литературнаго содержанія. Полагая, что курсъ высшихъ учебныхъ заведеній проходится въ четыре-пять лѣтъ и что лишь въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ молодые люди могутъ приступать къ систематическому самообразованію, сидя на скамьяхъ средней школы, мы получимъ около четырехъ лѣтъ, въ теченіе коихъ юношѣ нужно познакомиться съ цѣлымъ рядомъ философскихъ и научныхъ, моральныхъ и соціальныхъ вопросовъ, не говоря уже о необходимости чисто литературнаго чтенія. Не забудемъ при этомъ, что для такого знакомства и такого чтенія у учащейся молодежи можетъ быть въ распоряженіи лишь то количество времени, которое остается свободнымъ отъ обязательныхъ занятій и отъ добыванія средствъ къ жизни, поглощающаго у значительной части учащихся каждый день не мало часовъ. Съ этими обстоятельствами нельзя не считаться, и они, дѣйствительно, затрудняютъ дѣло выработки программы систематическаго чтенія въ самообразовательныхъ цѣляхъ. Но я думаю, что нѣтъ, во-первыхъ, никакой необходимости, чтобы самообразованіе было вполнѣ закончено ко времени вступленія молодого человѣка на поприще

практической жизни. Нужно, наоборотъ, желать, чтобы стремленіе къ усвоенію новыхъ знаній и идей не покидало интеллигентнаго человѣка и по его выходѣ изъ высшаго учебнаго заведенія, а потому вся задача самообразованія въ учебные годы должна заключаться въ заложеніи достаточно прочнаго и широкаго фундамента для дальнѣйшаго пріобрѣтенія новыхъ знаній и идей: въ эти годы юноша внѣ круга своихъ спеціальныхъ занятій, можетъ быть, и не пріобрѣтетъ большихъ знаній въ смыслѣ подробнаго „ознакомленія съ отдѣльными науками“, но онъ долженъ научиться многое понимать посредствомъ усвоенія наиболѣе важныхъ и существенныхъ для личной и общественной жизни идей. Съ этой точки зрѣнія можно установить извѣстный minimum, не гоняясь на первыхъ порахъ за тѣмъ многимъ, что̀ можно узнать о каждомъ предметѣ, изучая его спеціально въ теченіе цѣлыхъ четырехъ лѣтъ. Во всякомъ случаѣ, однако, программа общеобразовательнаго чтенія должна быть строго соразмѣрена съ ограниченнымъ количествомъ времени, какое находится въ распоряженіи учащейся молодежи, и тутъ, конечно, приходится жертвовать однимъ, менѣе важнымъ, въ пользу другого, болѣе важнаго, что въ свою очередь представляетъ не мало трудностей.

Теперь другое затрудненіе. Я самъ первый сталъ бы возражать противъ возможности цѣльнаго общеобразовательнаго курса систематическаго чтенія, если бы послѣднее должно было „сводиться къ изученію нѣсколькихъ элементарныхъ учебниковъ, которые не могутъ возбудить интереса къ пріобрѣтенію знаній“; но при ограниченномъ количествѣ времени каждый, стремящійся къ самообразованію, былъ бы поставленъ въ необходимость ограничить себя изученіемъ только подобныхъ учебниковъ, если бы вся его задача заключалась въ томъ, чтобы познакомиться со всѣми „отдѣльными науками“, какія только встрѣчаются въ обозрѣніи преподаванія хотя бы однихъ лишь университетскихъ факультетовъ. Съ точки зрѣнія общаго, а не спеціальнаго, техническаго и профессіональнаго образованія (причемъ мы не затрудняемся обозначить названіемъ техническаго и профессіональнаго, напр., спеціальное образованіе одинаково и будущихъ научныхъ изслѣдователей и преподавателей разныхъ предметовъ, какъ и будущихъ адвокатовъ и судей, врачей и инженеровъ и т. п.), съ точки зрѣнія именно образованія, долженствующаго создавать не академиковъ, профессоровъ, учителей, законовѣдовъ, докторовъ, архитекторовъ, механиковъ, техниковъ, а—позволю себѣ такъ выразиться — *человѣковъ*, науки, преподаваемыя на отдѣльныхъ факультетахъ и въ разныхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, имѣютъ далеко не одинаковое общеобразовательное значеніе, а многія даже и никакого значенія не имѣютъ въ этомъ смыслѣ. Общеобразовательный курсъ систематическаго чтенія вовсе не долженъ быть простою суммою отдѣльныхъ наукъ въ сокращенномъ изложеніи такихъ учебниковъ, которые,

дѣйствительно, никого не пріохотятъ къ пріобрѣтенію знаній, но онъ долженъ быть систематическимъ сводомъ всего того изъ отдѣльныхъ наукъ, могущихъ имѣть общеобразовательное значеніе, что̀ само по себѣ обладаетъ такимъ значеніемъ. Но разъ мы станемъ на такую точку зрѣнія, самъ собою является вопросъ о томъ, существуютъ ли книги, прямо приспособленныя къ этой цѣли. Мнѣ кажется, что если бы имѣлась на лицо такая коллекція руководствъ и пособій, которая составляла бы цѣльный общеобразовательный курсъ для систематическаго чтенія съ одною общею философскою основой, то составители упомянутыхъ программъ для систематическаго чтенія не затруднились бы исполнить первоначальную мысль московской коммиссіи. Но въ томъ-то и дѣло, что, начертывая программу самообразовательнаго чтенія, нельзя не обращать постоянно вниманія на тѣ средства, какія представляетъ научная и популярная литература для того, чтобы рекомендуемый планъ могъ быть выполненъ наиболѣе цѣлесообразнымъ, плодотворнымъ и удобнымъ образомъ и наиболѣе общедоступными способами.

Само собою разумѣется, я вовсе не хочу сказать, чтобы даже наша русская оригинальная и переводная литература научныхъ трудовъ, годныхъ и для цѣлей самообразованія, и популярныхъ сочиненій, написанныхъ какъ-разъ въ этихъ самыхъ цѣляхъ, была такъ бѣдна, что и выбрать-то изъ нея было бы нечего для ознакомленія съ тѣми или другими важными вопросами мысли и жизни. Дѣло въ томъ,

что самъ по себѣ выборъ книгъ для каталога самообразовательнаго чтенія представляетъ задачу, удачное рѣшеніе которой требуетъ преодолѣнія немалыхъ трудностей. Существуетъ и за границей, и у насъ—и между прочимъ обращается въ рукахъ нашей учащейся молодежи—довольно значительное число списковъ сочиненій, „которыя должны быть прочитаны каждымъ образованнымъ человѣкомъ“. Не касаясь недостатковъ или хорошихъ сторонъ существующихъ списковъ—часто совершенно неизвѣстнаго происхожденія, составленныхъ иногда довольно неумѣло, носящихъ на себѣ нерѣдко слѣды занесенія лишь тѣхъ книгъ и статей, которыя были прочтены случайнымъ составителемъ или просто были ему извѣстны по наслышкѣ,—нельзя вообще не признать, что дѣло это представляетъ значительныя трудности. Въ лучшихъ случаяхъ такіе списки могутъ быть лишь результатомъ коллективной работы нѣсколькихъ спеціалистовъ, притомъ хорошо спѣвшихся между собою относительно цѣли самообразованія, выработавшихъ сообща цѣльную его программу, хорошо обсудившихъ, какія книги, статьи или даже отдѣльныя въ нихъ главы должны быть рекомендуемы для прочтенія, и никогда не забывающихъ необходимости дѣлать параллельныя указанія съ общею мотивировкою выбора и сравнительною оцѣнкою называемыхъ сочиненій. До сихъ поръ, пересмотрѣвъ въ разное время множество подобныхъ списковъ, я не видалъ ни одного, который я безъ всякихъ оговорокъ, притомъ болѣе или менѣе существеннаго

свойства, могъ бы рекомендовать для практическаго употребленія. И именно, въ чемъ я готовъ согласиться съ московской коммиссіей, особенно трудно составить списокъ не по отдѣльнымъ наукамъ, а по всему кругу самообразованія. Если бы лично я взялъ на себя смѣлость составить такой списокъ, то счелъ бы первымъ своимъ долгомъ заявить, что самъ же не могу признать его вполнѣ удовлетворительнымъ. Между прочимъ, въ этомъ дѣлѣ пришлось бы руководиться, кромѣ личнаго опыта,—который, конечно, не указъ,—чисто теоретическими соображеніями, тогда какъ нужно было бы располагать еще громаднымъ количествомъ данныхъ изъ практики самообразованія. И въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, самообразованіе поставлено въ худшее положеніе, чѣмъ образованіе школьное съ его ограниченнымъ подборомъ учебниковъ и пособій и съ живымъ словомъ преподаванія, коего во многихъ отношеніяхъ не замѣнишь никакими книжными руководствами.

Все это я говорилъ къ тому, чтобы выставить на видъ отсутствіе какой бы то ни было организаціи въ самообразованіи, потребность въ коемъ ощущается значительною частью учащейся молодежи, и всю трудность внесенія въ это дѣло правильной организаціи. Вспоминая личный опытъ въ этомъ отношеніи, опытъ, въ которомъ и я въ сущности былъ предоставленъ самому себѣ или дѣйствовалъ на основаніи случайныхъ указаній, заимствованныхъ изъ разговоровъ или прочитанныхъ книгъ, я не могу не сказать, что многое въ моемъ собственномъ

самообразованіи шло не такъ, какъ слѣдуетъ: были и важные пробѣлы, въ свое время не пополненные, и вещи совершенно лишнія, изъ-за коихъ, однако, дѣлались весьма серьезныя упущенія. Полагаю, что то же скажутъ многіе мои товарищи и сверстники, съ которыми у насъ когда-то велись горячіе споры о цѣли, сущности и средствахъ самообразованія. Съ тѣхъ поръ, я думаю, ничто не измѣнилось. Уже болѣе двадцати лѣтъ я наблюдаю учащуюся молодежь въ качествѣ ея наставника—прежде гимназическаго учителя, теперь университетскаго профессора. Пониманіе цѣли самообразованія, опредѣленіе его значенія и содержанія, выборъ книгъ для чтенія — все это на основаніи моихъ наблюденій представляется мнѣ не вполнѣ яснымъ для молодежи, недостаточно огражденнымъ отъ возможности односторонніхъ и даже прямо невѣрныхъ рѣшеній и обнаруживаетъ только крайнюю степень ея неопытности. Не въ укоръ, понятное дѣло, говорю я это молодежи, ищущей знанія и правды и часто остающейся въ этомъ своемъ исканіи безъ надлежащаго руководства со стороны людей болѣе свѣдующихъ и опытныхъ. Если уже нужно кого-либо корить, то только тѣхъ, которые, сознавая это, ничего не дѣлаютъ съ прямою цѣлью—устранить причину этого явленія, и „отъ нихъ же первый есмь азъ“. Если я взялся теперь за перо съ намѣреніемъ преподать кое-какіе совѣты молодежи, ищущей общаго образованія, то именно сознавая весь долгъ, налагаемый на меня такимъ положеніемъ дѣла:

понимая великое культурное и соціальное значеніе самообразованія, считая вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе къ нему явленіемъ весьма естественнымъ и вполнѣ законнымъ и, наконецъ глубоко сочувствуя искреннему и безкорыстному исканію молодежью истины и справедливости, при всемъ этомъ я не могу, однако, не скорбѣть, видя, какъ несовершенно въ большинствѣ случаевъ удовлетворяется эта духовная потребность молодежи—и не всегда цѣлесообразно, очень часто съ крайней односторонностью, иногда даже съ совершенно непроизводительною тратою силъ. Въ свое оправданіе могу сказать, что мысль о настоящей книжкѣ зародилась у меня давно, и что я уже раньше пытался осуществлять ее въ отдѣльныхъ небольшихъ статьяхъ, и если только *теперь* я приступилъ къ ея выполненію въ настоящихъ письмахъ, то не потому, чтобы сидѣлъ все время праздным, а потому, что работалъ надъ другими книгами для того же самаго круга читателей. Задача, которую я теперь себѣ ставлю, заключается именно въ томъ, чтобы помочь молодежи, ищущей общаго образованія путемъ самостоятельнаго чтенія книгъ, разобраться въ вопросахъ о цѣли, сущности и средствахъ самообразованія—съ той психологической и соціологической точки зрѣнія, на какую мнѣ позволяютъ стать—и стать меня заставляютъ—и мой жизненный опытъ, и мое знакомство со средою учащейся молодежи, и мои научныя знанія, и какое у меня есть пониманіе основныхъ вопросовъ мысли и жизни. Мало того: я думаю, что своими письмами буду прямо

отвѣчать на массу вопросовъ, какіе мнѣ могли бы быть предложены весьма многими изъ моихъ будущихъ читателей. Въ дѣлѣ самообразованія молодежь не только нуждается въ извѣстномъ руководствѣ, но и сознаетъ эту потребность въ руководствѣ и ищетъ его повсюду, гдѣ только надѣется его найти. Я и вообще это, конечно, знаю, но и заключаю объ этомъ на основаніи обращеній лично ко мнѣ, дѣлаемыхъ время отъ времени отдѣльными молодыми людьми или небольшими товарищескими кружками, обращеній устныхъ и письменныхъ — и въ томъ самомъ городѣ, гдѣ я живу, и изъ другихъ городовъ, — обращеній приблизительно одного и того же содержанія, что̀ совѣтывалъ бы я читать, какія книги я могъ бы рекомендовать по такому-то предмету, по такому-то вопросу. Скажу даже такъ: именно такія обращенія и поддерживали всегда во мнѣ мысль о томъ, что я долженъ отвѣтить на подобные вопросы не однимъ только случайнымъ своимъ корреспондентамъ, но и всѣмъ тѣмъ, которые, какъ и они, нуждаются въ посторонней помощи при разрѣшеніи вопросовъ, касающихся теоріи и практики самообразованія.

Вотъ для кого, съ какою цѣлью и почему я принялся за эти письма. Но я былъ бы въ высшей степени доволенъ, если бы они нашли читателей и среди юношей, еще не ощутившихъ потребности заняться самообразованіемъ: быть можетъ, эта небольшая книжка заставила бы ихъ кое о чемъ подумать и въ концѣ-концовъ признать, что стремле-

ніе къ самообразованію есть прямой долгъ, налагаемый на человѣка его духовною природою и его обязанностями передъ обществомъ — передъ роднымъ народомъ и передъ великою общечеловѣческою семьею.

Письмо второе

о томъ, что главною цѣлью самообразованія должна быть выработка міросозерцанія.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ спеціальномъ журналѣ [1]) я, будучи занятъ все тѣми же мыслями, которыя заставили меня приняться за эти письма, написалъ статью подъ заглавіемъ; „Что такое общее образованіе“? Въ ней между прочимъ я коснулся вопроса о томъ, какъ возникаетъ потребность въ самообразованіи у молодыхъ людей извѣстнаго возраста. Такъ какъ, внимательно перечитавъ эту статью я увидѣлъ, что то же самое я могъ бы, ровно ничего не измѣняя, повторить и теперь, то позволяю себѣ сдѣлать изъ этой статьи нѣсколько выдержекъ.

„И по собственному опыту, и по наблюденію надъ другими я знаю, что есть такая особая пора въ жизни человѣка нашего круга, которая отличается наибольшимъ развитіемъ умственныхъ запро-

[1]) „Русская Школа“ за 1891 г., № 10.

совъ, наибольшею широтою общихъ интересовъ, впослѣдствіи болѣе или менѣе успокаивающихся на извѣстныхъ рѣшеніяхъ и ограничивающихся извѣстными рамками, отличается и наибольшею воспріимчивостью къ самому разнородному знанію, соединенною съ отвращеніемъ ко всему навязываемому извнѣ: это есть возрастъ, общаго образованія по преимуществу, наиболѣе для него пригодный въ рукахъ дающаго, наиболѣе самъ идущій на встрѣчу тому, что дается,—возрастъ, имѣющій свою особую психологію, знаніемъ коей не слѣдуетъ пренебрегать ни тому, кто теоретически разсуждаетъ объ общемъ образованіи, ни тому, кто практически стоитъ у этого дѣла... Вообще это годы, искусственно, на мой взглядъ, раздѣленные у насъ между старшими классами гимназіи и младшими курсами университета, своего рода Sturm- und Drangperiode интеллигентнаго существованія... Я опредѣляю вступленіе въ этотъ возрастъ отношеніемъ юноши къ литературѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова.. Когда мальчикъ перестаетъ чувствовать вкусъ къ чтенію книжекъ, спеціально пишущихся для дѣтскаго или такъ называемаго юношескаго возраста, и начинаетъ переходить къ общей литературѣ,особенно когда онъ начинаетъ интересоваться текущей литературой, а вмѣстѣ съ этимъ и вдумываться въ изображаемую ею дѣйствительность, и особеннѣе всего когда его начинаетъ манить къ себѣ критическое истолкованіе этой литературы и публицистическое истолкованіе этой жизни, тогда онъ и всту-

паетъ въ тотъ возрастъ, о коемъ у насъ идетъ рѣчь... Пока юный умъ довольствуется менѣе захватывающимъ чтеніемъ, онъ еще находится по ту сторону этой поры, а когда остываетъ этотъ пылъ и „проза жизни“ вступаетъ въ свои права, начинается уже новая пора индивидуальнаго бытія. Въ эти годы литература бываетъ часто болѣе могучимъ орудіемъ общаго образованія, чѣмъ самая наука, да и въ наукѣ ищется преимущественно то, что составляетъ главную притягательную силу литературы,—идейность“. Два дѣла совершенно разныя—искать въ книгахъ занимательности, читая ихъ для простого препровожденія времени, и искать въ нихъ отвѣтовъ на высшіе запросы духа, „и вотъ именно, когда юноша, бывшій или не бывшій прежде любознательнымъ мальчикомъ, любившій или не любившій читать занимательныя книжки, начинаетъ относиться къ литературѣ со второй точки зрѣнія, онъ и вступаетъ въ тотъ періодъ своей жизни, когда онъ пріобрѣтаетъ вкусъ къ настоящему образованію: литература потому и получаетъ для него значеніе какого-то откровенія, что въ ней онъ находитъ пищу для своего юношескаго идеализма. Послѣдній, какъ извѣстно, вообще существуетъ и притомъ съ довольно опредѣленнымъ значеніемъ особаго настроенія, свойственнаго возрасту, когда впервые и сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было,—хотя, къ сожалѣнію, и не всегда прочно,—возникаетъ въ душѣ человѣка безкорыстное увлеченіе знаніемъ, наукою, идеей, и хотя въ смутныхъ очертаніяхъ, какъ нѣчто захва-

тывающее, властно къ себѣ зовущее, рисуется идеалъ всеобъемлющаго знанія и пониманія... Пріучаться искать идейности въ наукѣ и литературѣ можно только въ извѣстномъ возрастѣ. Навязывать такую точку зрѣнія ребенку, у котораго любознательность ограничивается областью фактовъ, а занимательное въ литературѣ—міромъ образовъ, значитъ насиловать природу, но также значитъ и заглушать ея требованія, если въ томъ возрастѣ, въ коемъ уже возможно пониманіе идейнаго въ наукѣ и литературѣ, лишать пищи нарождающійся идеализмъ и въ фактѣ давать только фактъ, въ образѣ—только образъ. Кто по вялости натуры, по случайностямъ воспитанія, по особенностямъ своей среды не научился въ свое время искать идейнаго содержанія въ фактахъ науки и въ образахъ искусства и съ идейной точки зрѣнія относиться къ жизни, тому впослѣдствіи уже поздно будетъ наверстывать упущенное въ благопріятный психологическій моментъ. Главные интересы, умственныя стремленія и пріемы мысли зрѣлаго человѣка, его философскіе взгляды, основныя моральныя воззрѣнія и общественныя убѣжденія,—все это является болѣе и менѣе сформировавшимся или, по крайней мѣрѣ, рѣзко обозначившимся къ концу того періода, который совпадаетъ съ университетскими годами, и то, что не было пріобрѣтено въ этотъ періодъ, такъ и остается пробѣломъ во всей остальной жизни человѣка... Молодая чуткость, воспріимчивость, напряженность чувства, молодые порывы проходятъ съ годами без-

слѣдно, если въ свое время человѣкъ не пріобрѣлъ того, что̀, благодаря имъ, украшаетъ молодые годы и позволяетъ впослѣдствіи человѣку помянуть ихъ добромъ".

„Въ жизни каждаго человѣка, поставленнаго въ благопріятныя условія развитія,—сказано въ другомъ мѣстѣ,—наступаетъ пора, когда передъ пробуждающимися высшими проявленіями сознанія открываются новыя стороны его собственнаго *я* и съ новыхъ же сторонъ открывается передъ нимъ окружающій міръ, когда уму его дѣлается доступнымъ пониманіе тѣхъ идей, которыя были для него раньше простыми словами и, пожалуй, словами съ довольно опредѣленнымъ смысломъ, но со смысломъ чисто внѣшнимъ, — пониманіе того смысла, какой этимъ словамъ дается въ дѣйствительной жизни, и того внутренняго значенія, какое они получаютъ въ высшихъ проявленіяхъ философіи и поэзіи; когда осмысленная и осложненная новыми чертами любознательность превращается въ жажду знанія и чувствуется потребность понять міръ и свое мѣсто въ мірѣ, сущность своего *я*, задачу своей жизни, законъ своего отношенія къ другимъ людямъ; когда начинаетъ сознаваться связь личности съ обществомъ, ея по отношенію къ нему права и обязанности, и когда впервые молодой умъ начинаетъ разбираться въ общественныхъ вопросахъ и теченіяхъ общественной жизни. И вотъ онъ работаетъ и мыслью, и чувствомъ — и иногда мучительно работаетъ,— *чтобы имѣть по возможности цѣльное, полное и*

стройное міросозерцаніе, мучась малѣйшими противорѣчіями, пробѣлами и несообразностями вездѣ, гдѣ только они для него открываются—и въ мірѣ жизни, и въ мірѣ мысли. Головою философъ, сердцемъ поэтъ—такова въ четырехъ словахъ характеристика каждаго юноши съ такимъ душевнымъ настроеніемъ, какъ нельзя болѣе подходящимъ для того, чтобы увлекаться всѣмъ, что говоритъ заразъ и головѣ, и сердцу, поэзіей возвышенныхъ думъ и философіей художественныхъ произведеній, критическихъ и публицистическихъ статей, научныхъ обобщеній, разъ въ нихъ заключено пониманіе міра и человѣка, и на этой же почвѣ впервые выростаютъ и общественные интересы молодого человѣка. Какъ первая любовь дѣлаетъ его поэтомъ, такъ первое пробужденіе настоящаго самосознанія превращаетъ его въ философа, и такимъ философомъ бываетъ каждый изъ насъ,—кто больше, кто меньше, кто дольше, кто короче,—философомъ-идеалистомъ, способнымъ къ возвышенному настроенію, склоннымъ прикидывать ко всему идейную мѣрку, не постигающимъ объективнаго бытія, къ которому нельзя было бы предъявить требованіе идеала".

Набрасывая эти строки, взятыя съ разныхъ страницъ указанной статьи, я вовсе не былъ намѣренъ дѣлать полную и всестороннюю характеристику юношескаго идеализма, тѣмъ болѣе дать общую психологію возраста, коему присуще такое настроеніе. Только что приведенныя мѣста и нѣкоторыя другія въ такомъ же родѣ мнѣ были нужны

для того, чтобы опредѣлить сущность общаго образованія, содержаніе коего вообще должно отличаться общеинтересностью и которое въ силу этого не можетъ быть навязываемо, а должно восприниматься совершенно свободно. Для опредѣленія свойства знаній, наиболѣе возбуждающихъ интересъ къ себѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ наименьшимъ принужденіемъ воспринимаемыхъ молодежью въ годы, когда она предается самообразованію,—а такимъ свойствомъ для меня является идейность,—мнѣ и потребовались нѣкоторыя общія соображенія относительно психологіи возраста, въ коемъ съ особою силою ощущается потребность самообразованія, съ особою настойчивостью сознается его необходимость, хотя бы его цѣль и оставалась нѣсколько неясной или даже невполнѣ правильно понималась. Выписывая теперь эти свои соображенія насчетъ психологіи возраста, наиболѣе склоннаго стремиться къ самообразованію, я именно хотѣлъ показать, откуда слѣдуетъ выводить цѣль, какую этому стремленію должно ставить, и нарочно подчеркнулъ слова: „чтобы имѣть по возможности цѣльное, полное и стройное міросозерцаніе“. Я именно и стою на этой точкѣ зрѣнія, признавая, что главною цѣлью самообразованія должна быть именно выработка міросозерцанія.

Если я только вѣрно представилъ мотивы, заставляющіе лучшую часть учащейся молодежи стремиться къ самообразованію, я вѣрно опредѣлилъ и ту цѣль, какую оно должно имѣть. Но мнѣ кажется, что относительно перваго я не дѣлаю никакой

ошибки: по крайней мѣрѣ, и личныя мои воспоминанія, и наблюденія, какія приходилось дѣлать сначала надъ товарищами и вообще сверстниками, а потомъ надъ учениками и слушателями или посторонними молодыми людьми, отвѣты, мнѣ ими дававшіеся на вопросъ, что побуждаетъ ихъ искать общаго образованія, получавшіяся мною письма, въ коихъ юные корреспонденты высказывали свои желанія на счетъ самостоятельнаго чтенія,—все это не позволило бы мнѣ какъ-нибудь иначе понять основной источникъ стремленія къ самообразованію. Я не стану утверждать, чтобы безъ посторонней помощи молодежь—или хотя бы лишь громадное ея большинство—могла сама такимъ образомъ опредѣлить цѣль, по отношенію къ коей само пріобрѣтеніе знаній и усвоеніе философскихъ, научныхъ, нравственныхъ и общественныхъ идей, могущее быть разсматриваемо, какъ самодовлѣющая цѣль, является въ концѣ-концовъ лишь средствомъ, но я думаю именно, что естественнымъ результатомъ правильнаго, широкаго и полнаго удовлетворенія потребности въ самообразованіи, должна быть понимаемая мною, какъ его главная цѣль, выработка міросозерцанія. Она, цѣль эта, такъ сказать, заложена въ самомъ интересѣ къ идейному знанію, хотя бы люди, начинающіе чувствовать такой интересъ, и не подозрѣвали, куда неминуемо должно ихъ привести удовлетвореніе ихъ потребности въ идейномъ знаніи. Если при первомъ пробужденіи идейныхъ интересовъ молодой человѣкъ и не можетъ дать себѣ яснаго отчета

относительно того, къ чему заставляютъ его стремиться, такъ сказать, безсознательные инстинкты его духовной природы, то каждый вопросъ мысли или жизни, представляющійся его уму и настоятельно требующій своего рѣшенія, ставитъ его на ту дорогу, вступленіе на которую есть уже начало выработки міросозерцанія, хотя бы, повторяю, самъ юноша этого на первыхъ порахъ ясно и не могъ сознавать и, конечно, подъ однимъ условіемъ, чтобы, вступивъ на этотъ путь, онъ не сходилъ съ него, пока не создастъ себѣ цѣльнаго, полнаго и стройнаго міросозерцанія. Я уже выше говорилъ [1]), что обыкновенно первоначальный интересъ къ философскимъ, научнымъ, моральнымъ и соціальнымъ идеямъ, изъ совокупности коихъ, приведенной въ систему, складывается все міросозерцаніе человѣка, обнаруживается въ видѣ стремленія понять лишь ту или другую область мысли, ту или другую сторону жизни, но вѣдь выработка міросозерцанія и не можетъ быть сразу начата со всѣхъ концовъ, какъ бы ни были малы промежутки времени между переходами отъ однихъ вопросовъ къ другимъ. Въ мірѣ мысли, однако, все такъ тѣсно связано одно съ другимъ, что разъ затронутъ пытливымъ умомъ одинъ разрядъ явленій, одна категорія вопросовъ, то рано или поздно интересъ переносится на другія, близкія къ нимъ области явленій и вопросовъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, должно быть въ

[1]) См. выше, стр. 17.

теоріи, хотя на практикѣ, конечно, бываетъ и иначе, когда по тѣмъ или инымъ причинамъ, заключающимся въ самомъ индивидуумѣ или лежащимъ въ совокупности окружающихъ его условій, самъ человѣкъ то сознательно закрываетъ глаза передъ отдѣльными проблеммами испытующей мысли, то непроизвольно не заботится о постановкѣ новыхъ и новыхъ вопросовъ, то съ предвзятою мыслью, принятою на вѣру, но критически не обоснованною, объявляетъ, что внѣ ограниченной сферы предметовъ, его занимающихъ, не можетъ быть ничего столь же интереснаго и важнаго, или же когда онъ, наоборотъ, не видитъ ничего дальше извѣстнаго предѣла, не подозрѣваетъ существованія за нимъ другихъ областей, доступныхъ мысли, и не можетъ постигнуть ихъ интересности и важности по причинамъ, отъ самого его совершенно независящимъ. Послѣднія причины создаются главнымъ образомъ условіями культурной и соціальной среды, кладущей на отдѣльную личность свой отпечатокъ, иногда крайне неблагопріятный для какого бы то ни было индивидуальнаго развитія, или ставящій этому развитію чисто внѣшнія препятствія; но если въ интересахъ личнаго развитія человѣкъ вступаетъ въ борьбу съ окружающею его средою, то,—замѣчу здѣсь кстати,—онъ долженъ не менѣе этого и даже прежде всего заботиться о томъ, чтобы въ себѣ самомъ побѣдить разныя препятствія, которыя могутъ мѣшать выработкѣ міросозерцанія,—трусость мысли, лѣность мысли, догматизмъ мысли. Впрочемъ, обо всемъ этомъ я буду еще

говорить послѣ и говорить подробнѣе. Здѣсь я хочу только сказать, что если человѣкъ, работающій надъ собою для устраненія въ себѣ самомъ всѣхъ помѣхъ въ дѣлѣ расширенія своихъ духовныхъ интересовъ, оказывающій вмѣстѣ съ тѣмъ сопротивленіе растлѣвающему вліянію среды и даже вступающій въ борьбу съ внѣшними препятствіями для своего развитія, войдетъ только въ идеальный кругъ главнѣйшихъ и важнѣйшихъ вопросовъ человѣческаго міросозерцанія, съ какого бы края онъ въ этотъ кругъ ни вступилъ, то одинъ вопросъ всегда будетъ задѣвать другіе вопросы и естественнымъ результатомъ будетъ именно та выработка міросозерцанія, которую я рекомендую моимъ читателямъ разсматривать, какъ главную цѣль самообразованія.

Прошу обратить особое вниманіе на самое выраженіе—„выработка міросозерцанія“. Я говорю именно—„выработка“, хотя, повидимому, могъ бы замѣнить это слово другими, какъ то: полученіе, усвоеніе, пріобрѣтеніе и т. п. Нѣтъ, я какъ-разъ поставленное слово нахожу наиболѣе подходящимъ для того, чтобы отмѣтить чисто *активный* характеръ, какой должно имѣть пріобрѣтеніе путемъ самообразованія философскихъ, научныхъ, нравственныхъ и общественныхъ воззрѣній, изъ коихъ слагается человѣческое міросозерцаніе. Въ противоположность къ той выработкѣ міросозерцанія, о которой идетъ у насъ рѣчь, всякое иное усвоеніе какихъ бы то ни было идей отличается чисто пассивнымъ характеромъ, какъ это и бываетъ обыкновенно

въ культурной средѣ, стоящей на низкой ступени развитія. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь человѣкъ усвоиваетъ извѣстныя воззрѣнія, — съ коими потомъ не разстается всю жизнь, — не прилагая къ этому съ своей стороны ни малѣйшаго усилія. Онъ совсѣмъ готовыми получаетъ всѣ отвѣты на разные вопросы мысли и жизни прежде, нежели сами эти вопросы предстанутъ предъ его умомъ, какъ вопросы. Такимъ образомъ въ его голову помимо его сознанія и воли входитъ опредѣленное количество идей, въ коихъ заранѣе дано разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, какіе могутъ представиться его уму. Этотъ умъ самъ не ставилъ вопросовъ, и потому ему нечего было искать на нихъ отвѣтовъ; онъ пассивно воспринялъ извѣстныя понятія, идеи, сужденія и формулы, просто лишь вращаясь въ извѣстной средѣ, слыша, какъ онѣ постоянно повторяются, привыкая къ нимъ, подпадая подъ ихъ власть, лишаясь постепенно способности представить себѣ, чтобы могли быть иныя понятія, идеи, сужденія и формулы, кромѣ тѣхъ, какія вошли въ его умъ,—даже способности понимать что бы то ни было иначе, чѣмъ привыкъ онъ понимать самъ или чѣмъ понимаютъ всѣ его окружающіе. Это, конечно, тоже есть міросозерцаніе, и разумѣется, оно тоже постепенно вырабатывалось, но является оно результатомъ коллективной и безсознательной дѣятельности цѣлаго ряда послѣдовательныхъ поколѣній, дѣятельности, суммирующей мелкіе индивидуальные вклады, но если въ такомъ случаѣ данное міросозерцаніе мы встрѣчаемъ

въ умѣ одного человѣка, въ немъ оно является результатомъ не собственной работы мысли, а пассивнаго усвоенія слышаннаго и видѣннаго, хотя бы это усвоенное вошло въ плоть и кровь человѣка, срослось со всѣмъ его духовнымъ существомъ, стало частью его собственнаго *я*. Такое міросозерцаніе я назову традиціональнымъ, ибо носителемъ его является традиція, преданіе — въ широкомъ смыслѣ безсознательной и непроизвольной передачи одними другимъ всего его содержанія, соединенной со столь же безсознательнымъ и непроизвольнымъ его усвоеніемъ со стороны воспринимающихъ. Изученіе всемірной исторіи съ философской точки зрѣнія показываетъ, что на низшихъ ступеняхъ культурнаго развитія именно такимъ образомъ возникаютъ, передаются и усвоиваются міросозерцанія. Изъ того же изученія явствуетъ, что весь умственный прогрессъ, состоящій въ замѣнѣ первобытныхъ міросозерцаній болѣе истинными и справедливыми воззрѣніями на природу, на человѣка и на общество, создается усиліями личной мысли [1]). Если личная мысль сама ставитъ вопросъ, то потому, что или не находитъ на него отвѣта въ традиціональномъ міросозерцаніи, или начинаетъ сомнѣваться въ вѣрности даваемаго тамъ отвѣта. Здѣсь, въ этомъ моментѣ и лежитъ

[1]) Объ этомъ см. подробнѣе въ моихъ книгахъ: „Основные вопросы философіи исторіи“, „Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи“, „Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени“.

начало той дѣятельности мысли, вѣнцомъ которой можетъ быть только выработка индивидуальнаго міросозерцанія, существеннымъ образомъ отличающагося отъ міросозерцанія традиціональнаго. Первое дѣло — человѣкъ самъ задается вопросомъ: онъ, значитъ, переросъ окружающую его среду, открывъ важный пробѣлъ или отвѣтъ сомнительной истинности въ міросозерцаніи, коимъ среда живетъ и удовлетворяется. Этимъ открывается передъ умомъ человѣка новый путь, въ концѣ коего, если только идти въ данномъ направленіи все впередъ и впередъ, можетъ быть только одно — въ идеалѣ, конечно, — возбужденіе по собственной иниціативѣ всѣхъ основныхъ вопросовъ міросозерцанія и самостоятельная работа надъ ихъ рѣшеніемъ, хотя бы по существу своему все дѣло сводилось къ усвоенію уже имѣющихся отвѣтовъ (не простому, однако, усвоенію, а къ усвоенію, оправдываемому критикою личной мысли). Усвоеніе міросозерцанія традиціональнаго отличается характеромъ пассивнымъ и догматическимъ, выработка личнаго міросозерцанія, немыслимая, разумѣется, безъ усвоенія чужихъ воззрѣній, имѣетъ характеръ активный и критическій. Въ способахъ пріобрѣтенія людьми знаній и идей это — два полюса, двѣ діаметральныя противоположности, между коими — цѣлая градація относительнаго преобладанія пассивности и догматизма или активности и критики. Умственный прогрессъ — въ исторіи ли всего человѣчества, или въ жизни отдѣльнаго человѣка — состоитъ въ усиленіи вторыхъ на счетъ пер-

выхъ. Культурный ростъ личности и цѣлаго общества (послѣдняго съ точки зрѣнія условій, благопріятствующихъ индивидуальному развитію) измѣряется прежде всего степенью развитія активной и критической мысли. Не каждая общественная среда бываетъ, такъ сказать, одинаково приспособлена къ тому, чтобы въ ней могли появляться и успѣшно дѣйствовать отдѣльныя единицы, работающія надъ собственнымъ своимъ міросозерцаніемъ, и не всякое общественное положеніе этому способствуетъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи учащаяся молодежь, проходящая черезъ среднюю и высшую школу, поставлена въ сравнительно наиболѣе благопріятныя условія въ виду именно своего положенія, какъ учащейся молодежи, ибо научныя занятія при правильной постановкѣ дѣла особенно способствуютъ развитію тѣхъ пріемовъ мысли, которые необходимы въ дѣлѣ самостоятельной выработки міросозерцанія. Съ другой стороны, масса новыхъ идей, если можно такъ выразиться, вторгающихся въ молодыя головы и съ каѳедры, и изъ книгъ, и изъ товарищеской среды съ ея нескончаемыми спорами, играетъ роль средства, особенно сильно и возбуждающимъ образомъ дѣйствующаго на умъ и чувство—и все это какъ-разъ въ то время, когда въ своемъ духовномъ ростѣ личность выходитъ изъ дѣтскаго или полудѣтскаго періода, характеризующагося большею пассивностью и склонностью къ догматизму, чтобы вступить въ новый періодъ жизни, періодъ болѣе самостоятельнаго и сознательнаго отношенія къ во-

просамъ человѣческаго знанія и существованія. Молодой умъ ставитъ вопросы и ищетъ на нихъ отвѣтовъ. Понятное дѣло, что на первыхъ порахъ это иначе и не можетъ быть, какъ подъ возбуждающимъ дѣйствіемъ и подъ рѣшающимъ вліяніемъ среды: и въ постановкѣ своихъ вопросовъ, и въ даваніи на нихъ отвѣтовъ онъ въ сильной степени зависитъ отъ другихъ, такъ какъ нельзя же ожидать, чтобы сразу юноша могъ отрѣшиться отъ пассивнаго усвоенія ходячихъ вокругъ идей и отъ догматическихъ привычекъ. Да, на первыхъ порахъ это вполнѣ естественно и понятно, но весьма было бы печально, если бы и потомъ все было бы такъ же. Въ смыслѣ личнаго развитія еще не сдѣлано рѣшительнаго шага впередъ, если молодой человѣкъ однѣ пассивно усвоенныя и принятыя на вѣру идеи замѣнитъ другими, но столь же несамостоятельно и догматически воспринятыми. Сущность самообразованія не въ томъ состоитъ, чтобы овладѣть извѣстнымъ фактическимъ и идейнымъ содержаніемъ, пребывая попрежнему на той ступени развитія, которая соотвѣтствуетъ пассивному и догматическому усвоенію чужихъ мыслей. Самообразованіе должно быть не только самостоятельнымъ, безъ помощи учителя пріобрѣтеніемъ извѣстнаго запаса знаній и идей путемъ одного чтенія подходящихъ книгъ, но и самовоспитаніемъ въ смыслѣ развитія въ себѣ умственной самодѣятельности, въ смыслѣ искорененія въ себѣ привычекъ, созданныхъ пассивнымъ и догматическимъ усвоеніемъ чужихъ идей, свойствен-

нымъ раннимъ періодамъ въ жизни не только всего человѣчества, но и отдѣльнаго человѣка. Хотя, конечно, очень важно, *какія* идеи усвоиваются человѣкомъ, но не менѣе важно и то, *какимъ путемъ* ихъ человѣкъ пріобрѣтаетъ. Самодѣятельность и самостоятельность мысли встрѣчаютъ главныхъ своихъ враговъ не только въ подражательныхъ инстинктахъ и стадныхъ привычкахъ, присущихъ человѣческой природѣ: хотя безъ помощи окружающей культурной среды единичный умъ не въ состояніи ничего создать, однако, каждая культурная среда, всегда болѣе или менѣе навязывающая индивидууму господствующія въ ней идеи, является въ бо́льшей или меньшей степени тоже врагомъ для развитія самодѣятельной и самостоятельной мысли. Вступая въ борьбу во имя истины, открываемой только путемъ приложенія къ вопросамъ знанія пытливой и свободной мысли,—вступая, говорю я, во имя истины въ борьбу съ своими подражательными инстинктами и стадными привычками, лежащими въ основѣ пассивнаго и догматическаго усвоенія чужихъ идей безъ личной провѣрки ихъ истинности, и развивая въ себѣ активную и критическую мысль, не слѣдуетъ ограничиваться распространеніемъ ея дѣйствія на то старое, которое покидаешь, по отношенію же къ новому, начинающему постепенно составлять содержаніе нашей мысли, сохраняя старыя привычки, осуждаемыя самымъ понятіемъ самообразованія, саморазвитія. Да, говоря о томъ, что цѣлью самообразованія должна быть выработка міросозерцанія, я особенно

настаиваю на томъ, что это именно должна быть *выработка*, предполагающая и развитіе необходимаго въ такомъ дѣлѣ орудія—самой активной и критической мысли.

Все, что мною сейчасъ было написано, въ данномъ случаѣ не есть простое теоретическое разсужденіе, но представляетъ изъ себя и практическій совѣтъ, вызванный опять-таки не соображеніями отвлеченнаго свойства, а указаніями, полученными изъ многочисленныхъ наблюденій надъ дѣйствительностью. Если въ основѣ стремленія къ самообразованію лежитъ желаніе узнать истину о природѣ, о человѣкѣ и объ обществѣ, порождающее выработку міросозерцанія, необходимо помнить, что каждое міросозерцаніе складывается не только изъ знанія, но и изъ вѣры. Тѣ истины, къ обладанію коими стремится молодежь, прибѣгая для ихъ достиженія къ самообразованію, должны говорить не одному уму, но и сердцу—и въ сущности, можетъ быть, въ юношескомъ идеализмѣ именно чувство и преобладаетъ надъ мыслью. Сколько разъ мнѣ приходилось отмѣчать тотъ фактъ, что стремленіе къ самообразованію получало характеръ исканія, во что́ вѣрить, предпочтительно передъ исканіемъ объективнаго знанія! Сколько разъ точно также приходилось наблюдать, что та или другая вѣра,—подъ которою нѣтъ надобности непремѣнно разумѣть только того, что связано съ представленіями сверхчувственнаго міра и загробнаго существованія,—сразу давала извѣстное успокоеніе душевной тревогѣ, заставляющей искать ис-

тины! Каждое міросозерцаніе складывается изъ идей о томъ, что̀ есть, и изъ идей о томъ, что̀ должно быть: то, что есть, представляетъ изъ себя предметъ знанія, науки, изслѣдованія, а то, что должно быть, есть предметъ вѣры, религіи—въ самомъ широкомъ смыслѣ слова и творчества идеаловъ. Міросозерцаніе, изъ котораго изгнано всякое понятіе о томъ, что̀ должно быть, что̀ можетъ быть названо добрымъ и прекраснымъ, нравственнымъ и справедливымъ, во что̀ слѣдуетъ вѣрить, на что̀ надѣяться, что̀ любить, къ чему стремиться, ради чего жить, во имя чего работать,—такое міросозерцаніе не можетъ удовлетворить ни вообще подавляющаго большинства людей, ни подавляющаго же большинства молодежи, стремящейся къ самообразованію не изъ одного холоднаго и спокойнаго желанія узнать объективныя отношенія жизни природы и человѣка. Міросозерцаніе должно быть цѣльнымъ и полнымъ, т.-е. удовлетворять потребностямъ всего человѣка, какъ существа, которое нельзя брать лишь съ одной какой-либо его стороны. Человѣкъ состоитъ изъ ума, чувства и воли; онъ живетъ не только самъ въ себѣ и съ самимъ собою, но и рядомъ съ другими людьми и въ данномъ обществѣ, составляющемъ часть человѣчества,—и вотъ въ виду того, что у него есть чувство, заставляющее его одно одобрять и любить, другое порицать и ненавидѣть, есть воля, ищущая руководства, какъ ей поступать по отношенію къ другимъ людямъ, къ родному народу, ко всему человѣчеству,—онъ и желаетъ, чтобы его міро-

созерцаніе было не простою совокупностью идей относительно того, какъ слѣдуетъ понимать явленія окружающей его дѣйствительности и въ зависимости однихъ отъ другихъ, но и системою убѣжденій съ нравственнымъ и общественнымъ содержаніемъ. Поэтому, если молодежь,—какъ я постоянно наблюдалъ,—стремясь къ самообразованію, ищетъ, во что̀ ей вѣрить, то съ указанной точки зрѣнія это вполнѣ естественно, совершенно понятно и заслуживаетъ величайшаго сочувствія, ибо убѣжденіе есть одно изъ явленій нравственнаго характера, и для общественнаго блага нужно, чтобы было побольше людей, способныхъ дѣйствовать по убѣжденію. Но у исканія вѣры есть и другая сторона, имѣющая совсѣмъ уже иной характеръ. Я не буду здѣсь говорить о такомъ исканіи вѣры, которое, сосредоточивая всѣ помыслы людей на иномъ мірѣ, весьма часто отвлекаетъ ихъ отъ интереса къ другимъ людямъ и къ общественнымъ дѣламъ. Нѣтъ, не эту сторону дѣла имѣю я теперь въ виду, а нѣчто совсѣмъ другое, далекое отъ только-что намѣченной темы. Нужно вообще понимать, что̀ можетъ быть предметомъ вѣры,—и не переносить на предметы знанія того, что можетъ относиться лишь къ предметамъ вѣры. Привычка къ пассивному и догматическому усвоенію чужихъ идей, т.-е. привычка принимать на вѣру какія бы то ни было воззрѣнія, сама по себѣ въ высшей степени гибельна въ дѣлѣ самостоятельной выработки міросозерцанія, а между тѣмъ исканіе вѣры весьма часто принимаетъ харак-

теръ не только желанія знать, во что̀ слѣдуетъ вѣрить, но и стремленія вѣрить тамъ, гдѣ рѣчь можетъ идти только о знаніи и объ изслѣдованіи,—стремленія, вытекающаго изъ привычки принимать на вѣру, безъ всякаго сомнѣнія, размышленія и изслѣдованія съ своей стороны готовые отвѣты на вопросы, подлежащіе именно только знанію съ его доказательствами и способами провѣрки. Что среди молодежи, ставящей себѣ задачи самообразованія, исканіе вѣры тамъ, гдѣ рѣчь должна идти о знаніи и только о знаніи, получаетъ характеръ прямой противоположности исканія знанія, прежде всего требующаго анализа и критики, доказательствъ и провѣрки, это, конечно,—явленіе довольно естественное и не непонятное, но о немъ уже нельзя сказать, чтобы оно заслуживало одобренія. Совсѣмъ напротивъ даже, совсѣмъ напротивъ. Вѣра не въ смыслѣ даннаго содержанія, не могущаго, напр., по самой сущности своей быть предметомъ знанія, а въ смыслѣ извѣстнаго отношенія къ содержанію мысли, отличнаго отъ того, что называется знаніемъ, есть результатъ дѣйствія подражательныхъ инстинктовъ и догматическихъ привычекъ, т.-е. отсутствія критики, анализа, изслѣдованія. Я не сталъ бы говорить здѣсь объ этомъ, если бы не встрѣчался съ многочисленными случаями стремленія къ самообразованію, въ коихъ значительную роль играло исканіе вѣры именно въ такомъ значеніи, враждебномъ дѣйствительному знанію, настоящей наукѣ, правильному самообразованію. Когда такое исканіе вѣры является

преобладающимъ и даже господствующимъ мотивомъ въ означенномъ стремленіи и не даетъ развернуться настоящему желанію знанія, могущему даже совсѣмъ заглохнуть, не можетъ быть и рѣчи о приближеніи къ идеальной цѣли самообразованія. Правда, путемъ принятія на вѣру извѣстныхъ формулъ можно себѣ составить міросозерцаніе и даже скорѣе, чѣмъ инымъ путемъ, путемъ самостоятельной выработки объективныхъ взглядовъ и субъективныхъ убѣжденій, но во-первыхъ, это не будетъ *свое* міросозерцаніе, хотя и добытое по́томъ и кровью, цѣною мучительныхъ сомнѣній и горькихъ разочарованій, но и соединенное съ свѣтлыми и радостными воспоминаніями о преодолѣнныхъ трудностяхъ и добытыхъ истинахъ, а во-вторыхъ, полная и всесторонняя истина есть идеалъ, къ коему вѣчно нужно стремиться, не успокоиваясь на полученныхъ результатахъ; догматическое же отношеніе къ истинѣ, состоящее въ вѣрѣ, будто данное міросозерцаніе заключаетъ въ себѣ всю истину и будто тому, кто ею обладаетъ, болѣе ничего знать не нужно, такъ какъ все остальное можетъ быть только заблужденіемъ,—такое отношеніе къ истинѣ обнаруживаетъ въ человѣкѣ лишь непониманіе самаго существа истины.

Стремленіе къ знанію при отношеніи къ его предметамъ, свойственномъ собственно вѣрѣ, есть явленіе, повторяю, довольно обычное во многихъ случаяхъ стремленія къ самообразованію. Давно уже замѣчено, что человѣкъ весьма охотно вѣритъ въ то, чего желаетъ. Если онъ желаетъ того, что̀ дол-

жно существовать съ точки зрѣнія индивидуальной и соціальной этики, онъ имѣетъ полное право вѣрить въ это подъ условіемъ, чтобы оно не было невозможнымъ съ точки зрѣнія данныхъ и результатовъ положительнаго знанія. Но представьте себѣ, что человѣкъ вѣритъ въ то, что нѣчто было или есть такъ, какъ ему было бы желательно, чтобы оно было въ прошедшей и настоящей дѣйствительности: это будетъ уже совсѣмъ иная вещь, чѣмъ въ первомъ случаѣ, ибо о томъ, что было или есть, нужно судить по тому, какъ оно на самомъ дѣлѣ было или есть, руководствуясь исключительно данными дѣйствительности и пользуясь пріемами научнаго изслѣдованія, а не тѣмъ, какъ намъ вслѣдствіе какихъ бы то ни было мотивовъ, было бы желательно, чтобы это было. Совѣтуя всѣмъ развивать въ себѣ вѣру въ первомъ смыслѣ съ тѣми ограниченіями, какія на нее должно налагать знаніе, я, разумѣется, о вѣрѣ въ послѣднемъ смыслѣ долженъ сказать совершенно противное. Вотъ здѣсь я и считаю возможнымъ коснуться нѣкоторыхъ недостатковъ мысли, о коихъ упоминалъ выше и обѣщалъ поговорить подробнѣе. Однимъ изъ свойствъ искания вѣры во второмъ, мною, какъ читатель видитъ, совсѣмъ неодобряемомъ значеніи, является нѣкоторая боязливость мысли. Сущность этого явленія заключается въ томъ, что человѣкъ боится прикосновенія къ содержанію своей вѣры малѣйшей критики ея основныхъ и второстепенныхъ положеній. Ему хочется вѣрить, онъ дорожитъ своей вѣрой и боится

ее потерять, но кто твердо вѣритъ, тотъ, конечно, не боится, чтобы его могли легко разувѣрить: только слабая вѣра при сильной потребности вѣрить оказывается вѣрою трусливою. Разумная и сознательная вѣра—въ вопросахъ ли религіозныхъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ вся исторія, или въ вопросахъ нравственнаго и общественнаго характера,—наоборотъ, только и возможна послѣ того, какъ взвѣшены всѣ *pro* и *contra*, и на основаніи этихъ *pro* и *contra* постановлено то или другое рѣшеніе, которое человѣкъ и признаётъ обязательнымъ, по крайней мѣрѣ, лично для себя (ибо доказательствъ, имѣющихъ характеръ научной очевидности, для всѣхъ одинаково обязательной въ данномъ случаѣ быть не можетъ). Положимъ, я вѣрю въ историческій прогрессъ, долженствующій осуществить въ человѣчествѣ принципы истины и справедливости, но что бы я сказалъ объ этой своей вѣрѣ,—потому что это все-таки вѣра,—если бы, боясь ее утратить, я умышленно устранялъ отъ себя всякую критику идеи прогресса и данныя исторической науки, свидѣтельствующей о томъ, какъ въ дѣйствительности совершалась исторія, а не о томъ, какъ ей слѣдовало бы совершаться, чтобы совпадать съ моими желаніями,—да, что бы я сказалъ при этомъ и о самомъ себѣ, какъ человѣкѣ, боящемся быть разувѣреннымъ? Потребность вѣры такъ глубоко заложена въ природѣ человѣка, и можетъ существовать такое большое количество предметовъ вѣры (которые наукою не могутъ быть ни доказаны, но за то и ни опровергнуты),

что въ общемъ вѣра, разъ въ ней чувствуется потребность, т.-е. существуютъ для нея тѣ или другія психологическія основанія, всегда выйдетъ съ успѣхомъ изъ критическаго испытанія,—конечно, если только ея предметъ не является съ точки зрѣнія положительнаго знанія совершеннѣйшею нелѣпостью. Итакъ, побольше смѣлости мысли, и если ея критика разрушитъ принятыя на вѣру положенія изъ категоріи тѣхъ вопросовъ, которые подлежатъ вѣдѣнію научнаго знанія,— положенія, принятыя на вѣру, но наукой не доказанныя или даже прямо ею опровергнутыя, тѣмъ лучше, ибо въ такомъ случаѣ ложное знаніе будетъ замѣнено истиннымъ знаніемъ или, по крайней мѣрѣ, не будетъ служить препятствіемъ къ полученію или выработкѣ истиннаго знанія. Родною сестрою трусости мысли и такимъ же врагомъ самостоятельной выработки міросозерцанія является лѣность мысли. Въ первомъ случаѣ, овладѣвъ извѣстнымъ умственнымъ содержаніемъ, человѣкъ боится его потерять и поэтому бережетъ свое добро отъ всего, что, по его мнѣнію, можетъ это добро у него отнять, во второмъ—онъ не хочетъ самъ трудиться для пріобрѣтенія добра и полагается во всемъ на чужой умъ, лѣнясь даже поставить вопросъ: а не дѣлаетъ ли онъ ошибки? Мнѣ часто приходилось встрѣчаться съ случаями нѣкотораго нетерпѣнія въ дѣлѣ составленія своего міровоззрѣнія. Въ иныхъ случаяхъ тутъ дѣйствовала извѣстная живость ума, желаніе все поскорѣе узнать, понять, охватить,—живость, служащая ручательствомъ,

что человѣкъ, обладающій такимъ умомъ, не успокоится на первомъ опытѣ своего міросозерцанія, но будетъ постоянно его перерабатывать,—и это хорошо, когда человѣкъ сразу хочетъ овладѣть всѣмъ,— но въ иныхъ случаяхъ дѣло представляется мнѣ въ совершенно другомъ свѣтѣ, что̀ бываетъ именно тогда, когда у человѣка не хватаетъ энергіи мысли передъ такою задачею, оказывается ли нужнымъ сразу положить большой трудъ на эту задачу, или растянуть этотъ трудъ на слишкомъ продолжительный срокъ. Съ другой стороны, при лѣности мысли очень легко полагаться на чужой умъ, не доискиваясь основаній, почему этотъ умъ, хотя бы даже не единичный, а болѣе или менѣе коллективный (въ родѣ общественнаго мнѣнія, взглядовъ, господствующихъ въ товарищеской средѣ и т. п.), совѣтуетъ, напр., заниматься только такими-то и такими то предметами, интересоваться только такими-то и такими-то вопросами, читать именно такія-то и такія-то книги. Лѣнивая мысль очень легко мирится со всякою рутиною, со всякими проторенными дорожками, боясь личной иниціативы и неизвѣданныхъ путей. Сама рутина есть продуктъ лѣности общественной мысли, а что въ практикѣ самообразованія рутина играетъ большую роль, это не подлежитъ никакому сомнѣнію—по винѣ, къ сожалѣнію, тѣхъ, которые могли бы бороться съ этой рутиной.

Нѣтъ, кто чувствуетъ настоящую потребность въ знаніи и сознаетъ все его значеніе, никогда не будетъ избѣгать знакомства съ наибольшимъ количе-

ствомъ основныхъ вопросовъ мысли и жизни и ограничиваться лишь нѣкоторою ихъ частью подъ вліяніемъ ли опасенія за свои вѣрованія, въ виду ли трудности дѣла, или просто потому, что кто-нибудь сказалъ, что вотъ этимъ заняться стоитъ, а остальное все никуда не годится. Рѣшительные приговоры подобнаго рода, къ сожалѣнію, тоже не рѣдкость. Правы ли, нѣтъ ли—ихъ произносящіе, принимать на вѣру такія заявленія не слѣдуетъ: вѣдь все это легко можетъ быть продуктомъ, личнаго недомыслія, кружковой исключительности, односторонней традиціи, превратившейся въ своего рода рутину. Приступающій къ самообразованію еще не знаетъ и знать не можетъ ни всего круга вопросовъ, опредѣляющихъ собою общее міросозерцаніе, ни ихъ взаимоотношеній и связи, ни наукъ, разрабатывающихъ отдѣльныя части и стороны міра мысли и міра жизни, и онъ не долженъ вѣрить никому, если ему скажутъ, что вотъ только такая-то наука и можетъ дать все, а въ остальныя лучше совсѣмъ и не заглядывать: пусть, напротивъ, онъ самъ посмотритъ и рѣшитъ, дѣйствительно ли одна эта наука, все въ себѣ содержитъ и такъ ли на самомъ дѣлѣ безсодержательны и безплодны всѣ другія науки. Такой провѣрки я требую и по отношенію къ тому, что говорю самъ и буду еще говорить.

Я уже довольно много говорилъ по поводу того, что міросозерцаніе развитого и образованнаго человѣка должно вырабатываться имъ самимъ, а не быть предметомъ пассивнаго и догматическаго усвоенія,

но тема эта мною еще не исчерпана. Мнѣ пока хотѣлось показать только, что однимъ изъ результатовъ самообразованія и въ то же время орудіемъ, совершенствующимся отъ собственнаго своего употребленія, должны быть извѣстные пріемы и привычки мысли, безъ коихъ самообразованіе не можетъ достигнуть своей цѣли. Какъ это должно дѣлаться, это уже другой вопросъ, отъ отвѣта на который я не отказываюсь, отлагая его разсмотрѣніе до другого мѣста. Еще не кончена главная тема этого письма, не сказано о томъ, что же такое само міросозерцаніе, о необходимости выработки, а не простого усвоенія коего, столько говорилось.

Мнѣ могутъ возразить, что, разсуждая о цѣли общаго образованія, я упускаю изъ виду вообще любознательность, удовлетвореніе коей, обогащая умъ фактическими знаніями, само по себѣ, однако, можетъ и не имѣть ничего общаго съ выработкой міросозерцанія съ его чисто идейнымъ содержаніемъ. Каждое стремленіе человѣка, каждый родъ его дѣятельности—дѣло сложное, имѣющее разныя стороны, и я, конечно, не буду отрицать того, что любознательности въ смыслѣ желанія пріобрѣтать новыя фактическія свѣдѣнія и пополнять и расширять старыя новыми подробностями принадлежитъ немаловажное значеніе въ дѣлѣ самообразованія, но полагать ее въ основу всего зданія я рѣшительно бы отказался. Какія бы важныя услуги ни оказывала въ данномъ дѣлѣ эта склонность, во всякомъ случаѣ она сравнительно съ выработкою міросозерцанія

представляетъ изъ себя влеченіе низшаго порядка. Любознательнымъ можетъ быть уже ребенокъ, коему еще недоступенъ міръ идей. Удовлетворяя одну любознательность, можно прочитать громадное количество книгъ описательнаго и повѣствовательнаго содержанія и о природѣ, и о человѣкѣ, и ни на одинъ шагъ не подвинуться въ своемъ міросозерцаніи, если все это чтеніе будетъ безъидейнымъ или не будетъ вызывать на размышленія сколько-нибудь философскаго характера. „Образованіе [1]) есть не столько обладаніе фактическими знаніями, сколько способность пониманія, предполагающая обладаніе извѣстными идеями. Можно знать много фактовъ, но вращаться въ самомъ тѣсномъ кругу идей, быть весьма ученымъ и очень мало образованнымъ. Можно и, наоборотъ, соединить очень широкое образованіе съ весьма ограниченною ученостью. Высшій идеалъ образованности вовсе не въ этомъ заключается, чтобы знать все, что только знаютъ всѣ ученые міра, но въ томъ, чтобы умѣть понимать всѣ идеи вѣка, имѣющія общій интересъ и могущія быть доступными каждому. И въ цѣломъ обществѣ образованіе измѣряется не суммою знаній, накопленныхъ въ головахъ отдѣльныхъ ученыхъ, а количествомъ и качествомъ идей, находящихся въ общемъ обращеніи. И отдѣльный человѣкъ пріобщается къ образованному обществу чрезъ усвоеніе его

[1]) Позволяю себѣ еще сдѣлать выписку изъ статьи „Что такое общее образованіе?“

идей, его умственныхъ стремленій, нравственныхъ воззрѣній, общественныхъ убѣжденій, содержащихся въ его идеяхъ. Говоря такъ я, однако, вовсе не разлучаю обладанія идеями отъ обладанія фактами: часто знаніе идей безъ знанія относящихся къ нимъ фактовъ само по себѣ немыслимо, и разъ человѣкъ усвоилъ извѣстныя идеи, онъ не могъ при этомъ не усвоить извѣстнаго количества фактовъ: въ силу уже одного этого долженъ существовать извѣстный комплексъ фактовъ, который въ каждомъ обществѣ обязателенъ для образованнаго человѣка, но комплексъ этотъ опредѣляется прежде всего совокупностью идей, изъ коихъ складывается образованность даннаго общества“. Сами факты вѣдь въ области каждой отдѣльной науки имѣютъ весьма различное значеніе; есть факты важные и неважные, значенія болѣе общаго или относящіеся къ числу подробностей, ближе и дальше стоящіе отъ основныхъ вопросовъ науки, и то, что интересно и доступно спеціалистамъ или можетъ удовлетворять самую неразборчивую любознательность, не всегда служащую доказательствомъ высоты и широты умственныхъ запросовъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ бываетъ лишено значенія для людей, не чувствующихъ желанія сдѣлаться спеціалистами или не обладающихъ способностью находить все одинаково любопытнымъ. И для настоящаго ученаго, понимающаго истинныя задачи науки, все второстепенное получаетъ интересъ лишь по его связи съ главнымъ, все частное—по связи съ общимъ, все единичное—по

связи съ цѣлымъ, на первомъ же планѣ стоитъ это цѣлое, общее и главное, совпадающее или находящееся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ идейнымъ содержаніемъ науки. Не-спеціалистъ, желающій познакомиться съ какой-либо наукой, конечно, прежде всего обратится въ ней къ общему и идейному, а не къ каталогу фактовъ, входящихъ въ ея составъ. Совершенно такъ же поступитъ и ученый спеціалистъ, когда ему придется преподавать науку съ каѳедры, изложить ее въ учебникѣ или популяризировать въ книгѣ для того или иного круга читателей. Онъ даже нарочно не станетъ загромождать свое изложеніе большимъ фактическимъ аппаратомъ, чтобы дать возможность своему слушателю или читателю схватить яснѣе и прочнѣе удержать въ своей памяти идейныя очертанія цѣлаго его науки. Не всѣ науки одинаково общеинтересны, и въ каждой общеинтересной наукѣ не все обладаетъ этимъ свойствомъ. Въ каждой наукѣ есть свой каталогъ фактовъ и есть своя философія въ смыслѣ основныхъ положеній и конечныхъ выводовъ. Къ чему же стремится ищущій общаго образованія — къ первому или ко второй? Двухъ различныхъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ быть не можетъ, а какой отвѣтъ нужно считать единственно возможнымъ, это само собою ясно. Но если каждый не-спеціалистъ въ той или другой наукѣ прежде всего интересуется ея философіей и фактическими основаніями, на коихъ она строится, а не каталогомъ фактовъ, коими обладаетъ наука, или не спеціальными зада-

чами, стоящими въ ней на очереди, то вѣдь каждая такая философія въ сущности есть не что иное, какъ извѣстное міросозерцаніе, относящееся къ опредѣленной области вопросовъ. Если только человѣкъ стремится къ дѣйствительному знанію, онъ, разумѣется, не станетъ принимать на вѣру положенія такой философіи, не познакомившись съ основаніями, на коихъ она зиждется, т.-е. не обратившись къ совокупности научно провѣренныхъ и обобщенныхъ фактовъ. На необходимости такого обращенія я даже особенно считаю нужнымъ настаивать, являясь вообще противникомъ чисто догматическаго усвоенія идей безъ интереса къ тѣмъ основаніямъ, какія у этихъ идей имѣются, но это мнѣ нисколько не мѣшаетъ признавать, что знаніе фактовъ не можетъ быть главною цѣлью самообразованія, что оно является преимущественно средствомъ по отношенію къ той цѣли, каковая лежитъ въ идеяхъ, въ философіи отдѣльныхъ наукъ, въ общемъ міросозерцаніи. Скажу даже, что знанія фактовъ нужно прямо искать, дабы имѣть въ рукахъ орудіе активнаго и критическаго отношенія къ научнымъ теоріямъ, часто односторонним и противорѣчивымъ. Уже по одному тому приходится вырабатывать свое міросозерцаніе, а не получать его совсѣмъ готовымъ изъ какой-либо книжки, что въ философіи наукъ человѣкъ имѣетъ дѣло обыкновенно съ нѣсколькими между собой несогласными теоріями. Нельзя допустить въ интересахъ истины, чтобы онъ совершенно случайно усвоивалъ извѣстную теорію, какая первою подвернется

подъ руку или какую ему подсунутъ другіе: онъ долженъ выбирать самъ. Но вѣдь нужно же, чтобы онъ чѣмъ-нибудь руководился при этомъ выборѣ, и нужно, чтобы это „что-нибудь“ не было основаніемъ совершенно произвольнымъ въ родѣ большей ея легкости, кажущейся простоты, новизны, бо́льшаго ея соотвѣтствія субъективному настроенію выбирающаго лица или чисто внѣшней распространенности въ данную минуту. Нельзя въ дѣлѣ выработки міросозерцанія ссылаться на то, что такъ представлять себѣ дѣло или удобнѣе, или пріятнѣе, или согласнѣе съ мнѣніями большинства лицъ извѣстной категоріи: это могутъ быть резоны вѣры, именно вѣры въ то, что наиболѣе истинно—наиболѣе простое, наиболѣе желательное, наиболѣе раздѣляемое въ извѣстной средѣ, но таковы не могутъ быть резоны знанія. Истинность каждой теоріи о томъ, что̀ есть, опредѣляется ея отношеніями къ соотвѣтственнымъ фактамъ дѣйствительности: абсолютно вѣрною можетъ считаться только та теорія, которая въ данной области все объясняетъ и которой ничто въ этой области не противорѣчитъ. Понятно, что для того, чтобы имѣть критерій цѣнности тѣхъ теорій, какія представляются отдѣльными науками, нужно обладать и запасомъ фактическихъ знаній, которыя могутъ пріобрѣтаться какъ въ силу толково направленной любознательности, такъ и попутно при ознакомленіи съ научными теоріями, поскольку послѣднія основываются на фактахъ, а ихъ критики также ссылаются на факты, и фактамъ въ нихъ принадле-

житъ рѣшающее значеніе. Даже нужно съ самими фактами знакомиться по возможности съ разныхъ точекъ зрѣнія, т.-е. въ освѣщеніи со стороны разныхъ идей, ибо каждый фактъ есть не только то, что̀ онъ есть на самомъ дѣлѣ, но и то, что̀ въ него вкладывается человѣческою мыслью. Итакъ, читатель, конечно, не поставитъ мнѣ въ упрекъ, будто я, выдвигая на первый планъ идейное содержаніе самообразованія, отношусь съ пренебреженіемъ къ фактамъ. Нѣтъ, я признаю въ стремленіи къ самообразованію и дѣйствіе простой любознательности съ чисто фактическимъ направленіемъ, какая, напр., заставляетъ человѣка читать газеты, посѣщать музеи, путешествовать и т. п., и важное значеніе обладанія фактическими знаніями, какъ одного изъ условій возможности самостоятельнаго отношенія къ идеямъ. И тѣмъ не менѣе я продолжаю утверждать, что главною цѣлью самообразованія должна быть выработка міросозерцанія.

Письмо третье

о томъ, что должно стремиться къ цѣльности, полнотѣ и стройности міросозерцанія.

Изъ самаго понятія міросозерцанія, конечно, нельзя вывести, въ чемъ должно заключаться его содержаніе, но зато можно вывести, какими каче-

ствами оно должно отличаться независимо отъ своего содержанія, могущаго быть тѣмъ или инымъ. Самое слово „міросозерцаніе“, или „міровоззрѣніе“ (Weltanschauung, conception du monde) указываетъ на то, что оно должно быть извѣстнымъ пониманіемъ міра, т.-е. всего, что существуетъ, можетъ существовать и должно существовать. Что̀ существуетъ и чего не существуетъ, что̀ въ существовавшемъ, существующемъ и имѣющемъ существовать возможно или невозможно, должно быть или быть не должно, что̀ можетъ стать предметомъ точнаго знанія и чему приходится оставаться предметами предположеній и гаданій, чаяній и вѣры, что̀ подлежитъ доказыванію и опроверженію, и что̀, наоборотъ, не можетъ быть ни доказано, ни опровергнуто,—вотъ вопросы, рѣшеніе коихъ въ ту или другую сторону кладетъ извѣстный отпечатокъ на все міросозерцаніе, будетъ ли оно традиціональнымъ міросозерцаніемъ цѣлаго народа, цѣлой эпохи, цѣлаго культурнаго или соціальнаго класса или будетъ индивидуальнымъ міросозерцаніемъ какого-нибудь знаменитаго философа или самаго обыкновеннаго смертнаго. Идеалъ міросозерцанія въ томъ, чтобы оно было цѣльно, полно и стройно: цѣльно, т.-е. чтобы охватывало весь міръ, всѣ области мысли и жизни какъ природы, такъ и человѣка; полно, т.-е. чтобы каждая область была изслѣдована во всѣхъ своихъ сторонахъ, и стройно, т. е. чтобы всѣ идеи были приведены въ систему, исключающую противорѣчіе между ними. Это—идеалъ. Если къ чему стоитъ стремиться, такъ

именно къ идеалу. Идеалъ вытекаетъ изъ сознанныхъ потребностей человѣческаго духа на высшихъ ступеняхъ его развитія. Въ творчествѣ идеаловъ участвуютъ умъ, чувство и воля. Идеалъ не есть предметъ простого созерцанія, онъ есть цѣль желаній и стремленій. Каждый шагъ, сдѣланный на пути, ведущемъ къ идеалу, доставляетъ духу высшее удовлетвореніе, сопровождается сознаніемъ возвышенія собственнаго мыслящаго существа, чувствомъ какого-то исполненнаго долга, стремленіемъ идти далѣе по тому же пути. Самообразованіе есть какъ-разъ одинъ изъ видовъ стремленія къ идеалу: оно возникаетъ именно изъ глубокой потребности человѣческаго духа, хотя бы идеалъ, достиженіе коего могло бы дать удовлетвореніе этой потребности, и не былъ совершенно ясно и отчетливо сознанъ. Разъ такая потребность даетъ себя чувствовать, нужно ее развивать, не ограничивать ее тѣсными рамками, не давать ей односторонняго направленія, не оставлять ее на степени безсознательнаго влеченія,—нужно ее осмысливать и ставить ей высшую цѣль. Такою высшею цѣлью, такимъ идеаломъ самообразованія и является цѣльное, полное и стройное міросозерцаніе. Отклоненіе отъ пути, ведущаго къ этой цѣли, можетъ вносить въ дѣло самообразованія лишь одни искаженія.

Идеальное міросозерцаніе можно сравнить съ художественнымъ произведеніемъ архитектуры, совершенно въ самомъ себѣ законченнымъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ своему назначенію и гармони-

чески связаннымъ въ своихъ частяхъ. Въ мірѣ мысли все должно быть столь же гармонически между собою связано, одно отъ другого зависѣть, одно на другое опираться. Убѣжденія, касающіяся общественной жизни, зависятъ отъ воззрѣній моральнаго характера и сами въ свою очередь придаютъ имъ извѣстную окраску, а такія или другія рѣшенія нравственныхъ вопросовъ опираются на извѣстныя представленія о природѣ человѣка и его назначеніи въ мірѣ, которыя сами оказываются связанными съ идеями, относящимися къ основнымъ вопросамъ знанія и бытія. Тутъ все должно держаться одно о другое, какъ это бываетъ съ фундаментомъ и стѣнами, колоннами и сводами, контрофорсами и крышею архитектурнаго зданія. Человѣческая мысль не терпитъ сознанныхъ противорѣчій и стремится ихъ примирить, какъ бы ни были иногда недостаточны имѣющіяся для этого въ ея распоряженіи средства и какъ бы ни были подчасъ несогласимы между собою открываемыя ею противорѣчія въ самой дѣйствительности. Всякое внутреннее несоотвѣтствіе въ области вѣрованій человѣка мучительно на него дѣйствуетъ, и, тронувши одинъ вопросъ, разрѣшивъ его въ извѣстномъ смыслѣ, человѣкъ не можетъ оставить другія положенія своихъ вѣрованій несогласованными съ тѣмъ, что онъ вообще или въ данную минуту считаетъ главнымъ, если только его взглядъ отличается ясностью и онъ сознаетъ, что между разными вопросами существуетъ внутренняя связь. Заинтересуется ли онъ

вопросами характера чисто соціальнаго или чисто моральнаго, или же касающимися самыхъ основаній бытія и знанія, онъ, если только ясно видитъ вещи, не можетъ локализировать области своихъ интересовъ однимъ обществомъ, одною личною моралью, однимъ объективнымъ бытіемъ, одною познавательною способностью человѣка. Это значило бы строить зданіе, въ коемъ былъ бы лишь одинъ фундаментъ или однѣ стѣны и колонны безъ фундамента, или своды безъ какихъ бы то ни было точекъ опоры, или крыша, которой пришлось бы висѣть въ воздухѣ. Конечно, чисто индивидуальныя причины могутъ заставить человѣка болѣе интересоваться тѣмъ или этимъ, но пусть это будетъ интересъ лишь преимущественный, а не исключительный, пусть станетъ онъ своего рода центромъ, къ которому будутъ тянуть другіе интересы, но пусть они вообще будутъ, и пусть центральный интересъ не представляетъ изъ себя чего-то, стоящаго одиноко и особнякомъ, внѣ всякой связи съ чѣмъ бы то ни было вокругъ.

Вѣдь и отдѣльныя категоріи явленій въ окружающемъ насъ мірѣ находятся въ извѣстныхъ между собою отношеніяхъ, однѣ отъ другихъ зависятъ и на другія опираются, однѣ другими дополняются и осложняются. Несомнѣнно, что высшую ступень міровой эволюціи, доступную нашему познаванію, представляетъ собою человѣческое общество, какъ оно дано въ дѣйствительности, но столь же несомнѣнно, что въ основѣ общественныхъ явленій, понятыхъ въ смыслѣ всего относящагося къ внутрен-

ней организаціи общества, лежатъ духовныя и матеріальныя взаимоотношенія между отдѣльными членами общества, явленія характера психологическаго (въ томъ числѣ и моральныя) и экономическаго. Понять, что̀ такое общество въ его организаціи и въ духовныхъ и матеріальныхъ взаимоотношеніяхъ его членовъ, нельзя, не понявши, что̀ такое индивидуумъ, отдѣльная человѣческая личность, состоящая изъ души и тѣла, въ ея отношеніяхъ къ внѣшней природѣ и къ другимъ такимъ же личностямъ. Человѣкъ зависитъ отъ природы, и къ этой природѣ у него есть, кромѣ того, активныя отношенія духовнаго и матеріальнаго свойства: онъ стремится ее понять—въ религіи, въ философіи, въ наукѣ, стремится идеально ее воспроизводить—въ поэзіи и искусствѣ, стремится подчинить ее себѣ, прилагая къ ней свои усилія, знанія, трудъ, умѣніе, чтобы извлекать изъ нея средства къ жизни. Между природой и отдѣльнымъ человѣкомъ существуетъ самая тѣсная связь: природа—среда, отъ которой онъ зависитъ, природа—объектъ, надъ коимъ работаютъ его духовныя и физическія силы, а чрезъ отдѣльнаго человѣка съ природою связано отношеніями взаимодѣйствія и человѣческое общество. Съ другой стороны, у отдѣльной личности есть духовныя и матеріальныя отношенія къ другимъ личностямъ, порождающія различныя формы обмѣна мыслей, разныя чувства,—включая въ ихъ число то, что называютъ любовью, симпатіей, альтруизмомъ,—мораль съ ея представленіями о правдѣ, справедливости, уваженіи къ

человѣческому достоинству и долгѣ, право съ охраняющей его организаціей, экономическія отношенія и государственныя учрежденія, и въ то же время отдѣльная личность сама зависитъ отъ общества и не можетъ быть понята безъ того, чтобы не были при этомъ приняты въ расчетъ отношенія общественныя. Таковы тѣснѣйшія связи, какія существуютъ у личности съ природою, съ одной стороны, и съ обществомъ, съ другой, а черезъ личность существующія, кромѣ того, между явленіями общественными и явленіями внѣшней природы. Высшій интересъ для человѣка, конечно, представляетъ онъ самъ, но не въ эгоистическомъ только смыслѣ своего отдѣльнаго, индивидуальнаго *я*, а въ общемъ смыслѣ человѣческой личности, ибо и вопросами общества онъ интересуется совершенно иначе, чѣмъ вопросами природы, по той причинѣ, что общество состоитъ изъ такихъ же человѣческихъ личностей, какъ и онъ самъ, въ коихъ онъ предполагаетъ такую же, какъ и у него, духовную природу и потому можетъ интересоваться внутреннимъ ихъ міромъ, относиться къ нимъ съ чувствами, немыслимыми къ бездушнымъ предметамъ, признавать за ними извѣстныя права. Задача „познать самого себя“ есть по существу дѣла центральная задача міросозерцанія. Одною изъ важнѣйшихъ наукъ, безъ которыхъ не можетъ существовать цѣльнаго, полнаго и стройнаго міросозерцанія, является поэтому наука о духовной сторонѣ человѣческой природы, психологія, а она есть, кромѣ того, съ политическою экономіей, входящею, впрочемъ, уже

въ составъ науки объ обществѣ, настоящая основа послѣдней, т.-е. соціологіи. Духъ человѣческій составляетъ такую же неразрѣшимую загадку знанія, какъ и матерія въ области наукъ естественныхъ. Исторія философіи есть нескончаемый споръ между спиритуализмомъ и матеріализмомъ, изъ коихъ каждый занимаетъ неприступную позицію, гдѣ можетъ легко защищаться отъ нападеній, но откуда безсиленъ нанести ударъ своему противнику. Хотя критическая философія оставляетъ вопросъ открытымъ, заявляя, что познанію человѣка доступны не вещи въ самихъ себѣ, или сущности, а лишь явленія,—духъ же и матерія суть лишь высшія обобщенія двухъ категорій явленій, одна на другую несводимыхъ,—однако, въ виду теоретической потребности въ цѣльности, полнотѣ и стройности міросозерцанія и особенно въ виду существованія моральныхъ стремленій, человѣкъ не можетъ остаться безучастнымъ въ этомъ спорѣ и обойтись безъ той или иной вѣры, будетъ ли то спиритуализмъ или матеріализмъ или же трансцедентальный монизмъ, признающій въ духѣ и матеріи лишь два разныя проявленія одной и той же непознаваемой сущности. Безъ такой метафизики, хотя бы безсознательной и ограничивающейся самымъ небольшимъ количествомъ положеній (или отрицаній) и безъ теоріи познанія, т.-е. общаго взгляда на то, что̀, ка̀къ и почему доступно человѣческому знанію и что́ ему недоступно,—не можетъ обойтисъ ни одно выработанное міросозерцаніе. Эти вопросы о человѣческомъ духѣ—о его существѣ и

его силахъ—имѣютъ весьма важное значеніе въ дѣлѣ выработки моральныхъ воззрѣній и соціальныхъ убѣжденій, ибо тѣ и другія, будучи по существу дѣла не знаніями, а вѣрованіями, нуждаются въ нѣкоторыхъ философскихъ предположеніяхъ, будутъ ли послѣднія сознаны и ясно формулированы или будутъ представлять собою безсознательную подкладку нравственнаго и общественнаго міросозерцанія. Но если въ существѣ своемъ духъ, совершенно такъ же, повторяемъ, какъ и матерія въ своей сущности,—не можетъ быть объектомъ научнаго знанія, душевныя явленія, какъ явленія, т.-е. нѣчто такое, что доступно знанію, дѣлаются предметомъ науки психологіи въ совершенно такой же мѣрѣ, какъ явленія общественныя изучаетъ соціологія. Поскольку общественныя явленія немыслимы тамъ, гдѣ не существуетъ духовной жизни,—напр., лѣсъ не общество,—мы обязаны видѣть въ явленіяхъ соціальныхъ продолженіе и осложненіе явленій психическихъ. Но отдѣльный человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла. Въ какую бы сторону мы ни рѣшали вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ духа и матеріи за предѣлами міра явленій, опыта, знанія, науки, въ этомъ самомъ мірѣ нашему изученію подлежатъ реальныя взаимоотношенія, существующія между душой и тѣломъ. Подобно тому, какъ въ мірѣ, доступномъ опытному знанію, намъ нерѣдко дается психическая жизнь безъ продолженія и осложненія своего въ жизнь соціальную, но никогда не наблюдается общественныхъ явленій безъ духовной подкладки, такъ точно

въ этомъ же мірѣ, изучаемомъ наукою, мы не встрѣчаемся съ психическими явленіями, которыя совершались бы внѣ какого-либо живого организма, хотя и имѣемъ передъ собою массу организмовъ, въ коихъ не обнаруживается никакихъ признаковъ духовной жизни. Съ этой точки зрѣнія—и только съ этой, не долженствующей переноситься за границы міра явленій въ міръ „вещи самой въ себѣ,“—психическая жизнь является такимъ же продолженіемъ и осложненіемъ жизни органической, какимъ по отношенію къ ней самой является жизнь общественная. Психологія такъ же опирается на біологію, какъ на нее самоё опирается соціологія. Съ біологіей мы переходимъ изъ области наукъ соціальныхъ и гуманитарныхъ въ область естествознанія, которая сама раздѣляется на ученія о природѣ органической и неорганической. Эти ученія имѣютъ также каждое свою философію въ великихъ открытіяхъ нашего XIX в., сказавшихся могущественнымъ образомъ на современномъ міросозерцаніи: говоря это, я имѣю въ виду эволюціонное ученіе въ біологіи, которая сама опирается на физикѣ и химіи, и ученіе объ единствѣ силъ природы въ этихъ двухъ послѣднихъ наукахъ о неорганизованномъ веществѣ. Физика и химія приводятъ насъ, наконецъ, къ философскому вопросу о матеріи, наивное представленіе о коей можетъ быть разрушено только психологіей и теоріей познанія. Философія (главнымъ образомъ въ смыслѣ теоріи познанія съ логикой), физика и химія, біологія, психологія и соціологія—вотъ рядъ наукъ, тѣсно

связанныхъ между собою въ опредѣленномъ порядкѣ и по опредѣленному закону и обнимающихъ собою все, что доступно человѣческому знанію, т.-е. міръ явленій, то, что̀ есть. Если мы къ этому прибавимъ философское ученіе о должномъ—этику и притомъ не въ одномъ только смыслѣ теоріи личной нравственности, то и получимъ весь циклъ теоретическихъ наукъ, охватывающій собой міръ мысли и міръ жизни.

Перейдемъ теперь къ особеннымъ условіямъ цѣльности, полноты и стройности міросозерцанія [1]).

Для цѣльности міросозерцанія недостаточно еще, чтобы оно охватывало все мыслимое и существующее, взятое въ цѣломъ; нужно еще, чтобы оно представляло изъ себя нѣчто цѣлое въ смыслѣ нѣкотораго внутренняго единства. Каждая сторона міросозерцанія должна быть объединена какимъ-нибудь основнымъ принципомъ. Внесеніе единства въ міръ мысли человѣка всегда было одною изъ задачъ философіи, которая на догматической ступени своего развитія постоянно колебалась между началомъ матеріальнымъ или духовнымъ, какъ объединяющимъ принципомъ, изъ коего должно было вытекать объясненіе всего существующаго и мыслимаго, пока не возникла критическая философія, указавшая знанію его границы, за которыми изслѣдованіе дѣлается невозможнымъ и начинается господство творчества. Признаніе того либо другого догматическаго начала

[1]) Объ этомъ сравни также статью нашу „Философія, исторія и теорія прогресса“ (Историческое Обозрѣніе, томъ I).

или, наоборотъ, принципа критической философіи, проведенныхъ послѣдовательно черезъ все міросозерцаніе, и сообщаетъ ему внутреннюю цѣлостность, независимо отъ того, въ какомъ основномъ воззрѣніи заключается истина. Считая лично критическую философію наиболѣе соотвѣтствующею самой задачѣ философіи, какъ изслѣдованія основныхъ вопросовъ знанія и бытія, я бы рекомендовалъ всякому ознакомиться съ ея положеніями и ея отношеніемъ къ какимъ бы то ни было догматическимъ принципамъ. Предоставляя знанію одинъ міръ явленій, она тѣмъ самымъ переноситъ центръ тяжести всего міросозерцанія въ ту область, которая доступна научному изслѣдованію, въ свою очередь вносящему одно и то же отношеніе къ изслѣдуемому предмету во всѣ частныя сферы этой области—въ явленія неорганизованной природы, органической жизни, духовной стороны человѣка и общественнаго его существованія, разсматриваемыя, какъ отдѣльныя ступени міровой эволюціи. Понятно, что нужно хорошо уяснить извѣстныя основныя начала мысли, чтобы послѣдовательно провести ихъ въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ знанія, не прилагая различныя мѣрки къ явленіямъ однороднымъ, поскольку именно они однородны. Но критическая философія ни въ коемъ случаѣ не можетъ считаться принципіальною противницею творчества идеаловъ, лишь отличая его отъ изслѣдующаго знанія и не позволяя этому творчеству вторгаться въ ту сферу, которая должна быть предметомъ лишь одного изслѣдованія. Основной принципъ міросозерцанія долженъ

быть настолько широкъ, чтобы имъ оправдывалось существованіе вѣры въ принятомъ нами значеніи рядомъ съ знаніемъ, существованіе творчества идеаловъ рядомъ съ изслѣдованіемъ дѣйствительности. Міросозерцаніе не можетъ быть полно, если имъ не будутъ удовлетворяться всѣ главныя духовныя стремленія человѣка. Пока рѣчь идетъ о неорганизованной матеріи или объ органической жизни, человѣкъ желаетъ только знать для того, чтобы понимать и чтобы умѣть извлекать изъ этого пониманія матеріальную выгоду. Но разъ дѣло касается духовнаго бытія личности, взаимныхъ отношеній между людьми и общественнаго устройства, одно знаніе того, что̀ есть въ дѣйствительности, человѣка удовлетворить не можетъ, ибо человѣческая жизнь интересуетъ человѣка не только со стороны представляемыхъ ею фактовъ, но и со стороны требованій, какія ей могутъ быть и должны быть предъявляемы. Міросерцаніе, въ коемъ нѣтъ мѣста для моральныхъ и соціальныхъ идеаловъ, не можетъ считаться міросозерцаніемъ полнымъ, но разъ мы допускаемъ въ него такіе субъективные элементы, и они должны быть объединены однимъ верховнымъ принципомъ. Въ міросозерцаніи полномъ, всестороннемъ, т.-е. теоретическомъ и этическомъ должны быть согласованы между собою объективные и субъективные элементы, идеалы истины и справедливости, и подобно тому, какъ все міросозерцаніе теоретическое должно покоиться на извѣстныхъ общихъ основаніяхъ, которыя проникали бы собою всѣ его отдѣльныя части, такъ и этическое міро-

созерцаніе нуждается въ извѣстной основной идеѣ—въ нѣкоторомъ высшемъ принципѣ, принятіе коего только и можетъ сообщить цѣльность совокупности моральныхъ воззрѣній и соціальныхъ убѣжденій человѣка. Между верховнымъ критеріемъ этики и исходнымъ пунктомъ теоретическаго міросозерцанія не должно быть противорѣчія.

Міросозерцаніе должно отличаться полнотою. Мы уже видѣли, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать это требованіе, но по этому пункту не все еще было сказано. Самую главную проблемму міросозерцанія представляетъ собою человѣкъ и міръ человѣческихъ отношеній, личность и общество, на которыя можно смотрѣть и съ объективной точки зрѣнія, какъ и на внѣшнюю природу, и съ точки зрѣнія субъективной, къ внѣшней природѣ неприложимой. Человѣкъ и общество должны быть поняты во всей полнотѣ ихъ бытія, а не въ какихъ-либо односторонихъ проявленіяхъ своей природы. Критическая философія, не позволяющая какому бы то ни было догматизму—матеріалистическому или спиритуалистическому, все равно—вторгаться въ рѣшеніе вопросовъ знанія, и положительная наука, строящая свои теоріи на основаніи наблюденій надъ дѣйствительностью и изслѣдованія фактовъ, одинаково осуждаютъ всякую односторонность въ отношеніи къ явленіямъ и общественной жизни человѣка. Матеріализмъ и спиритуализмъ имѣютъ каждый свое особенное представленіе о томъ, что такое человѣкъ, что такое общество, но представленіе неполное, вѣрное лишь на половину и по одному уже тому дѣлающееся невѣрнымъ, что ему, этому неполному представленію, хотятъ придать значеніе всеисчерпывающаго объясненія. Знаніе человѣка, взятаго со стороны лишь одной его физической природы или лишь со стороны его природы духовной, не есть полное знаніе о человѣкѣ. Знаніе о немъ, лишь какъ объ отдѣльномъ индивидуумѣ, внѣ его отношенія къ обществу, или лишь какъ о членѣ общества безъ малѣйшаго вниманія къ тому, что онъ представляетъ собою въ качествѣ самостоятельной личности, не есть полное знаніе ни о человѣкѣ, ни объ обществѣ. Знаніе объ обществѣ, понятомъ или въ смыслѣ извѣстнаго единства жизни многихъ лицъ, основаннаго только на матеріальной, экономической между ними связи, или въ смыслѣ такого же единства, покоящагося лишь на чисто духовной, нравственной связи между индивидуумами, не есть полное знаніе объ обществѣ. Нельзя утверждать поэтому, чтобы вся истина о человѣкѣ дана была въ одной, напр., психологіи, чтобы вся истина объ обществѣ заключалась лишь, положимъ, единственно въ политической экономіи. Человѣческая личность не есть только духъ; общество обязано своимъ происхожденіемъ не однимъ только заботамъ о добываніи средствъ къ жизни. Нельзя точно также утверждать, будто достаточно знать лишь выводы наукъ объ индивидуальномъ человѣкѣ, оторванномъ отъ общественной среды, и по той же причинѣ нельзя утверждать и того, будто

можно ограничиться однѣми соціальными науками безъ тѣхъ наукъ, которыя изучаютъ отдѣльную личность, какъ таковую, т.-е. не какъ матеріалъ, идущій въ общественную стройку. Само общество слишкомъ сложный фактъ для того, чтобы возможно было получить о немъ полное понятіе, смотря на него исключительно лишь съ одной какой-либо стороны. Жизнь общества выражается или въ его духовной культурѣ, имѣющей свое происхожденіе въ духовныхъ потребностяхъ отдѣльныхъ личностей и психическомъ взаимодѣйствіи, происходящемъ между ними, или въ его экономической структурѣ, генезисъ коей нужно искать въ физическихъ потребностяхъ и въ матеріальныхъ взаимоотношеніяхъ тѣхъ же личностей, или, далѣе, въ его правѣ и въ его государственной организаціи, выростающихъ на почвѣ тѣхъ же индивидуальныхъ потребностей и соціальныхъ отношеній. Если, наконецъ, не можетъ считаться всестороннимъ пониманіе человѣка и общества, взятыхъ такими, каковы они были или суть, т.-е. въ ихъ реальныхъ отношеніяхъ безъ какого бы то ни было представленія о томъ, чѣмъ они должны бы быть и могли бы сдѣлаться, то не менѣе того одностороннимъ пониманіемъ личности и общества будетъ одно лишь идеальное представленіе о нихъ, какъ они должны мыслиться съ этической точки зрѣнія. Истина не есть истина, когда она не вся истина, когда она только половина истины, и она дѣлается даже заблужденіемъ, когда, будучи неполною истиною, она стремится поставить себя на мѣсто

всей, полной и всесторонней истины. Особенно слѣдуетъ это помнить въ отношеніи міросозерцанія моральнаго и соціальнаго, гдѣ каждая теоретическая ошибка или заблужденіе есть не только такая теоретическая ошибка и заблужденіе, но можетъ еще оказать неблагопріятное вліяніе на характеръ практическихъ стремленій, на результаты практической дѣятельности; ибо не только принципіальное отрицаніе важности какой-либо стороны индивидуальнаго бытія или соціальной жизни, но даже непреднамѣренное ея забвеніе или безсознательное ея игнорированіе наносятъ вредъ этой самой сторонѣ, а чрезъ него (при существованіи взаимной зависимости между отдѣльными сторонами личнаго и общественнаго существованія) и той, можетъ случиться, сторонѣ, которую считаютъ самою и даже единственно важною.

Говоря о необходимости стремиться къ полному знанію, я не могу не сказать, что—въ интересахъ именно этой полноты особенно—нужно стараться развивать въ себѣ ясность мысли и широту взгляда. Люди, мало искушенные въ правильныхъ пріемахъ мышленія, легко принимаютъ слова за самыя понятія, ими обозначаемыя, а понятія—за самыя вещи, подъ ними разумѣемыя: лишь анализъ понятій, который не слѣдуетъ, однако, смѣшивать съ анализомъ вещей, да и этотъ послѣдній также—могутъ привести къ открытію въ изучаемыхъ явленіяхъ нѣсколькихъ различныхъ сторонъ, кромѣ стороны, бросающейся въ глаза при первомъ взглядѣ на вещь или подчеркнутой въ понятіи о вещи, или же,

наконецъ, отмѣченной въ самомъ названіи, даваемомъ явленію. Какую громадную силу иногда самыя слова по ихъ ассоціаціи съ тѣми или другими представленіями или настроеніями имѣютъ надъ умомъ и всею душою человѣка! Слово есть обозначеніе явленія или понятія, какъ понятіе есть символъ вещи: нужно ясно видѣть самое явленіе, самую вещь, чтобы она не застилалась передъ умственными взорами нашими тѣмъ, что только знаменуетъ явленіе или вещь, но не есть ни то, ни другое. Подъ однимъ и тѣмъ же словомъ, напр., „народъ“, мыслятся весьма различныя вещи аристократомъ и демократомъ, ретроградомъ и прогрессистомъ и т. п., и въ громадномъ большинствѣ случаевъ это не есть реальный народъ съ его сложными и многосторонними отношеніями, могущій сдѣлаться предметомъ изученія лишь подъ условіемъ анализа этихъ отношеній въ ихъ совокупности и взаимной связи, а символъ народа, взятаго только съ извѣстной, условной точки зрѣнія. Чтобы достигнуть возможно полнаго міросозерцанія, нужно подходить къ соотвѣтственнымъ явленіямъ съ тѣмъ предположеніемъ, что каждое явленіе есть нѣчто сложное и многостороннее, что въ понятіи, ему соотвѣтствующемъ въ мірѣ мысли, не заключено ни этой сложности, ни этой многосторонности, что еще менѣе можно найти ихъ въ словѣ, коимъ разные люди, притомъ между собою несогласные, обозначаютъ далеко несходныя вещи. Отсутствіе ясной мысли въ сужденіи о вещахъ всегда приводитъ къ односторонности, т.-е.

къ неполнотѣ пониманія. Нужна, кромѣ того, и широта взгляда, способность сразу открывать разныя стороны предмета, смотрѣть на него съ разныхъ точекъ зрѣнія, умѣть отыскивать долю истины во взглядахъ, во всемъ остальномъ отвергаемыхъ, обнаруживать пробѣлы въ воззрѣніяхъ, наоборотъ, нами принимаемыхъ, дабы постигать истину наиболѣе полнымъ образомъ, находить ее вездѣ, гдѣ только надъ стремленіемъ къ ней работала человѣческая мысль, не воображать, что истина вся, безъ малѣйшаго остатка, была уже гдѣ бы то ни было дана.

И вотъ предстоитъ еще немногія общія основныя истины, коими создается цѣльность міросозерцанія, согласовать съ тѣми многочисленными частными истинами, въ которыхъ заключается полнота міросозерцанія, а эти послѣднія еще согласовать между собою. Истина не терпитъ противорѣчія. Если между двумя положеніями, кажущимися одинаково вѣрными, возникаетъ несоотвѣтствіе, то или одно изъ нихъ невѣрно, или оба суть только полуистины, т.-е. односторонности, вѣрныя лишь отчасти, но не могущія одна вытѣснить другую, или же противорѣчіе между ними есть только кажущееся и снимается въ высшей истинѣ, если только оно не есть одно изъ тѣхъ неустранимыхъ для знанія противорѣчій, которыя или приводятъ человѣка къ скептическому выводу, или заставляютъ искать успокоенія въ примиряющей вѣрѣ. Во всякомъ случаѣ идеаломъ вполнѣ удовлетворяющаго умъ и сердце міросозерцанія является отсутствіе въ немъ внутреннихъ

противорѣчій или, что то же самое, гармоническая стройность его частей, его систематичность. Человѣкъ стремится внести въ свои мысли порядокъ, хотя, конечно, не всегда умѣетъ это сдѣлать и сознаетъ хаосъ, какой въ нихъ подчасъ господствуетъ. Слѣдуетъ поэтому почаще разбираться въ своихъ мысляхъ, сопоставлять ихъ однѣ съ другими, сравнивать ихъ между собою, производить имъ взаимную провѣрку—заботиться о томъ, чтобы между ними не было противорѣчій, чтобы частныя и второстепенныя истины подчинялись общимъ и основнымъ, чтобы каждая отдѣльная идея была органическою частью цѣлаго, стоящею на своемъ мѣстѣ, вытекающею изъ предыдущаго и обусловливающею собою послѣдующее. Ясность мысли и широта взгляда необходимы и здѣсь, дабы отчетливо могли представляться уму истинныя отношенія—согласія или противорѣчія—между отдѣльными идеями и дабы умъ могъ, съ одной стороны, находить надлежащій въ каждомъ данномъ случаѣ способъ устраненія или объясненія обнаруженнаго противорѣчія, а съ другой — сразу охватывать цѣлое и въ его внутреннемъ единствѣ, и въ его расчлененіи на гармонически соединенныя части.

Если человѣкъ относится къ своему знанію не внѣшнимъ только образомъ, если онъ хочетъ объединить въ высшемъ принципѣ свою мысль и свою жизнь, придать жизни ту полноту, которую она можетъ получить только въ томъ случаѣ, когда міросозерцаніе не будетъ отъ нея оторвано, какъ нѣчто

для нея постороннее, могущее существовать само по себѣ,—и если онъ хочетъ внести въ свою дѣятельность внутреннюю гармонію, извѣстный планъ жизни, въ коемъ выразилось бы все его міросозерцаніе,—то идеи, какія онъ вырабатываетъ себѣ относительно внутренняго міра личности, смысла ея жизни, ея духовныхъ и матеріальныхъ связей съ другими личностями, равно какъ природы и цѣлей общества, не будутъ лишь простымъ содержаніемъ теоретическаго знанія или отвлеченными предположеніями, а сдѣлаются его убѣжденіями; т.-е. онѣ станутъ руководить имъ какъ въ отдѣльныхъ его поступкахъ, такъ и во всемъ его поведеніи, въ смыслѣ связнаго, послѣдовательнаго и проникнутаго одной идеей выступанія въ жизни. Міросозерцаніе не можетъ быть ни цѣльнымъ, ни полнымъ, ни стройнымъ, если оно не существуетъ заразъ и для удовлетворенія потребностей мысли, и для руководства въ жизни. На опредѣленной высотѣ умственнаго развитія, при извѣстныхъ нравственныхъ задаткахъ, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ импульсовъ, идущихъ изъ окружающей среды, у человѣка является стремленіе осмыслить свою жизнь, поставить ей для выполненія высшія задачи, выяснить тѣ отношенія, въ какія ему нужно стать къ явленіямъ дѣйствительности. Въ работѣ надъ міросозерцаніемъ, когда она ведется не односторонне, участвуетъ не только мысль, но и совѣсть человѣка,—совѣсть, которая нуждается въ цѣльномъ, полномъ и стройномъ міросозерцаніи совершенно такъ же, какъ въ немъ нуждается и умъ. Въ томъ стремле-

нiи молодежи къ самообразованiю, которое заставило меня писать эти письма, даже особенно слышится голосъ совѣсти. Интересуясь вопросомъ о самообразованiи молодежи, я постоянно отмѣчалъ въ своей памяти тѣ заявленiя, какiя мнѣ дѣлались мимоходомъ о цѣли этого самообразованiя, или нарочно добивался отвѣта на этотъ вопросъ, и если среди разныхъ опредѣленiй можно указать на такое, которое отличалось бы наибольшею ясностью и вмѣстѣ съ тѣмъ искренностью, идущею отъ сердца, наименьшею надуманностью или недомысліемъ, то это были именно указанiя на желаніе узнать назначеніе человѣка и цѣль жизни. Поэтому, утверждая, что задачею самообразованiя является выработка міросозерцанiя, я долженъ прибавить, что особенно важное значеніе въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ выработкѣ убѣжденiй. Чисто объективное міросозерцаніе, коему приписывается иными предикатъ научности, не могущей имѣть никакого дѣла до того, что выходитъ за предѣлы знанiя дѣйствительныхъ отношенiй, не можетъ удовлетворить всего человѣка, если только самъ человѣкъ не получилъ однобокаго развитiя. Въ духовной жизни человѣка не можетъ—да и не долженъ—господствовать одинъ только умъ: человѣкъ обладаетъ еще совѣстью, гòлоса которой нужно слушаться не только въ вопросахъ поведенiя, но и въ вопросахъ міросозерцанiя. Убѣжденiя прежде всего суть дѣло совѣсти. Какъ нужно смотрѣть на такiя явленiя жизни, къ коимъ приложима мѣрка должнаго, это не можетъ быть опредѣлено однимъ

умомъ безъ участiя совѣсти. Міръ внутренней жизни человѣка и проявленiя ея во-внѣ, міръ взаимныхъ отношенiй между людьми и общественныхъ порядковъ, изъ нихъ возникающихъ, подлежитъ не только познаванiю со стороны изслѣдующаго и строющаго теоріи ума, но и суду совѣсти, производящей оцѣнку поведенiя личностей и общественнаго устройства и творящей идеалы высшей правды. Самъ юношескій идеализмъ, разсматриваемый не только какъ извѣстное умственное состояніе, но и какъ извѣстное душевное настроеніе,—а его именно такъ и слѣдуетъ разсматривать,—есть не иное что, какъ особая чуткость совѣсти, только-что себя осмыслившей и еще не потерявшей своей свѣжести, искренности и интензивности отъ слишкомъ долгаго соприкосновенiя съ грубою дѣйствительностью, ослабляющею ея силу и вынуждающею ее на уступки. Въ весьма значительномъ количествѣ случаевъ голосъ совѣсти одинъ почти только и слышится въ юношескомъ стремленiи къ идейному знанiю. Не всѣмъ присуща пытливость ума, на высшихъ ступеняхъ своего развитiя создающая мыслителей въ области вопросовъ философiи и науки, и для многихъ людей вопросы теоретическаго знанiя прямо отступаютъ на задній планъ, но вѣдь и центръ духовной жизни всякаго человѣка, его „святая святыхъ“, конечно, заключается не въ его познавательной способности, но въ его совѣсти, которая одновременно есть и знаніе,—именно знаніе того, что должно быть,—и чувство, и воля человѣка. Вотъ почему съ угрызеніями совѣсти не могутъ идти

въ сравненіе мучительныя состоянія другихъ сторонъ духовнаго бытія людей. Вотъ почему по голосу совѣсти человѣкъ способенъ бываетъ приносить величайшія жертвы и не дорожить самою жизнью. Вотъ почему, какъ это лучше всего доказываетъ исторія какихъ бы то ни было религіозныхъ преслѣдованій, человѣкъ съ такимъ упорствомъ можетъ отстаивать свободу своей совѣсти, не останавливаясь передъ страхомъ гоненій, наказаній, смерти, и почему, конечно, какое бы то ни было насиліе надъ чужою совѣстью противно всякой просвѣтленной совѣсти. Если стремленіе къ выработкѣ міросозерцанія вытекаетъ изъ всего существа человѣка и если духовнымъ центромъ этого существа является его совѣсть, то лишь тогда въ состояніи то или другое міросозерцаніе вполнѣ удовлетворить человѣка, когда оно даетъ отвѣты на вопросы совѣсти, когда предъявляетъ ей верховный принципъ, связывающій въ одно цѣлое отдѣльныя требованія личной и общественной этики, устанавливаетъ критерій для всесторонней оцѣнки отдѣльныхъ сторонъ индивидуальнаго и общественнаго бытія и вноситъ извѣстную гармонію въ совокупность всѣхъ волнующихъ и мучащихъ человѣка вопросовъ.

Вопросы, имѣющіе соприкосновеніе съ человѣческою совѣстью, могутъ также ставиться, охватывая собой и менѣе, и болѣе обширную область, смотря по тому, въ чемъ полагаетъ человѣкъ цѣль жизни. Существуетъ своего рода утонченный эгоизмъ съ весьма чуткою и иногда даже до послѣдней степени щепетильною совѣстью, но лишь по отношенію къ вещамъ, касающимся лично самого человѣка, если онъ поставилъ цѣлью своей жизни достиженіе извѣстнаго идеала чисто индивидуальнаго совершенства. Примѣръ такого состоянія совѣсти, иногда достигавшей наивысшей интензивности, представляли многіе аскеты, сторонившіеся отъ жизни съ другими людьми, слагавшіе съ себя какія бы то ни было общественныя обязанности. Стремиться къ личному совершенству,—не насилуя и не калѣча своей природы, чего требуетъ аскетизмъ,—разумѣется, дѣло хорошее, но оно слишкомъ эгоистично, когда только о своемъ собственномъ совершенствѣ человѣкъ и заботится. Тотъ, у кого нѣтъ ни интереса, ни сочувствія къ себѣ подобнымъ, ни уваженія къ ихъ человѣческому достоинству и ихъ правамъ, не можетъ считаться всесторонне развитою личностью. Какъ бы ни волновали и ни мучили человѣка такъ называемые „проклятые вопросы“ его человѣческаго бытія, что̀ бы ни считалъ онъ для себя обязательнымъ во имя того или другого пониманія своего назначенія и цѣли своей жизни на землѣ, если только въ кругъ своихъ обязанностей онъ не включаетъ извѣстныхъ отношеній къ другимъ людямъ,—его этическое міросозерцаніе всегда будетъ поражать своимъ холоднымъ эгоизмомъ, будетъ ли онъ полагать цѣль своей жизни въ спасеніи души, въ стоической побѣдѣ высшихъ влеченій своей природы надъ низшими, въ достиженіи личнаго совершенства въ смыслѣ моральной безупречности и т. п.

Съ моральной точки зрѣнія, конечно, у человѣка есть обязанности и по отношенію къ самому себѣ, но ему приходится жить въ обществѣ себѣ подобныхъ, къ которымъ у него возникаютъ весьма разнообразныя отношенія: вопросомъ совѣсти является не только то, чѣмъ долженъ быть человѣкъ самъ для себя, т.-е. къ какому идеалу личнаго совершенства долженъ онъ стремиться, но и то, чѣмъ долженъ быть онъ въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ людямъ; да и трудно было бы представить себѣ идеалъ личнаго совершенства, въ которомъ не было бы ни малѣйшаго намека на поведеніе человѣка по отношенію къ другимъ. Не можетъ быть признано совершенство ни за аскетическимъ эгоизмомъ, бѣгущимъ отъ людей и міра, ни за стоическимъ безразличіемъ къ человѣческимъ радостямъ и горестямъ, ни за тѣмъ утилитаристическимъ эгоизмомъ, полагающимъ, что достаточно всѣмъ стремиться только къ личной пользѣ,—какъ бы ни были лично святы, мудры и полезны люди, держащіеся такихъ принциповъ, ибо совершенство есть полнота, а не односторонность; полнота же человѣческаго существованія заключается въ томъ, что его *я* не есть нѣчто, заключенное лишь въ самомъ себѣ, что оно связывается съ другими *я*, ему подобными, съ безкорыстнымъ интересомъ и къ внутреннему міру другихъ, дѣятельнымъ сочувствіемъ къ ихъ страданіямъ и печалямъ, принимающимъ характеръ обязательности, и уваженіемъ къ ихъ естественнымъ и законнымъ

правамъ, къ тому самому человѣческому достоинству, которое каждый стремящійся къ личному совершенству необходимо долженъ признавать въ самомъ себѣ. Совѣсть предписываетъ человѣку извѣстныя отношенія къ другимъ людямъ, и это всегда было главнѣйшимъ содержаніемъ этики. Вопросы о происхожденіи, основномъ принципѣ, верховной санкціи нравственности въ смыслѣ отношенія человѣка къ самому себѣ съ точки зрѣнія идеала личнаго совершенства и въ смыслѣ отношеній, долженствующихъ существовать между отдѣльными людьми, сколько мнѣ извѣстно, всегда живо интересуютъ молодежь, заставляютъ ее думать на эти темы, читать относящіяся къ этому предмету книги и спорить, защищая тѣ или иныя воззрѣнія на самыя основы нравственности. Теоріи „разумно понятаго эгоизма“, симпатіи или альтруизма и долга, какъ „категорическаго императива“, и т. п., даютъ, дѣйствительно, немалый матеріалъ для спора, и на самомъ дѣлѣ, все это—вопросы основные, капитальные, какъ и вопросъ, играющій столь важную роль въ морали, взятой съ личной точки зрѣнія—свободна ли воля человѣка. Что молодежь интересуется этими вопросами, весьма понятно и естественно: объясненія требовало бы явленіе обратное, которое иногда и наблюдается, въ тѣхъ именно случаяхъ, когда при свойственной человѣческому уму склонности впадать въ односторонность эти вопросы, несомнѣннѣйшимъ образомъ имѣющіе капитальное этическое

значеніе, объявляются нестоющими большого вниманія въ виду существованія другихъ вопросовъ— тоже этическаго характера.

Я не знаю почему, но только я всегда чувствую крайнее нерасположеніе, чтобы не сказать болѣе рѣзкаго слова, ко всѣмъ отдѣльнымъ случаямъ постановки вопросовъ въ смыслѣ выбора между *или* тѣмъ, *или* этимъ, когда между тѣмъ и этимъ не существуетъ ни малѣйшаго противорѣчія и одно другимъ не исключается, т.-е. когда, говоря другими словами, можно и даже должно принять *и* то, *и* это. Область этическихъ вопросовъ можетъ быть раздѣлена на вопросы этики индивидуальной и вопросы этики соціальной. Въ чемъ заключаются первые—только-что было намѣчено. Но человѣкъ есть не только человѣкъ, поставленный рядомъ съ такими же, какъ онъ, людьми, но и гражданинъ, членъ извѣстнаго общества, какъ такового, къ которому онъ также стоитъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Не только человѣкъ, заботящійся лишь о личномъ совершенствѣ, но и человѣкъ, этически относящійся къ другимъ людямъ,—съ коими онъ приходитъ въ соприкосновеніе случайно ли, или нарочно ища этого соприкосновенія (какъ то бываетъ въ дѣлахъ благотворительности),—можетъ быть лишенъ всякаго интереса къ общественнымъ дѣламъ, лишенъ того, что называется гражданскимъ чувствомъ и другими подобными именами, къ сожалѣнію, часто опошленными вслѣдствіе несоотвѣтственнаго употребленія, какъ это случилось, напр., съ словомъ „патріотизмъ“. На

самомъ дѣлѣ о личномъ совершенствѣ, конечно, и рѣчи быть не можетъ, если въ человѣкѣ отсутствуетъ элементъ соціальной этики: личное совершенство и соціальный индифферентизмъ столь же плохо вяжутся между собою, какъ и личное совершенство съ полнымъ отсутствіемъ альтруизма. Совершенная личность есть прежде всего личность всесторонне развитая— не только съ богатымъ внутреннимъ содержаніемъ, но и съ способностью живо относиться къ окружающему ее міру моральныхъ существъ и моральныхъ отношеній, т.-е. когда эта личность есть и человѣкъ, и гражданинъ. Кто говоритъ, что нужно выбирать — *или* быть человѣкомъ, *или* быть гражданиномъ, — тотъ страннымъ образомъ какъ бы разсѣкаетъ живую человѣческую личность на двѣ равныхъ половины, коихъ въ ней нѣтъ: нужно быть *и* человѣкомъ, *и* гражданиномъ, ибо гражданинъ есть лишь извѣстная сторона человѣка, лишающаяся своего человѣческаго значенія, разъ она отъ него отрывается, и, наоборотъ, человѣкъ, который не есть въ то же время и гражданинъ, не есть полный человѣкъ. Самый интересъ къ общественнымъ дѣламъ, одобреніе или неодобреніе тѣхъ или другихъ фактовъ соціальной жизни, постановка извѣстнаго общественнаго идеала, взятые съ этической точки зрѣнія, суть лишь видоизмѣненное и осложненное продолженіе интереса къ чужой личности, сочувствія ея радостямъ и страданіямъ, уваженія къ ея человѣческому достоинству и правамъ, требующимъ своего осуществленія и во внѣшнихъ

формахъ общества. Если я морально отношусь къ себѣ, т.-е. вижу въ себѣ не простое двуногое животное изъ рода homo sapiens, а существо, одаренное духовными способностями и стремленіями, способное къ умственному и нравственному совершенствованію, имѣющее высшее достоинство и обладающее извѣстными правами, и если я морально же отношусь къ другимъ, т.-е. и въ нихъ вижу не простые экземпляры животнаго рода homo sapiens, а такія же существа, какъ и я самъ, т.-е. съ такими же способностями, стремленіями, правами, то я не могу не переносить этого своего моральнаго отношенія къ человѣку вообще и на общество; поэтому вся его организація должна мнѣ представляться приспособленною для существованія не животныхъ особей все изъ того же рода homo sapiens, а для человѣческихъ личностей со всѣми тѣми свойствами, какія я имъ приписываю. Такимъ образомъ для меня этика индивидуальная и соціальная представляетъ одно неразрывное цѣлое, которое должно быть проникнуто однимъ принципомъ, брать моральныя отношенія, какія только возможны, во всей ихъ полнотѣ, опредѣлять каждому стремленію и каждому отношенію человѣка свое мѣсто въ личномъ и общественномъ бытіи. Доходить въ своемъ этическомъ міросозерцаніи до порога, отдѣляющаго отношенія къ отдѣльнымъ единицамъ, взятымъ каждая особнякомъ, отъ отношеній къ цѣлому обществу, какъ особой формѣ бытія, и не идти далѣе значитъ обрывать естественную и логическую послѣдовательность въ

развитіи принципа, долженствующаго управлять всѣмъ міромъ человѣческихъ отношеній. Но что сказать о томъ, кто сталъ бы утверждать, что теперь не время вопросовъ индивидуальной этики, когда сама жизнь ставитъ для разрѣшенія вопросы соціальные? Да, жизнь ихъ ставитъ. Скажу даже болѣе: вся исторія есть не что иное, какъ вѣчная постановка жизнью общественныхъ вопросовъ. Но гдѣ же она, — а она, т.-е. историческая жизнь, это — мы,—гдѣ же она можетъ найти принципы для ихъ рѣшенія, какъ не въ индивидуальной этикѣ, представляющей изъ себя ученіе о нравственной природѣ человѣка, о возможной для нея мѣрѣ совершенства, о достоинствѣ и правахъ личности, о ея обязанностяхъ и отвѣтственности передъ велѣніями долга? Кто обрываетъ ходъ своихъ этическихъ размышленій передъ порогомъ, за которымъ начинается область соціологіи, тотъ оставляетъ свое моральное міросозерцаніе, такъ сказать, безъ конца, а кто сознательно ограничиваетъ себя областью одной соціальной этики, не заботясь о моральной личности, тотъ въ сущности думаетъ начать свою постройку съ середины. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ у міросозерцанія нѣтъ ни цѣльности, ни полноты, ни стройности. Нормальна лишь такая выработка моральнаго міровоззрѣнія, гдѣ дѣло ведется съ начала и доводится до конца. Какъ часто, однако, приходится, къ сожалѣнію, говорить—однимъ: „доходите до конца“, а другимъ: „не начинайте съ середины“. То же самое можно повторить и по отношенію къ

міросозерцанію вообще и къ теоретическому въ частности: кто разъ вступилъ въ ихъ идеальный кругъ съ одного конца, тотъ долженъ дойти до другого конца — не останавливаться на серединѣ, но и не отправляться отъ середины только къ одному концу.

Письмо четвертое

о томъ, что нужно вырабатывать въ себѣ личность и признавать личность въ другихъ.

Расширеніе образованія, выработка міросозерцанія, пріобрѣтеніе убѣжденій, формируютъ въ человѣкѣ личность. То, что мы называемъ въ человѣкѣ личностью, можетъ имѣть разныя степени самостоятельности и по отношенію къ его тѣлесной природѣ, и по отношенію къ его положенію въ обществѣ. Съ біологической точки зрѣнія, въ основѣ коей можетъ лежать хотя бы самый безсознательный матеріализмъ, стремятся иногда свести человѣческое *я* безъ всякаго остатка на извѣстное отправленіе организма съ его измѣнчивыми состояніями, въ силу чего это *я* представляется не чѣмъ инымъ, какъ общимъ именемъ цѣлой вереницы отдѣльныхъ психическихъ актовъ, сводящихся въ послѣднемъ анализѣ къ тѣмъ или другимъ состояніямъ тѣлеснаго организма. Во внутреннемъ нашемъ опытѣ наше *я* дается намъ, однако, совсѣмъ инымъ: наше самосознаніе, наше непосредственное чувство заставляютъ насъ видѣть въ этомъ *я* единое и самостоятельное духовное существо, именно то, что называется личностью, и даже тотъ, кто на основаніи теоретическихъ соображеній признаётъ такое представленіе объ единичномъ *я* за иллюзію, не можетъ отдѣлаться никакими способами отъ этой иллюзіи, какъ не можетъ отдѣлаться и отъ иллюзіи свободы воли, когда, напр., убѣжденъ, что въ мірѣ явленій все, не исключая и индивидуальной воли, подчинено строгому закону причинности, тогда какъ подъ свободою воли разумѣется способность начинать совершенно новый рядъ измѣненій безъ всякаго предыдущаго ряда причинъ и слѣдствій. Личность есть прежде всего явленіе внутренняго опыта, и объ иллюзорности его можно говорить съ такимъ же точно основаніемъ, какъ и объ иллюзорности опыта внѣшняго, свидѣтельствующаго намъ о существованіи матеріи съ такими-то и такими-то присущими ей свойствами, хотя и философія, и наука (именно психо-физіологія) доказываютъ, что въ свойствахъ, приписываемыхъ нами самой матеріи, какъ совершенно объективно существующихъ, мы имѣемъ дѣло лишь съ нашими субъективными способами воспріятія дѣйствій на насъ всего того, что внѣ насъ существуетъ и является намъ, какъ *не—я*. И, однако, въ силу этихъ соображеній никто же не станетъ отрицать, что внѣшній міръ является ему протяженнымъ, наполненнымъ веществомъ, осязаемымъ, видимымъ въ извѣстныхъ очертаніяхъ и окраскѣ,

въ извѣстныхъ случаяхъ издающимъ звуки, способнымъ имѣть такой или иной вкусъ или запахъ. Итакъ, личность есть явленіе внутренняго опыта, который намъ, кромѣ того, свидѣтельствуетъ, что она способна господствовать надъ тѣломъ или, наоборотъ, ему подчиняться, расти и умаляться, развиваться и идти назадъ. Каждый въ повседневной практикѣ своей и въ цѣлой исторіи своей жизни имѣетъ возможность наблюдать эти измѣненія своей личности. Все существованіе наше складывается изъ мѣняющихся состояній нашего *я*, колеблющихся между наибольшимъ временнымъ ослабленіемъ личности во время сна и наиболѣе сильнымъ ея напряженіемъ во время энергичной дѣятельности, между пассивнымъ отношеніемъ ея къ окружающему міру и слабовольнымъ подчиненіемъ требованіямъ тѣлесной природы и, наоборотъ, активнымъ выступленіемъ во внѣшнемъ мірѣ и силою воли, побѣждающею низшія стремленія человѣческаго существа. То же самое мы наблюдаемъ и внѣ себя, поскольку имѣемъ возможность проникать во внутренній міръ другихъ по внѣшнимъ проявленіямъ чужой мысли, чужого чувства, чужой воли. Мы наблюдаемъ паденіе личности, когда человѣкъ „опускается“, погрязаетъ въ лѣни, въ порокѣ, въ преступленіяхъ, хотя бы тѣлесно онъ и процвѣталъ; мы наблюдаемъ разрушеніе личности въ извѣстныхъ душевныхъ болѣзняхъ, связанныхъ съ опредѣленными патологическими состояніями органовъ тѣла; мы наблюдаемъ исчезновеніе личности въ мірѣ явленій, сопровождающее разложеніе тѣла, т. е. смерть. Съ другой стороны, озираясь на свое прошлое, мы видимъ, какъ наша личность росла и развивалась, и въ годы наибольшаго роста и развитія личности, когда этотъ ростъ, это развитіе чувствуются и сознаются, т. е. именно въ молодые годы, непосредственное чувство и сознаніе человѣка говорятъ ему, что внутреннее его существо возвышается, совершенствуется. И внутренній нашъ опытъ, и наблюденія надъ другими непосредственно утверждаютъ насъ въ той мысли, что личность призвана къ жизни и дѣятельности, къ развитію и совершенствованію, и тотъ, кто обладаетъ дѣйствительно живою, дѣятельною, развитою и способною къ совершенствованію личностью,—а все это въ большей или меньшей степени присуще каждому нормальному человѣку,—тотъ необходимо будетъ стремиться къ идеалу личности, ибо личное начало, какъ начало духовное, вѣчно творитъ свой идеалъ. Какія бы ошибки ни дѣлали умъ и совѣсть человѣка, въ какія бы заблужденія они ни впадали, какіе бы односторонніе идеалы личнаго совершенства они ни создавали, всегда этимъ идеаломъ была побѣда духа надъ матеріей, побѣда разума, совѣсти, долга, побѣда личнаго начала, такъ или иначе понимаемаго, надъ всѣмъ мѣшающимъ этому началу быть тѣмъ, чѣмъ оно быть должно. Съ этой точки зрѣнія,—кому она доступна,—должны представляться невѣрными, хотя бы, быть можетъ, только вслѣдствіе своей односторонности и неполноты—всѣ теоріи, которыя игнорируютъ личное начало, какъ таковое,

или желаютъ свести его на нѣчто, ему постороннее и даже враждебное.

Такой теоріей нужно признать, наприм., стремленіе свести духовныя явленія безъ остатка на явленія чисто матеріальныя. Какъ ни велики услуги, оказанныя физіологіей психологіи, какъ бы ни была хорошо изслѣдована зависимость психическихъ явленій отъ тѣлесныхъ состояній, вопросъ о томъ, что такое духъ и каково отношеніе его къ матеріи, рѣшенъ на этой почвѣ быть не можетъ, да и вообще не можетъ быть рѣшенъ никакой наукой. Критическая философія [1]) учитъ насъ видѣть въ духѣ и матеріи не сущности, а лишь обобщенія двухъ разныхъ категорій, на какія для насъ раздѣляются всѣ явленія,—и запрещаетъ сводить одинаково какъ матерію на духъ, такъ и духъ на матерію. Съ другой стороны, сознаніе, непосредственное чувство и самая воля наша заставляютъ насъ вѣрить въ единство и самостоятельность нашего *я*, хотя бы мы и считали невозможнымъ знать, откуда оно приходитъ и куда уходитъ, и не имѣли никакихъ представленій—даже въ формѣ чаяній и упованій только—о томъ, что становится съ этимъ *я* по смерти тѣла. Послѣдовательно проведенный теоретическій матеріализмъ, отвергаемый, впрочемъ, критическою философіей и осуждаемый непосредственнымъ чувствомъ, есть ученіе, враждебное принципу личности и ея моральной сторонѣ, хотя такъ велика бываетъ чело-

[1]) Ср. выше, стр. 72.

вѣческая непослѣдовательность, что среди людей, исповѣдовавшихъ теоретическій матеріализмъ, весьма часто встрѣчались люди съ весьма твердымъ, стойкимъ *я* и съ высокою нравственностью (напр., Дидро), какъ столь же часто люди, бывшіе въ теоріи настоящими спиритуалистами, на практикѣ оказывались самыми заправскими матеріалистами, въ коихъ духовное начало находилось въ плѣну у инстинктовъ животнаго происхожденія и нравственное чувство блистало своимъ отсутствіемъ.

Враждебны личному началу и теоріи иного рода. Уже въ старыя времена существовали религіозныя и метафизическія системы, которыя принято называть пантеистическими. Одною изъ ихъ особенностей является то, что въ нихъ совершенно уничтожается личность, самостоятельное *я*, индивидуальный духъ—во имя извѣстнаго высшаго начала. Такую же тенденцію мы обнаруживаемъ въ нѣкоторыхъ научныхъ теоріяхъ нашего времени. Если съ физіологической точки зрѣнія многіе склонны видѣть въ отдѣльномъ *я* не единое нѣчто, а нѣчто собирательное—вереницу отдѣльныхъ психическихъ состояній и актовъ, зависящихъ отъ тѣлесныхъ состояній, то для другихъ, становящихся на точку зрѣнія соціологическую, отдѣльное *я* есть не цѣлое нѣчто, а нѣчто частичное, лишь единичный отпечатокъ данной культурно-соціальной среды, атомъ и продуктъ общественнаго духа. Кто вникнетъ поглубже въ суть обѣихъ теорій, изъ коихъ одна уничтожаетъ единство, а другая—цѣльность индивидуальной души,

тотъ пойметъ, какимъ путемъ возникаютъ эти противоположныя теоріи, и оцѣнитъ ихъ относительное значеніе. То, что мы называемъ личностью, какъ она дана намъ въ мірѣ явленій, связана всегда, съ одной стороны, съ единичнымъ тѣлеснымъ организмомъ, съ другой—съ опредѣленнымъ обществомъ. Индивидуальный духъ зависитъ поэтому отъ тѣлесной организаціи, являющейся его носительницей, и отъ общества, которое играетъ по отношенію къ нему роль особой духовной среды, и поскольку эта зависимость личности отъ физической организаціи и психической среды существуетъ, какъ явленіе, какъ фактъ, доступные наблюденію и изслѣдованію, постольку—и лишь постольку—личность есть только функція тѣла или только продуктъ общества или же только то и другое вмѣстѣ. Такъ можетъ казаться съ точки зрѣнія физіологіи и соціологіи, но такъ не можетъ казаться съ точки зрѣнія психологіи съ ея основными фактами сознанія единства и цѣльности нашего *я*, чувства его раздѣльности, самостоятельности и свободы какъ по отношенію къ собственному тѣлу, такъ и по отношенію къ обществу, и его стремленія быть самимъ собою. Эти несомнѣнныя явленія непосредственнаго внутренняго опыта должны вѣдь тоже быть приняты въ расчетъ при объективномъ опредѣленіи духовнаго существа человѣка, какъ одного изъ явленій міра. Пусть будетъ это существо отчасти функціей тѣлесной организаціи человѣка, отчасти же и продуктомъ его общественной среды, но за всѣмъ тѣмъ останется еще нѣчто,

и вотъ чѣмъ большее значеніе пріобрѣтаетъ въ каждомъ данномъ случаѣ это нѣчто, тѣмъ большее развитіе личнаго начала мы и предполагаемъ. Человѣкъ, конечно, не можетъ жить внѣ своего тѣла и внѣ какого-либо общества (хотя бы лишь до извѣстнаго возраста), и потому его личность всегда будетъ имѣть тѣ или другія физіологическія и соціологическія опредѣленія, но чѣмъ развитѣе въ человѣкѣ его индивидуальность, тѣмъ самостоятельнѣе и оригинальнѣе выступаетъ онъ, какъ личность, которой всеуравнивающая культурно-соціальная среда не помѣшала развить всѣ прирожденныя (вѣроятно, данныя прямо съ тѣломъ) способности и которую вмѣстѣ съ тѣмъ эти самыя способности заставляютъ самостоятельно пользоваться всѣми духовными средствами данной среды для развитія въ себѣ личнаго начала.

Образованіе и есть именно пользованіе въ цѣляхъ личнаго развитія средствами той великой, всемірной и общечеловѣческой духовной среды, которая называется цивилизаціей. Гдѣ и когда нѣтъ образованія, напр., у дикихъ и некультурныхъ народовъ, въ низшихъ классахъ общества отсталыхъ странъ, въ дѣтскомъ возрастѣ и т. п., тамъ и тогда нѣтъ самаго могущественнаго орудія личнаго развитія. Человѣкъ есть всецѣло лишь продуктъ своей непосредственной культурно-соціальной среды, когда онъ вынужденъ догматически усваивать только ея традиціонное и ходячее міросозерцаніе, когда онъ лишь пассивно воспринимаетъ идущія на него извнѣ вліянія, невольно

повторяетъ въ себѣ то, что неизмѣнно и безконечное число разъ повторяется внѣ его другими такими же „продуктами“ данной среды, когда безсознательно подражаетъ тому, что видитъ вокругъ себя въ области духовныхъ явленій. Такую жизнь нельзя даже назвать личною жизнью, въ высшемъ значеніи слова: это жизнь роевая, стадная, даже не общественная— опять-таки въ высшемъ значеніи слова. Если бы человѣкъ былъ на самомъ дѣлѣ только продуктомъ среды, т.-е. если бы въ немъ не заключалось личнаго начала, люди никогда не могли бы выбиться изъ заколдованнаго круга разъ установившихся привычекъ и традицій, постояннаго повторенія однихъ и тѣхъ же мыслей и поступковъ и вѣчнаго подражанія другъ другу. А люди между тѣмъ изъ этого заколдованнаго круга все-таки вышли, и благодаря чему же, какъ не дѣйствію личнаго начала, разлагающаго своею самостоятельностью и активностью, своею оригинальностью и критикою всякій традиціонализмъ? Противъ своего рода пантеистическаго представленія общественной среды я готовъ стать даже на матеріалистическую точку зрѣнія и доказывать, что такъ какъ тѣлесныя свойства людей неодинаковы, то культурно-соціальная среда и не въ состояніи всѣхъ уравнять, хотя, съ другой стороны, противъ этого самаго матеріализма можно возразить, что культурно-соціальная среда, подчиняя себѣ человѣка, освобождаетъ въ той же мѣрѣ его душу отъ рабства тѣлу, не говоря уже, что среда эта сама имѣетъ дѣло не съ тѣлами, а именно съ душами людей, которыя и психологіей не признаются отлитыми въ одну форму.

Если нужно работать надъ развитіемъ въ себѣ личности, то не только въ смыслѣ возведенія ея на степень духа, господствующаго надъ плотью (хотя и не отрицающаго ея, какъ въ аскетизмѣ), но и въ смыслѣ возведенія ея на степень индивидуальнаго *я*, имѣющаго самостоятельное положеніе въ обществѣ (хотя и не отрицающаго жизни въ обществѣ съ налагаемыми ею обязанностями, какъ у анахоретовъ). Культурная среда прежде всего складывается изъ извѣстныхъ ходячихъ идей, по отношенію къ коимъ личность должна занять самостоятельное положеніе, чтобы быть личностью, а не продуктомъ среды, хотя ничто не заставляетъ ее идти въ разрѣзъ съ этими идеями, лишь бы онѣ были приняты сознательно и послѣ взвѣшиванія всѣхъ *pro* и *contra*. Культурный индивидуализмъ—великая историческая и прогрессивная сила, ибо всѣ знанія, всѣ идеи, всѣ изобрѣтенія современной цивилизаціи обязаны происхожденіемъ своимъ работѣ личной мысли. Съ этой точки зрѣнія, изученіе всемірной исторіи въ общемъ и цѣломъ представляетъ поучительное и утѣшительное зрѣлище, сколько бы мрачныхъ мыслей она ни навѣвала другими своими сторонами. Культурный ростъ личности шелъ всегда рядомъ съ ростомъ образованности. Образованіе,—и чѣмъ оно шире, тѣмъ больше это дѣлаетъ,— образованіе вводитъ человѣка въ идеальную культурную среду, создающуюся личною мыслью вели-

каго множества философовъ, ученыхъ, художниковъ, общественныхъ дѣятелей, работою массы поколѣній, опытомъ вѣковъ и народовъ, жизнью человѣчества.

Человѣкъ не можетъ *стать* продуктомъ такой среды, онъ можетъ лишь *самъ воспользоваться* результатами исторической работы человѣчества для того, чтобы возвести себя на высшую, какая ему только доступна, ступень личнаго развитія. Самообразованіе есть поэтому одно изъ средствъ выработки въ себѣ личности, и кто чувствуетъ себя личностью, тотъ не станетъ пренебрегать этимъ средствомъ, какъ не станетъ считать и самой цѣли выработки личности не имѣющею никакой цѣны. Кто, не признавая себя ни простымъ животнымъ, ни простымъ органомъ соціальнаго тѣла, въ каковой можетъ превратиться на самомъ дѣлѣ только животное (да и то изъ низшихъ—въ родѣ медузы), станетъ говорить, что работа надъ собственною личностью—между прочимъ путемъ самообразованія—есть занятіе праздное, ни къ чему ненужное, а можетъ быть, прибавитъ—и вредное, тотъ или еще самъ не очень далеко ушелъ въ развитіи своемъ, какъ личности, или же въ силу какого-либо недоразумѣнія не понимаетъ того, что говоритъ.

Одно такое недоразумѣніе существуетъ въ дѣйствительности, и мнѣ не разъ приходилось, встрѣчаясь съ нимъ, убѣждаться въ его силѣ. Да, я признаю его силу, но сила всякаго недоразумѣнія имѣетъ тотъ же характеръ, какимъ отличается сила и всякаго заблужденія: она заключается не во внутреннихъ основаніяхъ односторонней или невѣрной мысли, а лишь во внѣшнихъ условіяхъ, благопріятствующихъ распространенію этой мысли и ея господству надъ умами. Цѣль самообразованія въ выработкѣ міросозерцанія, убѣжденій, самостоятельной личности. Мнѣ говорятъ (и даже пишутъ): знаемъ мы это, стара штука! Это все по части личнаго совершенствованія! Нѣтъ, не такого самообразованія мы хотимъ: говорите намъ, каково должно быть общество, учите насъ, что намъ дѣлать въ качествѣ общественныхъ дѣятелей и т. п. Въ подобнаго рода заявленіяхъ я различаю двѣ стороны. Одна сторона мнѣ очень симпатична. Я не поклонникъ того индивидуализма,—замѣчу, что индивидуализмы бываютъ разные,—того, повторяю, индивидуализма, который въ сущности есть не что иное, какъ соціальный индифферентизмъ въ смыслѣ пословицы: моя хата съ краю, ничего не знаю. Это только другая форма эгоизма. Я понимаю, что лучшую основу стремленія къ соціальнымъ знаніямъ и общественной дѣятельности составляетъ безкорыстный интересъ къ судьбѣ людей и альтруистическій порывъ придти къ нимъ на помощь, — понимаю и одобряю, ибо еще съ дѣтства научился цѣнить святыя слова: „больше сея любве никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя“. Особенно понимаю я и то, что молодежь считаетъ себя призванною готовиться къ великому дѣлу общественнаго служенія. Въ разныя времена юношескій идеализмъ принималъ различный характеръ, смотря по тому, какіе вопросы

выдвигала на первый планъ въ ту или другую эпоху общественная жизнь. Нѣтъ ничего мудренаго, что въ наше время, когда и правительства, и образованное общество, и литература, и народныя массы поглощены теоретическимъ и практическимъ разрѣшеніемъ вопросовъ общественнаго свойства, это отражается и на настроеніи молодежи, порождая даже разнаго рода увлеченія. Но вотъ въ чемъ дѣло. Общественная дѣятельность есть воздѣйствіе личности на соціальную среду, а это требуетъ, чтобы дѣятель, т.-е. личность удовлетворяла извѣстнымъ условіямъ, всѣ же эти условія сводятся къ тому, чтобы дѣятель прежде всего выработалъ въ самомъ себѣ развитую и приспособленную къ общественной дѣятельности личность. Юность вообще способна увлекаться, преувеличивая свои силы и не зная настоящей силы общественныхъ условій. Между прочимъ, легко не принимать въ расчетъ, что если личность можетъ воздѣйствовать на среду, то и среда способна дѣйствовать на личность; въ отдѣльныхъ случаяхъ еще вопросъ, на чьей сторонѣ долженъ оказаться перевѣсъ. Кто мало еще жилъ сознательною и самостоятельною жизнью, кто не успѣлъ въ себѣ выработать личности, тотъ особенно легко подчиняется средѣ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько разъ приходилось каждому, имѣющему дѣло съ молодежью, наблюдать быстрыя превращенія, какимъ подвергаются молодые люди, попавъ, напр., въ студенческую среду съ хорошими стремленіями, свойственными юношескому идеализму и прививаемыми научнымъ дѣломъ,

И самъ юноша считаетъ себя перерожденнымъ — и думаетъ, и чувствуетъ иначе, и строитъ новые планы будущей своей жизни и дѣятельности. Хорошо, когда это, дѣйствительно, результатъ внутренняго духовнаго развитія, а не результатъ пассивнаго и догматическаго воспріятія вліяній, идущихъ со стороны новой окружающей среды. Къ сожалѣнію, не всегда такъ бываетъ. Когда не самъ человѣкъ работалъ надъ собою, а былъ только объектомъ передѣлывающаго вліянія среды, то другая среда — по окончаніи курса въ высшемъ учебномъ заведеніи—тоже вѣдь обладаетъ свойствомъ передѣлывать по образу своему и подобію, если не встрѣтитъ сопротивленія во всемъ міросозерцаніи, вошедшемъ въ плоть и кровь человѣка, въ его убѣжденіяхъ, разъ они дѣйствительно убѣжденія, а не подражательное повтореніе чужихъ мнѣній, во всей, наконецъ, выработкѣ личности, начиная съ пріемовъ мысли и съ идей и кончая интересами и привычками. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, тѣ многочисленные случаи измѣны убѣжденіямъ молодыхъ годовъ и разнаго рода превращеній въ дурную сторону, которыя столько разъ отмѣчались и въ литературѣ, какъ не слѣдствіе слабости въ человѣкѣ личнаго начала? Думалъ, повидимому, человѣкъ весь міръ передѣлать, а міръ-то его самого по своему передѣлалъ, — предметъ злорадства для однихъ, кому не симпатичны самыя мечты о самостоятельной и широкой дѣятельности, предметъ сердечнаго сокрушенія для тѣхъ, кому дороги эти мечты

въ самомъ себѣ и кто умѣетъ ихъ цѣнить въ другихъ! Пусть же не говоритъ никто, будто забота о выработкѣ въ себѣ личности есть пустое дѣло, съ общественной точки зрѣнія не нужное и даже будто бы мѣшающее болѣе плодотворной тратѣ силъ. Нѣтъ, это дѣло нужно и для самой личности, какъ нравственнаго *я*, и для общества, ибо только такое *я* можетъ устоять противъ всеуравнивающаго и всепринижающаго вліянія жизненной среды съ ея прозой, съ ея пошлостью, съ ея низменными интересами, и только такое *я* во всеоружіи знанія, пониманія и умѣнія можетъ стать дѣйствительнымъ факторомъ общественнаго прогресса. Работать надъ собой такимъ образомъ нужно не только для самосовершенствованія, напрасно отождествляемаго иногда съ какимъ-то „самоуслажденіемъ“: такой работы требуетъ и общественный интересъ, для чуткой совѣсти получающій значеніе нравственнаго долга. Въ этомъ отношеніи наука вообще и въ частности самообразованіе получаютъ очень важное значеніе, лишь бы онѣ развивали привычки и пріемы самостоятельнаго и критическаго мышленія, обогащали умъ знаніями и идеями, тѣмъ прочнѣе утверждающимися въ умѣ, чѣмъ яснѣе ихъ основанія и путь, который къ нимъ приводитъ, пріучали къ ясности мысли и широтѣ взгляда, укореняли въ душѣ моральныя и соціальныя убѣжденія, подсказываемыя голосомъ совѣсти, и лишь бы тотъ упорный и систематическій трудъ, коего требуетъ всякое долговременное умственное занятіе и, понятно, занятіе самообразованіемъ

воспитывалъ бы способность воли дѣйствовать по мотивамъ высшаго порядка.

Съ той же общественной точки зрѣнія и стремленіе къ рѣшенію вопросовъ и пріобрѣтенію знаній, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ интересамъ общественной дѣятельности, отнюдь не является какой-либо помѣхой. Общественныя явленія суть самыя сложныя, какія только приходится распутывать человѣческому знанію: пониманіе ихъ требуетъ наибольшей ясности мысли и широты взгляда, которыя не могутъ быть пріобрѣтены какимъ бы то ни было одностороннимъ занятіемъ. Чтобы имѣть возможность оказывать воздѣйствіе на соціальную среду, нужно не только развить въ себѣ силу сопротивленія всѣмъ идущимъ съ ея стороны вліяніямъ, дѣлающимъ личность совершенно безсильною и въ смыслѣ наступленія, и въ смыслѣ обороны, т.-е. спасенія себя отъ уподобленія этой самой средѣ, а нужно еще хорошо знать эту среду; знаніе же соціальныхъ отношеній, какъ наиболѣе сложное, опирается лишь на знаніе явленій и отношеній менѣе сложныхъ, лежащихъ въ основѣ общественнаго бытія [1]). Между прочимъ тутъ необходимо самое внимательное отношеніе именно къ вопросамъ индивидуальной психологіи и индивидуальной этики. Вѣдь общество есть не что иное, какъ извѣстная система и организація духовныхъ и матеріальныхъ отношеній между отдѣльными личностями. Въ обществѣ лишь

[1]) Ср. выше, стр. 70.

онѣ однѣ реальны—однѣ онѣ мыслятъ, чувствуютъ, наслаждаются и страдаютъ, любятъ и ненавидятъ, желаютъ, стремятся, дѣйствуютъ. Лишь въ личностяхъ и чрезъ личности существуютъ въ обществѣ всѣ отдѣльныя стороны духовной культуры и общественной организаціи—религія, мораль, философія, наука, литература, искусство, право, народное хозяйство, государство,—въ нихъ и черезъ нихъ существуютъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ существуютъ и для нихъ. Опять-таки лишь черезъ личность связаны между собою въ одно цѣлое общественнаго бытія всѣ эти отдѣльныя стороны культурной и соціальной жизни, религія—съ государствомъ, право—съ моралью, наука—съ народнымъ хозяйствомъ, это послѣднее—съ государствомъ, государство—съ правомъ, право—съ наукой и пр. и пр. Нельзя дѣйствовать съ успѣхомъ на общество, не понявъ того, что̀ оно такое есть, не понявъ также, что̀ такое представляетъ изъ себя человѣческая личность, понять же послѣднюю съ совершенною ясностью мысли и широтою взгляда можно, только въ себѣ самомъ выработавъ личность. Кто занимается общественными вопросами изъ интереса и участія къ судьбѣ отдѣльныхъ личностей, изъ коихъ складывается общество, тотъ по чувству отвѣтственности своей передъ великимъ множествомъ людей не рѣшится дѣйствовать на такой объектъ, не понявъ его существа, если только онъ не ослѣпленъ какимъ-либо фанатическимъ догматизмомъ, при которомъ человѣкъ превращается въ слѣпое и часто безнравственное орудіе какой-либо вѣры, требующей

даже человѣческихъ жертвъ во имя той или другой отвлеченности.

Развитіе личности въ себѣ и работа надъ выработкою психологическаго и этическаго міросозерцанія и съ другой стороны нужны для плодотворной общественной дѣятельности. „Не человѣкъ существуетъ для субботы, а суббота для человѣка“. Въ обществѣ все и есть именно такая „суббота“, за исключеніемъ личностей, его составляющихъ. Всякая общественная цѣль въ концѣ-концовъ должна осуществлять какое-либо благо, имѣющее бытіе не само по себѣ, а по отношенію къ человѣческимъ личностямъ. Кто не выработалъ въ себѣ развитой личности или кто не признаётъ въ другихъ такой же личности, какую онъ сознаетъ и чувствуетъ въ самомъ себѣ, тотъ весьма легко склоненъ изъ „субботы для человѣка“ дѣлать „человѣка для субботы“, хотя бы эта суббота носила самыя привлекательныя имена. Реформаторы XVI вѣка провозгласили великій принципъ свободы совѣсти, обязывающій уважать чужія религіозныя вѣрованія, но этимъ правомъ хотѣли пользоваться только сами, считая лишь себя обладателями истинной вѣры, а всѣхъ, несогласно мыслящихъ, достойными принужденія и наказанія, ибо изъ своей вѣры они дѣлали субботу, которой долженъ былъ подчиняться человѣкъ. Такую же субботу сдѣлали въ эпоху французской революціи якобинцы изъ политической свободы, для осуществленія которой требовали истребленія всѣхъ, кто только велъ себя несогласно съ ихъ пониманіемъ свободы. Въ обоихъ

случаяхъ отрицалось право личности и допускалось принужденіе и принесеніе людей въ жертву во имя правой вѣры или отечества, причемъ въ фанатическомъ ослѣпленіи своими догматами и люди XVI вѣка, и люди XVIII столѣтія думали, что они дѣйствуютъ во имя индивидуальнаго и общественнаго блага. При этическомъ отношеніи къ реальной человѣческой личности и къ обществу, какъ совокупности такихъ реальныхъ человѣческихъ личностей, при интересѣ къ ихъ внутреннему міру, при альтруистическомъ желаніи имъ добра, при уваженіи къ ихъ естественнымъ и священнымъ правамъ, возможныхъ лишь при ясномъ взглядѣ и широтѣ мысли въ вопросахъ о человѣческомъ достоинствѣ, такого пониманія религіи и государства, при коихъ личность является лишь какимъ-то средствомъ по отношенію къ цѣлямъ, внѣ ея лежащимъ, быть и не должно, и не можетъ быть. Въ вопросахъ политики такое затемненіе основныхъ принциповъ дѣлается сплошь и рядомъ: сначала тѣ или другія учрежденія мыслятся въ качествѣ средствъ, существующихъ для удовлетворенія тѣхъ или иныхъ цѣлей, находящихся въ жизни личностей, но потомъ эти средства сами начинаютъ приниматься за цѣли, и реальныя личности разсматриваются уже, какъ средства, служащія этимъ цѣлямъ. Такъ, напр., возникла античная идея государства, подновлявшаяся въ новое время Гоббзомъ, Руссо, якобинцами.

Въ комъ сильно развита внутренняя личная жизнь, тотъ не можетъ не чувствовать интереса къ

внутреннему міру другихъ личностей, хотя бы это былъ чисто теоретическій или эстетическій интересъ безъ малѣйшаго альтруизма и соціальнаго инстинкта, какъ это было у итальянскихъ гуманистовъ XIV—XV вв. Это внимательное отношеніе къ тому, что представляютъ изъ себя другіе *я*, есть первый шагъ въ признаніи личности и въ другихъ людяхъ. Можно быть проникнутымъ по отношенію къ нимъ альтруистическими и соціальными чувствами и вмѣстѣ съ тѣмъ все-таки глубоко ошибаться относительно того, что̀ людямъ нужно, чего они хотятъ и что̀ могутъ свободно принять, отъ чего отвращаются и къ чему принудить ихъ возможно лишь силою, можно желать людямъ добра и тѣмъ не менѣе вредить имъ, не зная именно ихъ внутренняго міра, не стараясь въ него проникнуть, не интересуясь имъ, а зная лишь вообще, наприм., что вѣрить нужно такимъ-то образомъ, или что государство должно быть такимъ-то. Всѣ соціальныя понятія и знанія могутъ получить весьма одностороннее, не соотвѣтствующее ни цѣли своей, ни дѣйствительности примѣненіе, если будетъ при этомъ игнорироваться внутренній міръ личностей. Къ счастью, интересъ къ этому міру вообще очень великъ и нуждается только въ правильномъ примѣненіи. Вся литература, этотъ въ высшей степени важный органъ самообразованія, существуетъ потому, что одни люди находятъ интересъ въ изученіи внутренняго міра другихъ людей для его воспроизведенія, а другимъ интересно читать или видѣть на сценѣ эти воспро-

изведенія. Но чѣмъ болѣе будетъ человѣкъ относиться со вниманіемъ къ чужому внутреннему міру подъ условіемъ симпатичнаго и моральнаго отношенія къ людямъ и подъ условіемъ творчества идеала совершенной личности, тѣмъ болѣе будетъ онъ уважать человѣческое достоинство и человѣческія права въ другихъ, разъ онъ открылъ это достоинство и эти права въ самомъ себѣ. Моральный ростъ личности сопровождается уясненіемъ для нея этого достоинства и этихъ правъ, присущихъ ей не на томъ основаніи, на какомъ человѣкъ-животное признаетъ нѣчто лишь за собою, что̀ за всѣми другими отрицаетъ, а на томъ, что это достоинство и эти права составляютъ неотъемлемыя свойства человѣка вообще. Вся культурная и соціальная исторія человѣчества есть исторія постепеннаго признаванія за личностью ея достоинства и ея правъ, борьбы личностей за свои и за чужія достоинство и права и осуществленія ихъ въ моральныхъ и соціальныхъ отношеніяхъ. Такъ пало рабство и крѣпостничество; такъ установились въ цивилизованныхъ странахъ міра свобода совѣсти, свобода мысли, свобода слова и свобода жизни отъ мелочной опеки полицейскаго государства; такъ возникъ вопросъ о правѣ каждаго человѣка на болѣе его достойное и болѣе справедливое матеріальное обезпеченіе. Въ этомъ смыслѣ особенно поучительна въ дѣлѣ самообразованія исторія послѣднихъ столѣтій на западѣ Европы, разсмотрѣнная съ точки зрѣнія развитія и удовлетворенія требованій законнаго индивидуализма, въ число

коихъ входитъ и болѣе равномѣрное и справедливое распредѣленіе земныхъ благъ. Кто хочетъ понять правильное отношеніе къ человѣческой личности съ соціальной точки зрѣнія, тому положительно слѣдуетъ рекомендовать внимательное ознакомленіе съ ходомъ событій и развитіемъ идей въ новое и новѣйшее время. Впрочемъ, объ этомъ рѣчь будетъ еще идти впереди.

Я остановился на этой темѣ между прочимъ въ виду того, что отношеніе индивидуальнаго къ общественному всегда представляетъ предметъ горячихъ споровъ среди молодежи. Конечно, это одинъ изъ кардинальныхъ вопросовъ соціальной этики —въ сущности вопросъ о правахъ личности и о границахъ этихъ правъ во имя такихъ же правъ другихъ личностей. Нерѣдко мнѣ приходилось наблюдать, что индивидуализмъ въ этихъ спорахъ является пунктомъ обвиненія со стороны однихъ и предметомъ, отъ обвиненія въ коемъ другіе открещиваются всѣми силами. Признавая высокое значеніе личнаго начала въ жизни единицы и въ жизни общества, въ историческомъ процессѣ и прогрессѣ культурныхъ и соціальныхъ формъ, считая личное развитіе однимъ изъ источниковъ и требованій морали и критеріемъ того, насколько общественныя формы служатъ безпрепятственному проявленію и развитію личности, кладя этотъ принципъ въ основу своихъ историческихъ и философскихъ сочиненій, я всегда, разумѣется, интересовался мотивами, заставляющими быть столь нелестнаго мнѣнія объ индивидуализмѣ,

и думаю, что это имѣетъ два источника въ соображеніяхъ этическаго и экономическаго свойства. Всякій, кто внимательно дочиталъ эту книжку до настоящей страницы, долженъ хорошо понимать, что я порицаю эгоизмъ и соціальный индифферентизмъ: между тѣмъ многіе лишь и понимаютъ подъ индивидуализмомъ не положительное нѣчто, а именно отрицательную противоположность альтруизма и общественнаго инстинкта. Но въ томъ-то и дѣло, что индивидуализмъ имѣетъ и положительное содержаніе, ибо это есть принципъ личности во всей полнотѣ ея бытія, слѣдовательно, съ ея способностью къ альтруизму и съ ея соціальными инстинктами, принципъ человѣческаго *я* не какъ одного изъ безличныхъ отраженій какой-либо культурной среды или безправнаго члена какой-либо соціальной организаціи, но начало, объясняющее намъ историческую роль личности и содержащее въ себѣ основаніе правъ личности на уваженіе ея достоинства, на ея неприкосновенность и свободу, на матеріальное благосостояніе. Я не думаю, чтобы у такого пониманія индивидуализма могли найтись противники, кромѣ лицъ, цинически, пессимистически и матеріалистически смотрящихъ на человѣческую природу, которые одни, конечно, и были бы способны принципіально защищать эгоизмъ и соціальный индифферентизмъ (индивидуализмъ въ отрицательномъ смыслѣ), какъ норму. Люди, настроенные альтруистически и съ развитымъ чувствомъ общественности, наоборотъ, должны признавать принципъ личности, ибо если его отрицать, то что же оста-

нется предметомъ ихъ альтруистическихъ и соціальныхъ чувствъ, кѣмъ имъ тогда будетъ интересоваться, кого любить, чье достоинство и права уважать и защищать, а также за кого же имъ пришлось бы признавать и самихъ себя? Ставлю вопросъ и предоставляю читателю самому на него отвѣтить. Замѣчу только, что такъ я объясняю себѣ одно (на мой взглядъ, очевидное) недоразумѣніе, заставляющее такъ враждебно относиться къ индивидуализму,—недоразумѣніе, имѣющее весьма симпатичный источникъ, но крайне прискорбное, ибо всякая проповѣдь противъ развитія и правъ личности есть проповѣдь по своимъ результатамъ въ культурномъ и соціальномъ отношеніяхъ реакціонная. Всемірная исторія, особенно исторія новаго времени съ ея реакціями противъ того, что создавалось историческимъ движеніемъ, доказываетъ, что одинъ изъ первыхъ ударовъ, какіе эти реакціи стремились нанести, приходились именно на долю личности, на долю личнаго начала, индивидуализма. Есть и другой источникъ нерасположенія къ индивидуализму, гдѣ послѣдній тоже берется съ отрицательной стороны по своимъ экономическимъ послѣдствіямъ. Въ этомъ смыслѣ онъ отождествляется съ свободной конкурренціей, эксплуатаціей экономически слабаго (трудъ) экономически сильнымъ (капиталомъ), преслѣдованіемъ въ промышленности лишь частнаго интереса и отсутствіемъ какой-либо организаціи солидарности между рабочими (какъ то было въ эпоху запрещенія рабочихъ ассоціацій). И здѣсь индивидуализмъ бе-

рется съ своей антиальтруистической и антисоціальной стороны, т.-е. источникъ нерасположенія къ индивидуализму и здѣсь тотъ же, что и въ первомъ случаѣ, осложненный лишь соображеніями объ экономической выгодности кооперацiи, ассоціаціи, солидарности. Но можно спросить и тутъ, во имя какого же принципа отрицается конкурренція, эксплуатація и т. д. и рекомендуется солидарность, ассоціація и т. п., какъ не во имя опять-таки интересовъ и правъ „труждающихся и обремененныхъ", во имя ихъ человѣческаго достоинства и ихъ личнаго развитія? Если индивидуализмъ долженъ значить только то, что вытекаетъ изъ эгоизма, конечно, не можетъ быть и спора о его значеніи въ жизни, но, повторяю, это есть, если брать индивидуализмъ въ болѣе широкомъ смыслѣ, начало положительное и въ психологическомъ, и культурномъ, и моральномъ, и соціальномъ отношеніяхъ. Не подавлять слѣдуетъ личность, а содѣйствовать ея развитію и въ самомъ принципѣ личности видѣть основаніе интереса, расположенія къ людямъ, уваженія къ ихъ достоинству, признанія за ними извѣстныхъ правъ. И въ этомъ отношеніи исторія свидѣтельствуетъ, что съ прогрессомъ личной и общественной этики совершалось все большее и большее утвержденіе личности въ ея правахъ. Въ прежнія времена какое бы то ни было значеніе личности, какъ таковой, не признавалось: въ человѣкѣ видѣли лишь представителя того или другого сословія, и онъ пользовался лишь сословными правами; видѣли гражданина извѣстнаго

государства, внѣ коего у него не было никакихъ правъ; видѣли единовѣрца, отрицая какія бы то ни было моральныя обязанности по отношенію къ людямъ, молящимся другимъ богамъ. Лишь длинный процессъ личнаго развитія привелъ къ тому, что за личностью, какъ таковой, были признаны, такъ сказать, естественныя, прирожденныя права, и обязанность уважать эти права перестала обусловливаться принадлежностью лица къ тому или другому сословію, государству или вѣроисповѣданію. Принципъ индивидуализма разложилъ тѣ отношенія, въ коихъ лицо разсматривалось не въ человѣческомъ своемъ достоинствѣ, а въ качествѣ составной части сословія, государства, вѣроисповѣданія. Разъ человѣкъ отъ нихъ получилъ всѣ свои права, а не приносилъ ихъ съ собою на свѣтъ Божій при рожденіи, онъ и не имѣлъ никакихъ правъ по отношенію къ тому цѣлому, къ которому принадлежалъ: античное государство поглощало гражданина, средневѣковая церковь держала въ абсолютномъ повиновеніи умъ, совѣсть и волю вѣрующихъ.

Совѣтуя вырабатывать въ себѣ личность и признавать ее въ другихъ, я имѣю въ виду и указаніе на единственно законный субъективизмъ въ оцѣнкѣ общественныхъ явленій независимо отъ субъективизма вѣроисповѣднаго, національнаго, политическаго и т. п., часто устанавливающихъ двѣ различныя мѣрки для себя и для своихъ, съ одной стороны, и для чужихъ, съ другой. Внѣ принципа равнаго достоинства человѣческой личности и прирожден-

ныхъ ей правъ не можетъ быть никакой общей мѣрки для этическихъ отношеній въ частной и общественной жизни. Истина едина, и одна только справедливость, а не много справедливостей—такая-то по отношенію къ другу, такая-то по отношенію къ врагу, по отношенію къ своему и къ чужому, къ правовѣрному и невѣрному и т. п. Лишь подъ условіемъ справедливости возможно и безпристрастіе въ сужденіяхъ о фактахъ дѣйствительности въ обыденной жизни и въ исторіи,—безпристрастіе, къ которому обязываетъ и любовь къ истинѣ, создавшая науку и наукой требуемая, и любовь къ справедливости, породившая мораль и ею же поддерживаемая. Только широкое гуманитарное образованіе, занятія философіей, психологіей, этикой, исторіей, литературой сообщаютъ человѣку то пониманіе принципа личности, которое нужно считать безусловно необходимымъ и для правильнаго міросозерцанія, и для нравственнаго поведенія въ частной жизни и въ общественной дѣятельности. Пренебрегать такимъ образованіемъ и думать, что безъ него можно обойтись при помощи однихъ естественныхъ наукъ или такихъ отдѣловъ обществовѣдѣнія, какъ политическая экономія, значитъ сознательно отказываться отъ того, что наиболѣе соотвѣтствуетъ задачѣ познать самого себя.

Письмо пятое

о томъ, въ чемъ заключаются образовательныя средства, въ особенности наука, и какъ слѣдуетъ къ наукѣ относиться.

Это письмо я посвящаю разсмотрѣнію образовательныхъ средствъ, относя къ числу ихъ литературу (художественную съ критикой и публицистикой) и науку (подъ понятіе коей подводится здѣсь и философія). Въ особенности я считаю нужнымъ говорить подробно о наукѣ, отношенія къ которой, встрѣчающіяся въ дѣйствительности, требуютъ спеціальнаго вниманія: съ литературой дѣло обстоитъ проще.

Литературу называютъ отраженіемъ дѣйствительности, зеркаломъ жизни. Кромѣ того, литература сама собою представляетъ одно изъ важнѣйшихъ явленій культурно-соціальной жизни: она есть мысль и слово общества и эпохи, а мысль и слово и въ этомъ случаѣ имѣютъ такое же значеніе въ бытіи и дѣятельности народовъ, какъ и въ индивидуальномъ существованіи. Кромѣ того, общая литература въ отличіе отъ спеціальныхъ наукъ, съ одной стороны, и отъ дѣловой письменности, съ другой, отличается общеинтересностью и общедоступностью по своему содержанію, не говоря уже объ особенныхъ условіяхъ формы, которая такъ и называется литературностью. Вотъ почему литература вообще и въ частности то, что, такъ сказать, составляетъ ея центръ,—поэзія и беллетристика—и привлекаютъ къ себѣ вниманіе общества въ гораздо большей степени, нежели все

остальное, что только пишется. Чѣмъ ближе стоитъ критика и публицистика къ самому существу общеинтересной и общедоступной литературы, тѣмъ и онѣ сильнѣе привлекаютъ къ себѣ общественное вниманіе. Исключительно эстетическая критика, особенно если она занимается преимущественно вопросомъ формы, и критика ученая, разбирающая произведеніе со стороны его генезиса, мѣста среди другихъ аналогичныхъ произведеній, его отъ нихъ зависимости, вопроса о заимствованіяхъ и т. п. не можетъ никогда пользоваться такой широкой популярностью, какъ критика, которую у насъ—правильно или неправильно—называютъ публицистическою, критика, дѣлающая предметомъ обсужденія не само только произведеніе литературы, но и вопросы жизни, коихъ произведеніе касается. Это общеинтересно и общедоступно, тогда какъ критика строго эстетическая и особенно ученая предполагаютъ въ читателѣ и спеціальный интересъ къ трактуемымъ въ нихъ предметамъ, и особую подготовку, необходимую для ихъ пониманія. Я не отрицаю значенія и необходимости критики эстетической и ученой, но указываю лишь на то, что въ сравненіи съ критикой публицистической, порожденной нашимъ демократическимъ вѣкомъ и развитіемъ умственныхъ интересовъ среди обыкновенныхъ читателей, эстетическая и ученая критика всегда будутъ имѣть нѣсколько аристократическій и болѣе или менѣе академическій характеръ. Особыя условія русской жизни сдѣлали изъ литературной критики одинъ изъ наиболѣе могучихъ способовъ проведенія въ жизнь культурныхъ и общественныхъ идей,—и въ этомъ смыслѣ наша критика особенно близко стояла къ жизни, тогда какъ интересы критики эстетической и ученой уже болѣе оторваны отъ жизни, будучи связаны больше съ литературою въ ея противоположеніи дѣйствительности и съ интересами чисто ученаго изслѣдованія литературы. Никто не станетъ отрицать образовательнаго значенія литературы, какъ одного изъ наиболѣе общеинтересныхъ и общедоступныхъ отраженій жизни, подъ условіемъ, конечно, чтобы жизнь отражалась въ ней съ своими идеями и получала идейное освѣщеніе (не въ смыслѣ непремѣнно тенденціозности, которой, напр., и слѣда нѣтъ у Шекспира, этого въ высшей степени идейнаго воспроизводителя жизни въ литературѣ). Въ той же мѣрѣ орудіемъ образованія—и не спеціально литературнаго только, служащаго очищенію вкуса—можетъ быть и критика, разъ она близко стоитъ къ вопросамъ жизни. Публицистика уже прямо порождается этими самыми вопросами жизни, но поскольку послѣдніе имѣютъ далеко неодинаковое значеніе, и публицистика публицистикѣ бываетъ рознь. Съ одной стороны, она можетъ имѣть чисто дѣловой, спеціальный, техническій характеръ, и тогда она относится не къ литературѣ, а къ обширной области письменности дѣловой, но съ другой стороны, она можетъ—инымъ только образомъ и въ иной формѣ—трактовать тѣ же самые жизненные вопросы, коими занимается поэзія, беллетристика, критика, или вопросы равносильнаго значе-

нія, вопросы не спеціальные, дѣловые, техническіе, а общіе, идейные, принципіальные. Если только вѣрно наше опредѣленіе цѣли образованія, какъ выработки міросозерцанія, то важность общей литературы, какъ общеобразовательнаго средства, и заключается въ томъ, что она является наиболѣе близкой къ жизни, наиболѣе интересной по содержанію и наиболѣе доступною по формѣ выразительницей міросозерцаній народовъ и эпохъ.

Въ этомъ смыслѣ нельзя не порицать ту, къ счастью, весьма незначительную часть молодежи, которая пренебрегаетъ литературнымъ чтеніемъ. Это встрѣчается особенно часто среди тѣхъ молодыхъ людей, которые дѣлаютъ своимъ идоломъ науку, понимаемую въ такихъ случаяхъ въ смыслѣ узкихъ занятій спеціальными предметами: кто интересуется наукою съ болѣе широкимъ пониманіемъ ея задачъ, кто стремится къ общему образованію и не думаетъ, что занятіе какой бы то ни было спеціальностью освобождаетъ человѣка отъ необходимости и обязанности имѣть общее образованіе, тотъ литературою пренебрегать не станетъ. Къ счастью, интересъ къ литературѣ весьма развитъ въ молодежи. Молодежь даже составляетъ весьма значительный контингентъ читающей публики. И это не требуетъ объясненій.

Нужно, однако, чтобы литературное чтеніе было правильно поставлено. Есть прежде всего всемірная литература, какъ достояніе всего человѣчества, т.-е. лучшія произведенія всѣхъ странъ и народовъ; есть,

далѣе, литература національная, какъ совокупность всего того, что написано на извѣстномъ языкѣ; есть, наконецъ, и въ чужихъ литературахъ, и въ родной произведенія періодовъ минувшихъ и текущая литература, отражающая на себѣ лишь данный моментъ времени. Весьма понятенъ тотъ интересъ, который возбуждаетъ къ себѣ текущая литература: лишь въ немногихъ случаяхъ пришлось бы совѣтовать учащейся молодежи слѣдить за текущею литературой. Это дѣлается само собою; во многихъ случаяхъ, наоборотъ, слѣдовало бы ограничивать интересъ къ современнымъ произведеніямъ лишь вслѣдствіе ихъ современности и доказывать, что одного знакомства съ текущей литературой еще недостаточно. Слѣдить за нею важно лишь постольку, поскольку она уясняетъ намъ современность, ея явленія, существующія въ ней идеи, и даетъ руководящіе принципы для сужденія обо всемъ этомъ. Но сколько въ то же время пишется безъидейныхъ, безсодержательныхъ, прямо пошлыхъ книгъ и статей, которыя, благодаря своей, напр., пикантности или прямо пошлости, пользуются популярностью и успѣхомъ въ пошломъ обществѣ и заставляютъ говорить о себѣ въ печати, удовлетворяющей низменные инстинкты quasi-образованной толпы. Мнѣ всегда бываетъ больно видѣть произведеніе такой литературы въ рукахъ юноши: мнѣ жаль того времени, которое онъ тратитъ на чтеніе пошлой книги, когда остается непрочитанными еще столько хорошихъ книгъ; мнѣ страшно за самого читателя съ его не-

установившимися взглядами на жизнь и интересами, на котораго дѣйствуетъ эта пошлость, вливая въ него свой растлѣвающій ядъ. Это — одно, а другое вотъ въ чемъ. Время на время не походитъ. Счастливъ тотъ, кому приходится жить въ эпохи сильнаго біенія общественнаго пульса, когда современность есть жизнь и движеніе впередъ, а не прозябаніе и застой, и когда текущая литература отражаетъ на себѣ эту жизнь, это движеніе. Мы увидимъ, что ограничивать свой интересъ текущею литературою даже въ такія эпохи съ ихъ неизбѣжными увлеченіями и односторонностями ни въ коемъ случаѣ нельзя одобрять, но еще болѣе заслуживаетъ порицанія самоограниченіе предѣлами текущей литературы въ періоды вялости общественной жизни и соотвѣтственнаго паденія общественной мысли, когда, замѣчу кстати, пошлость именно и овладѣваетъ и широкими кругами общества, и литературой. Зачѣмъ питаться гнилью лишь потому, что ее вамъ подставили подъ носъ, когда стоитъ только протянуть руку, и въ вашемъ распоряженіи будутъ вкусныя и здоровыя яства въ изобиліи? Но знакомство съ текущею литературою тѣмъ не менѣе всегда необходимо и неизбѣжно: совсѣмъ отъ нея уйти, даже если бы она представляла собою лишь одну сплошную пошлость, невозможно, какъ невозможно уйти изъ своей среды, въ которую вы поставлены основными условіями своего существованія.

Я выше говорилъ о томъ, что человѣка формируетъ окружающая его среда. Текущая литература

составляетъ весьма существенную сторону этой среды, даже концентрирующую въ себѣ ея внутреннее содержаніе. Какъ бы даже ни была эта среда благопріятна для умственнаго и нравственнаго развитія, она всегда страдаетъ большею или меньшею ограниченностью, заключаетъ въ себѣ тѣ или другіе недостатки. Замкнуть себя добровольно въ предѣлы современной общественной и литературной среды значитъ обречь себя въ сущности на то, чтобы быть продуктомъ этой среды [1]). Въ мірѣ нѣтъ абсолютнаго совершенства, и самыя свѣтлыя эпохи въ исторіи не чужды ошибокъ и заблужденій, въ коихъ впослѣдствіи сознаются безпристрастные современники и которые вскрываются, уясняются и выставляются на видъ правдивою исторіей. Человѣкъ, стремящійся быть вполнѣ самостоятельною личностью по отношенію ко всему и между прочимъ къ своей средѣ, долженъ не только разобраться во всѣхъ ея теченіяхъ, дабы не подчиниться совершенно случайно, безсознательно и непроизвольно одному изъ такихъ теченій, но и выйти мысленно изъ этой среды, взглянуть на нее со стороны, войти въ болѣе широкую и менѣе ограниченную условіями даннаго мѣста и времени среду, что только и можетъ помочь ему—по сравненію—понять недостатки, увлеченія и односторонности, заблужденія и ошибки своего времени. Для многихъ современность — законъ, но современность не есть ни послѣднее, ни

[1]) Ср. выше, гл. IV.

лучшее слово исторіи, не божество какое-то, коему слѣдуетъ повиноваться или покланяться. Ссылки на „наше время“ для оправданія,—„въ наше-де время нельзя уже“, „въ наше-де время позволяется“, „наше-де время требуетъ“,—ссылки неразумныя: мало ли, что наше время позволяетъ и чего требуетъ, но не все, что имъ дозволяется и вынуждается, хорошо, нравственно и справедливо. Однимъ изъ лучшихъ средствъ для того, чтобы возвыситься надъ современностью, нужно признать толковое ознакомленіе съ исторіей. О громадномъ образовательномъ и воспитательномъ значеніи исторіи я буду говорить еще особо, а тутъ у насъ рѣчь должна идти о литературѣ. Мы остановились именно на текущей литературѣ, какъ на отраженіи современной среды, насъ окружающей, и на одномъ изъ элементовъ этой самой среды. Но вѣдь, кромѣ текущей литературы есть еще литература прежнихъ историческихъ періодовъ и въ жизни родной національности, и въ жизни другихъ народовъ, составляющихъ человѣчество.

Дописавъ этотъ абзацъ, я посмотрѣлъ, что ставится цѣлью изученія литературы въ программахъ систематическаго чтенія московской коммиссіи [1]), и вотъ что прочиталъ сейчасъ тамъ: „изученіе всеобщей литературы въ домашнемъ чтеніи должно быть сосредоточено на тѣхъ явленіяхъ художественнаго творчества, которыя съ особенною яркостью и полнотой характеризуютъ нравственныя и общественныя теченія историческихъ эпохъ“. Это, конечно, сказано хорошо, но здѣсь говорится объ *изученіи исторіи* литературы, тогда какъ у насъ рѣчь ведется о *непосредственномъ чтеніи самихъ литературныхъ произведеній*. Я соглашаюсь, однако, съ тою мыслью автора программы, что въ такомъ изученіи „бо́льшая часть времени должна быть отдана ближайшему знакомству съ произведеніями авторовъ, руководившихъ общественною мыслью въ данное время“, и только думаю, что прежде всего это нужно не для того, чтобы имѣть матеріалъ для живой характеристики историческихъ эпохъ,—задача, конечно, важная не только въ ученомъ, но и общеобразовательномъ смыслѣ,—а нужно для того же, для чего человѣкъ читаетъ произведенія и текущей литературы, т.-е. ради содержащихся въ ней образовъ и идей. Съ точки зрѣнія характеристики нравственныхъ и общественныхъ теченій историческихъ эпохъ можетъ быть и интересно, и важно то, что въ смыслѣ просто общечеловѣческаго интереса и общеобразовательныхъ цѣлей окажется не имѣющимъ особенно большого значенія. То, что сказано въ программѣ, относится уже къ образованію историческому, въ коемъ явленіямъ литературы должно быть отведено лишь извѣстное мѣсто, а не къ образованію чисто литературному и притомъ въ цѣляхъ выработки міросозерцанія и убѣжденій. Тутъ, конечно, произведеніямъ литературы приходится произвести извѣстный смотръ—для выбора, какія изъ нихъ могутъ считаться наиболѣе уясняю-

[1]) Ср. выше, стр. 19.

щими мысль, расширяющими взглядъ, могущими содѣйствовать умственному, нравственному и общественному развитію читателя. Одно дѣло—историко-литературное изученіе (коему и я приписываю величайшее значеніе, разъ дѣло идетъ о пониманіи прошлаго), другое дѣло—непосредственное наслажденіе и поученіе самимъ литературнымъ произведеніемъ. Разъ дѣло заключается главнымъ образомъ въ этомъ, а не въ томъ, чтобы получить ясное и полное представленіе объ эпохѣ, нѣтъ необходимости слѣдовать какой-либо хронологической системѣ при чтеніи знаменитыхъ произведеній литературы, знакомство съ коими болѣе или менѣе обязательно для каждаго образованнаго человѣка, а нужно читать, когда есть соотвѣтствующее настроеніе; нѣтъ также необходимости брать произведеніе въ связи съ разсмотрѣніемъ литературныхъ взглядовъ, господсподствовавшихъ въ эпоху его появленія, или разсматривать въ подробности среду или обстоятельства, его породившія. Можно даже сказать, что чѣмъ болѣе произведеніе нуждается въ литературномъ и историческомъ комментаріи, тѣмъ менѣе оно пригодно для простого чтенія, т.-е. такого, какъ чтеніе современныхъ намъ романовъ. Иначе читаетъ, напр., Шекспира спеціалистъ или человѣкъ, изучающій исторію литературы, и совсѣмъ иначе тотъ, кто хочетъ просто прочесть Шекспира, считаетъ это занятіе полезнымъ и пріятнымъ. Съ этой точки зрѣнія, конечно, всякій отдастъ предпочтеніе писателямъ болѣе новымъ, намъ болѣе понятнымъ, болѣе

намъ близкимъ или такимъ, которые и въ средніе вѣка, и въ древности разрабатывали вѣчныя темы человѣческаго существованія,—передъ такими авторами, на произведеніяхъ коихъ черезчуръ сказались обстоятельства мѣста и времени, придающія этимъ произведеніямъ въ глазахъ потомства только чисто историческій интересъ. Именно произведенія съ содержаніемъ, остающимся вѣчно новымъ, всегда общеинтереснымъ и общедоступнымъ, и привлекаютъ къ себѣ наибольшее вниманіе читателей, не стремящихся черезъ нихъ проникнуть въ особенности той или иной эпохи, хотя особенности эти сами собой отражаются и на такихъ произведеніяхъ и невольно запечатлѣваются въ умѣ читателей. Тотъ интересъ къ чужому духовному міру, который представляетъ изъ себя одну изъ важныхъ сторонъ развитія въ человѣкѣ личности [1]), и только-что указанная необходимость перенести себя изъ той тѣсной среды, въ какую ставитъ насъ окружающая насъ современность и текущая литература, и должны заставлять читателя обращаться къ литературѣ иныхъ вѣковъ и иныхъ народовъ. Широкое знакомство съ литературою чужихъ національностей, кромѣ того, есть одно изъ прекрасныхъ средствъ для воспитанія въ себѣ—не на словахъ только—интереса, симпатіи и уваженія къ общечеловѣческому, гдѣ бы оно ни проявлялось. Лучше не читать многихъ произведеній отечественной сло-

[1]) См. выше, стр. 114 и слѣд.

весности, особливо старыхъ и имѣющихъ только историческій интересъ, чѣмъ не дать себѣ возможности познакомиться съ нѣкоторыми произведеніями литературы, получившими всемірное значеніе и не съ исторической только точки зрѣнія.

Изящная словесность составляетъ центръ литературы каждаго народа, каждой эпохи. Чѣмъ ближе къ ней и къ тѣмъ сторонамъ жизни, которыя могутъ сдѣлаться предметомъ литературнаго воспроизведенія, стоятъ критика и публицистика, тѣмъ важнѣе ихъ общеобразовательное значеніе, а чѣмъ болѣе принимаютъ онѣ ученый и дѣловой характеръ, тѣмъ болѣе сближаются съ спеціальными и техническими, теоретическими и практическими дисциплинами. Но то же можно сказать и о наукѣ, какъ общеобразовательномъ также средствѣ. Съ точки зрѣнія самообразованія въ наукѣ, конечно, важно только общеинтересное, а въ области наукъ гуманитарныхъ и соціальныхъ—особенно такія стороны жизни, коихъ могутъ касаться, кромѣ изящной литературы, и критика съ публицистикой, оставаясь на идейной высотѣ. Если въ системѣ общаго образованія средствами, ведущими къ его цѣли, являются литература и наука, то должно, конечно, существовать нѣчто, что ихъ сближало бы, что позволяло бы группировать около одного центра и философію, и естествознаніе, и психологію, и соціальныя науки, и этику, и исторію, и публицистику, и критику, и изящную литературу. Конечно, мудрено найти непосредственную связь между поэзіей и такимъ предметомъ науки, какъ, положимъ, торговое право, но вѣдь никто торговое право и не назоветъ общеобразовательной дисциплиной. Я думаю, что сдѣлать отдѣльныя науки орудіями общаго образованія и, слѣдовательно, самообразованія и поставить ихъ въ тѣснѣйшую связь съ литературою можетъ только та же близость къ жизни, та же общеинтересность и та же общедоступность содержанія, а этимъ качествомъ могутъ отличаться далеко не всѣ отдѣлы и вопросы тѣхъ наукъ, которыя вообще способны быть орудіями самообразованія. Въ поэзіи господствуетъ, если такъ можно выразиться, методъ чувства, въ наукѣ—методъ мысли, и между ними философія занимаетъ среднее положеніе: чѣмъ болѣе проникнуто литературное произведеніе философскимъ смысломъ и чѣмъ болѣе философскихъ элементовъ заключаетъ въ себѣ научный трактатъ, тѣмъ ближе подходятъ одна къ другой поэзія и наука, тѣмъ менѣе онѣ являются удаленными отъ своего общаго источника въ цѣльности человѣческаго духа, какъ удалены, напр., другъ отъ друга красивое лирическое произведеніе, лишенное идейнаго содержанія, и какая-нибудь математическая формула, ничего не говорящая нашему чувству. И въ частности у изящной литературы весьма много общихъ задачъ съ философіей, психологіей, этикой, съ исторіей, а въ послѣднее время и съ обществовѣдѣніемъ (не забудемъ существованія соціальнаго романа); съ публицистикой же,—которой вообще слѣдуетъ проникаться научнымъ духомъ,—стоятъ въ тѣсной связи

исторія, государствовѣдѣніе, юриспруденція и политическая экономія. Наконецъ, элементъ творчества въ философіи и наукѣ и въ этомъ отношеніи роднитъ ихъ съ поэзіей. Представимъ себѣ нѣкоторый общій центръ, степенью близости къ которому будетъ опредѣляться важность, необходимость, интересность, доступность чтенія: разъ такой центръ найденъ, уже не представляетъ большого труда рѣшить вопросъ о литературныхъ и научныхъ элементахъ общаго образованія.

Среди учащейся молодежи приходится нерѣдко встрѣчаться съ явленіемъ, которое нельзя иначе назвать, какъ въ высшей степени печальнымъ. Еще туда-сюда, еслибы дѣло шло о молодыхъ людяхъ, относящихся къ наукѣ болѣе или менѣе ремесленнымъ образомъ, хотя бы даже и съ влеченіемъ къ спеціализаціи; но очень часто юноши, обладающіе духовными стремленіями или, по крайней мѣрѣ, о такихъ стремленіяхъ говорящіе, несомнѣнно ищущіе правды и мучительно работающіе надъ своимъ міросозерцаніемъ,—если только иногда это не есть простая видимость, объясняющаяся вліяніемъ среды,—относятся къ наукѣ, этой великой силѣ и въ жизни отдѣльнаго лица, и въ жизни цѣлаго общества, всего человѣчества, не съ тѣми чувствами, которыя долженъ былъ бы питать къ ней всякій, кого только она коснулась уже и передъ кѣмъ открыла свои широкіе горизонты и освѣтила ихъ яснымъ свѣтомъ. Не будемъ закрывать глаза на это патологическое явленіе: какъ часто къ наукѣ относятся съ разочарованіемъ, съ негодованіемъ, даже съ презрѣніемъ и враждою! Какъ явленія патологическія, конечно, это случаи исключительные, но и въ качествѣ таковыхъ они заслуживаютъ вниманія. Во-первыхъ, о разочарованіи приходится слышать особенно часто. Объ этомъ у меня имѣются и кое-какія письма. Изслѣдовавъ этотъ вопросъ, я пришелъ къ тому выводу, что молодежь требуетъ отъ науки того, чего она иногда не можетъ дать или по существу дѣла, или по современной организаціи преподаванія. Къ наукѣ молодежь иногда склонна относиться съ такими требованіями, какія можно предъявить только къ какому-либо катехизису непреложныхъ истинъ вѣры, т.-е. съ требованіями чисто догматическаго характера. Я часто наблюдалъ и уже отмѣтилъ это, что молодежь ищетъ вѣры [1]) — и въ смыслѣ желанія знать, во что слѣдуетъ вѣрить, и въ смыслѣ принятія на вѣру готовыхъ положеній. Но наука не можетъ вполнѣ удовлетворить первой потребности, такъ какъ многаго еще не знаетъ, во многомъ колеблется, многаго только ищетъ, а второй потребности и не должна удовлетворять, потому что путь науки не есть путь вѣры, а есть путь знанія. Не слѣдуетъ преувеличивать своихъ ожиданій отъ науки или, лучше сказать, предъявивъ наукѣ свои требованія, не слѣдуетъ давать такой власти надъ собой разочарованію: оно неизбѣжно, какъ неизбѣжна и масса другихъ разочарованій въ жизни, но кто вѣ-

[1]) См. выше, стр. 49 и слѣд.

ритъ въ жизнь, того не отвратятъ отъ нея никакія разочарованія. Съ другой стороны, многое въ организаціи нашего образованія способствуетъ такому разочарованію. Молодежь ищетъ знанія идейнаго, а ей часто этого знанія не отпускаютъ въ достаточной мѣрѣ, слишкомъ рано и слишкомъ въ большомъ количествѣ заставляя ее входить въ чисто спеціальные интересы той или другой науки. Я вообще въ этихъ письмахъ не ставлю вопроса о томъ, какъ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, организовать преподаваніе, такъ какъ говорю исключительно о самообразованіи, но мнѣ кажется, что и преподаваніе, которое, конечно, должно быть и спеціальнымъ, могло бы болѣе внушать довѣрія къ наукѣ, какъ средству самообразованія. Наиболѣе общія идеи той или другой спеціальности излагаются съ каѳедры иногда лишь въ вступительномъ отдѣлѣ, который притомъ сокращается, чтобы осталось больше времени для чисто спеціальнаго изложенія. Между тѣмъ такія введенія, заключающія въ себѣ нерѣдко философію той или другой науки, могли бы быть предметами особыхъ курсовъ: разъ эти введенія считается возможнымъ предпосылать спеціальному изложенію, значитъ, предполагается, что они могутъ быть поняты начинающими. Тѣмъ болѣе нельзя бояться развитія фельетонизма и верхоглядства (о которомъ мнѣ приходилось слышать, какъ о возможномъ вредѣ отъ такихъ курсовъ), что въ цѣломъ курсѣ можно подробнѣе развить и прочнѣе обосновать многія идеи, которыя въ вступительныхъ частяхъ спеціальныхъ

курсовъ поневолѣ приходится излагать коротко и слишкомъ догматически. Есть въ нашемъ университетскомъ преподаваніи даже особые предметы именно такого общаго значенія, но и они пріурочиваются къ потребностямъ спеціально-факультетскаго образованія. Такова, наприм., энциклопедія права, которая разсматривается, какъ юридическая пропедевтика, хотя общая теорія права могла бы сдѣлаться предметомъ общеобразовательнымъ, если бы при построеніи и изложеніи курса имѣлись въ виду не одни будущіе студенты юридическаго факультета. Пусть знанія, могущія быть вынесенными изъ такихъ общихъ курсовъ, будутъ не особенно глубокими и основательными, но разъ потребность есть, она должна быть удовлетворена, и во всякомъ случаѣ важно, чтобы такія знанія, а главное идеи были предложены людьми науки и въ системѣ, а не подбирались учащеюся молодежью на-лету, изъ случайныхъ и не всегда достаточно компетентныхъ источниковъ. Я даже думаю, что въ первые годы университетскаго образованія должно быть отведено какъ можно болѣе мѣста именно курсамъ съ наиболѣе широкимъ, общимъ, идейнымъ и жизненнымъ содержаніемъ, дабы ожиданія, какія возлагаетъ молодежь на науку, оправдывались и, по крайней мѣрѣ, намѣчались съ каѳедры правильные пути для самообразованія. Между прочимъ, наука не должна оставаться молчаливою въ тѣхъ теоретическихъ вопросахъ, о которыхъ идутъ разговоры въ обществѣ, въ товарищескихъ кружкахъ, въ періодической печати, въ

литературѣ. Она должна быть отзывчивой, хотя бы ей приходилось по многимъ вопросамъ имѣть иное мнѣніе сравнительно съ тѣми воззрѣніями, которыя въ данную минуту могутъ считаться ходячими: спокойная, безпристрастная, неодносторонняя, т.-е. настоящая научная критика,—я это знаю по опыту,—привлекаетъ къ себѣ такое же вниманіе, какъ и разсужденія въ тонъ тому или иному, въ данную минуту популярному мнѣнію. Вообще снискать довѣріе къ наукѣ могутъ и должны сами ея представители—искренностью и безпристрастіемъ. Но иногда причина недовѣрія лежитъ не въ нихъ. Къ наукѣ нерѣдко предъявляютъ требованія, удовлетворить коихъ она не можетъ, да вдобавокъ въ самóй наукѣ указываютъ на такіе предметы, которые наиболѣе далеки отъ этихъ требованій: я хочу, чтобы наука меня научила жить, а наука считаетъ, сколько звѣздъ на небѣ и сколько ножекъ у сороконожки! Подобный пріемъ разсужденія мы встрѣчали и въ литературѣ. Такъ говорилъ еще Руссо, а въ наши дни то же повторялъ на разные лады одинъ русскій великій писатель съ всемірною извѣстностью. Немудрено, что среди молодежи попадаются единицы, разсуждающія въ подобномъ же родѣ. Противъ такихъ аргументовъ и возражать не стоитъ, хотя иногда они соединяются съ обобщеніями дѣйствительныхъ фактовъ, какъ будто бы и дающихъ имъ силу. О цѣломъ судятъ по части, о наукѣ вообще—по нѣкоторымъ существующимъ въ ней ученіямъ или отдѣльнымъ заявленіямъ отдѣльныхъ ученыхъ и т. п. Когда въ дѣло вступаютъ

еще полемическіе пріемы,—а мало ли травили у насъ науку, образованіе, интеллигенцію и т. п. и притомъ съ довольно различныхъ сторонъ,—то тутъ на науку вообще, на науку, какъ таковую, на самый принципъ науки сыплется цѣлый рядъ обвинительныхъ кличекъ за грѣхи, въ коихъ повинны отдѣльныя ученія отдѣльныхъ представителей науки, которые иногда, можетъ быть, и руководились-то не самою наукою, по самой сущности своей искреннею и правдивою, а соображеніями, настоящей наукѣ совершенно посторонними,—и вотъ наука дѣлается и „оффиціальною“ и „бюрократическою“, и „буржуазною“ и т. д., смотря по тому, что ставится въ упрекъ наукѣ отчасти по недоразумѣнію, отчасти на основаніи поспѣшнаго обобщенія частныхъ случаевъ, отчасти въ пылу полемики, отчасти, наконецъ, просто по наслышкѣ и по подражанію. За послѣднія десятилѣтія немало произносилось хулы на науку, и шла ли эта хула изъ крайней правой или изъ крайней лѣвой, во всѣхъ случаяхъ, когда сама наука объявлялась дѣломъ пустымъ и вреднымъ, такая проповѣдь имѣла реакціонное значеніе. Но когда противъ науки выступаетъ ретроградство, по крайней мѣрѣ, понимаешь, чѣмъ предполагается замѣнить науку по ея упраздненіи, когда же презрѣніе и вражда къ наукѣ проповѣдуется изъ другого лагеря, ставишь вопросъ: а чѣмъ же ее-то замѣнить? Лишь туманныя по своей неопредѣленности, неясныя по своей цѣли стремленія могутъ возставать противъ науки и, вмѣсто нея, рекомендовать какой-то мистицизмъ, хотя бы и не

религіознаго характера, какимъ всегда отличался сектантскій мистицизмъ съ его враждою къ свѣтскому образованію. И тутъ, я думаю, нерѣдко дѣйствуетъ исканіе вѣры,—исканіе, прямо принимающее болѣзненныя формы, пренебреженіе ко всему ясному и опредѣленному, способность удовлетворяться всѣмъ туманнымъ, расплывчатымъ, лишь бы оно говорило тому или другому чувству. Впрочемъ, это—вопросъ сложный, рѣшеніе коего можетъ быть дано лишь анализомъ культурно-соціальной среды, способной порождать такія мнѣнія, и того психологическаго состоянія, которое позволяетъ ихъ принимать. Наука, однако, должна всячески противодѣйствовать подобному направленію мысли, такъ какъ оно является очень соблазнительнымъ для всякаго, кто временно разочаровался или усумнился въ наукѣ. Но, спрашивается, кто не сомнѣвался и не разочаровывался на своемъ жизненномъ пути? Настоящая вѣра въ истину, въ знаніе, въ науку, въ образованіе и познается тогда, когда прошла черезъ испытаніе разочарованій и сомнѣній, но для каждаго, кто приходитъ въ уныніе или колеблется, въ высшей степени важно, чтобы его въ такую минуту поддержали и ободрили, и весьма опасно, когда, наоборотъ, противъ науки начинаютъ гремѣть филиппики. Всего, конечно, одна наука въ жизни сдѣлать не можетъ, что̀ должно быть сдѣлано, но и безъ нея не можетъ быть ничего важнаго сдѣлано. Часто разочарованіе наступаетъ потому, что дѣйствію науки на жизнь предъявляются чрезмѣрныя требованія,—она

должна *все* сдѣлать и сдѣлать *немедленно*,—и, видя, что наука этихъ ожиданій не оправдываетъ, разочаровываются въ наукѣ. Иные разочаровываются въ ней и потому, что она не даетъ отвѣтовъ—да и прямо отказывается дать—на тѣ вопросы, рѣшеніе коихъ по существу дѣла знанію не можетъ подлежать, т. е. можетъ быть только предметомъ вѣры. Вообще по многимъ причинамъ—и по самому своему существу, и по организаціи высшаго образованія, и вслѣдствіе требованій, къ нему предъявляемыхъ, и по особымъ условіямъ культурно-соціальной среды и пр. и пр.—наука или вѣрнѣе—довѣріе къ наукѣ подвергается у насъ довольно тяжкимъ испытаніямъ, что въ значительной мѣрѣ вредитъ самообразованію.

Ко всему этому прибавляется то обстоятельство, что понятію науки даютъ нерѣдко узкое и весьма ограниченное опредѣленіе, и эта условная мѣрка примѣняется затѣмъ къ отдѣльнымъ предметамъ, многіе изъ которыхъ оказываются забракованными, вслѣдствіе чего объявляются совершенно ненужными въ дѣлѣ самообразованія. Разсужденіе ведется такъ: образованіе должно быть научнымъ, наука есть то-то и то-то, такой-то предметъ не есть то-то и то-то, значитъ, онъ не наука, а потому онъ совершенно не можетъ имѣть образовательнаго значенія. Наука есть знаніе законовъ явленій, позволяющее предсказывать послѣднія. Приложите это ходячее опредѣленіе науки къ разнымъ предметамъ знанія: сколько бы такихъ предметовъ пришлось бросить за бортъ! Наука основывается

исключительно на непосредственномъ опытѣ: физика—наука, химія—наука, анатомія—наука, физіологія—наука, только имъ и нужно учиться, ибо здѣсь сама настоящая жизнь, а не то яко-бы подобіе жизни, которое думаютъ изучать „книжники“ въ своихъ книгахъ. И вотъ, положимъ, если такія рѣчи слышитъ молодой человѣкъ, не имѣющій понятія ни о жизни, ни о книгахъ, и если слышитъ это или отъ многихъ, или отъ лица, которому имѣетъ основаніе довѣрять, въ его умѣ создается догматъ: онъ вѣритъ, что нужно заниматься только опытными науками, хотя и не понимаетъ, какимъ образомъ онѣ дадутъ ему то, что, повидимому, должны были бы дать результаты мысли „книжниковъ“. Конечно, вѣра эта пройдетъ, замѣнится новою, можетъ быть, вѣрою, но время, дорогое время, которое нужно ловить, будетъ упущено, и въ результатѣ отъ одностороннихъ занятій получится только то, что и можетъ отъ нихъ получиться. Или вотъ другая формула: наука должна существовать для общественной жизни, въ которой въ данную минуту, да и вообще главный вопросъ—экономическій, а потому самая важная наука—политическая экономія, всѣ же другія науки „сочинены“ въ то время, когда этого не знали, и только запутываютъ дѣло. Понятно, что такія формулы находятъ вѣрующихъ (говорю—вѣрующихъ, повторяю и настаиваю на томъ, что это вѣрующіе) среди очень юныхъ людей, только-что начинающихъ думать, но не выработавшихъ въ себѣ критической способности. Мысль, повидимому, доказывается, но весь вопросъ въ томъ,

правильно ли доказательство, и нѣтъ ли опроверженій, которыя человѣку неизвѣстны? Иногда такая вѣра получаетъ прямо фанатическій характеръ, и тогда, конечно, разубѣдить трудно. Лѣзешь точно на высокую-высокую и крутую-крутую гору, постоянно скатываясь внизъ и снова карабкаясь: вотъ-вотъ, кажется, у самой вершины,—значитъ, убѣдилъ,—но въ моментъ наибольшаго торжества слышишь упрямый отвѣтъ: „а все-таки“... — и снова скатываешься въ самый низъ, побѣжденный не логическими доводами, а чисто стихійною силою, которая заставляетъ скатываться съ слишкомъ крутой горы. И въ этомъ: „а все-таки“ слышится не галилеевское: „e pur si muove“, а другое изреченіе и изъ другихъ временъ: „credo, quia absurdum“. Наука, однако, и есть на то наука, чтобы учить прежде всего не вѣрить абсурдамъ, чтобы учить относиться съ сомнѣніемъ и недовѣріемъ ко всякой исключительности, односторонности, ко всякому абсолютизму, догматизму, деспотизму мысли. Не противъ тѣхъ или другихъ частныхъ мнѣній я вооружаюсь здѣсь, а противъ самаго принципа—порабощенія живой человѣческой личности узкой формулѣ, будетъ ли то формула религіозная, политическая или научная. Наука—явленіе сложное и многостороннее: это—тѣло, которое нельзя распластать въ одну плоскость, какъ нельзя отдѣльныя ея стороны вытянуть въ линіи, а линіи, разграничивающія между собою эти стороны, сжать въ математическія точки. Что же сказать о тѣхъ, которые все это тѣло стремятся

помѣстить въ одной точкѣ? Настоящія письма прочтутъ, быть можетъ, юноши, которые еще мало думали о томъ, что̀ такое наука, и не слышали еще отвѣтовъ на этотъ вопросъ въ родѣ приведенныхъ мною: я одного хотѣлъ бы—не навязывая никакого условнаго отвѣта, предостеречь ихъ отъ узкихъ и односторонніхъ формулъ и указать на то, что наука такъ же широка, какъ жизнь, которую она изучаетъ, какъ человѣческій духъ, который ее создаетъ. И если съ этой точки зрѣнія въ моемъ пониманіи науки или въ томъ, по крайней мѣрѣ, которое я счелъ нужнымъ изложить въ этихъ письмахъ, кто-либо изъ читателей, для коихъ я ихъ пишу, найдетъ узкость и односторонность, я буду только радоваться: значитъ, и мой, быть можетъ, урокъ о необходимости широко смотрѣть на предметъ не пропалъ тутъ даромъ. Будемъ разумѣть подъ наукою болѣе или менѣе точное и достовѣрное знаніе законовъ или явленій міра, добытое путемъ опыта, наблюденія или изслѣдованія и имѣющею цѣлью удовлетворить пытливость человѣческаго ума и служить практическимъ цѣлямъ человѣческой жизни. Это — наиболѣе широкое пониманіе науки, а потомъ уже могутъ начаться подробности, раздѣленіе наукъ на точныя и неточныя, на науки о законахъ и на науки о явленіяхъ, на науки опытныя и опирающіяся на одни наблюденія или свидѣтельства, на науки чистыя и прикладныя, на науки о природѣ и науки о человѣкѣ.

Одною изъ задачъ научнаго образованія нужно

считать пріобрѣтеніе научныхъ пріемовъ мышленія въ примѣненіи не только къ вопросамъ знанія, но и къ вопросамъ жизни. Путь науки есть путь опыта, наблюденія, изслѣдованія, критики, осторожности въ выводахъ, провѣрки добытыхъ результатовъ, постояннаго движенія впередъ. Каждая наука имѣетъ свои достоинства и свои недостатки въ сравненіи съ тѣмъ, что составляетъ идеалъ науки, не говоря уже о различіи ихъ предметовъ, т.-е. лишь отдѣльныхъ сторонъ дѣйствительнаго міра, взятыхъ въ ихъ отвлеченіи отъ другихъ сторонъ. Для усвоенія пріемовъ научнаго мышленія вообще въ высшей степени важно спеціальное занятіе одною какою-нибудь наукою, но ограничиваясь только одной наукой, можно пріобрѣсти одностороннія привычки мысли, которыя, будучи перенесены въ другія сферы знанія, могутъ дать совершенно невѣрные результаты. Работая спеціально надъ химіей или анатоміей, нельзя выработать въ себѣ пріемовъ мысли, необходимыхъ для юриста или политико-экономa. Если есть какая-либо наука, особенно благопріятствующая выработкѣ научныхъ пріемовъ мышленія въ примѣненіи къ жизни человѣка, то это есть именно исторія, о важномъ значеніи коей, какъ образовательнаго предмета, я, впрочемъ, буду говорить особо. Но и здѣсь нужно различать разные моменты исторической работы — работу мысли надъ источниками историческаго знанія, дѣло, доступное лишь спеціалистамъ, которые къ этому готовятся долгимъ трудомъ, и работу мысли надъ самыми предметами историческаго знанія —

характерами отдѣльныхъ лицъ, ихъ дѣйствіями съ мотивами послѣднихъ, событіями и общественными движеніями, культурными и соціальными формами и т. п. Только вникать въ работу послѣдняго рода и представляетъ интересъ съ точки зрѣнія общаго образованія, ибо тутъ человѣкъ является не техникомъ извѣстнаго дѣла, а живою личностью, судящею о томъ, что было, совершенно такъ же, какъ судитъ онъ о томъ, что совершается вокругъ него въ частной и общественной жизни, доступной его наблюденію. И въ другихъ наукахъ есть пріемы мысли, примѣнимые только къ даннымъ областямъ знанія, т.-е. пріемы спеціальные и техническіе и, наоборотъ, пріемы наиболѣе общіе, свойственные всѣмъ наукамъ и правильному мышленію вообще. Говоря о научной сторонѣ самообразованія, я имѣю въ виду не только важность ознакомленія,—хотя бы и поверхностнаго съ точки зрѣнія спеціалистовъ,—съ идеями основныхъ наукъ, но и съ тѣмъ, какъ одинъ и тотъ же научный методъ, научный духъ проникаетъ собою всѣ науки, несмотря на различіе предметовъ и несходство техническихъ пріемовъ, коими должны владѣть представители отдѣльныхъ спеціальностей. Съ точки зрѣнія точности понятій и выводовъ и съ точки зрѣнія строгости метода, конечно, слѣдуетъ отдать первенство естествознанію, которое оказало, несомнѣнно, громадное вліяніе на внесеніе научнаго духа въ науки гуманитарныя и спеціальныя. Однако, желанные результаты въ этомъ отношеніи получались лишь въ тѣхъ обыкновенно случаяхъ,

когда пользовались научными пріемами естествознанія спеціалисты наукъ о человѣкѣ, а не сами натуралисты, въ рукахъ которыхъ ихъ же собственные методы въ примѣненіи къ несроднымъ имъ вопросамъ знанія давали большею частью далеко не такіе результаты. Если цѣлью самообразованія является пониманіе жизни человѣка, какъ существа духовнаго и общественнаго, взятаго въ его національной и государственной жизни, то пониманіе это требуетъ примѣненія къ явленіямъ этой жизни научныхъ методовъ, какъ именно и занимаются такимъ дѣломъ науки гуманитарныя и соціальныя и между ними особенно общая исторія, берущая общественную жизнь во всѣхъ ея главныхъ проявленіяхъ, притомъ конкретно и даже образно.

Итакъ, науки даютъ тому, кто ищетъ общаго образованія, извѣстныя идеи и сообщаютъ извѣстные пріемы мышленія. Кромѣ того, они даютъ еще фактическое знаніе. Обладаніе идеями ставитъ человѣка въ возможность пониманія дѣйствительности, знать же ее можно лишь, владѣя фактическимъ матеріаломъ. Есть науки абстрактныя, теоретическія, науки о законахъ (номологическія), коимъ подчиняются явленія, и есть науки конкретныя, повѣствовательныя и описательныя, науки о самихъ явленіяхъ (феноменологическія). Съ точки зрѣнія выработки міросозерцанія, конечно, наибольшую важность имѣютъ науки перваго разряда, какъ наиболѣе основныя, общія, идейныя, заключающія въ себѣ философію каждаго крупнаго отдѣла знанія, позволяющія по-

нимать всѣ однородныя явленія, гдѣ бы и когда бы они ни происходили, но не разсматривающія опредѣленныхъ явленій, данныхъ намъ въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время. Располагая эти науки въ извѣстной послѣдовательности по степени убывающей общности и возрастающей сложности и по той зависимости, въ какой каждая послѣдующая наука находится отъ каждой предыдущей [1]), мы получимъ такой ихъ рядъ: математика, физика (съ мѣханикой земною и небесной), химія, біологія, психологія и соціологія [2]), т.-е. науки о законахъ пространства и времени, вещества, органической жизни, духа и человѣческаго общества,—науки, совокупность коихъ составляетъ всю философію міра явленій и слѣдовательно все научное міросозерцаніе, необходимо дополняемое міросозерцаніемъ философскимъ, которое могутъ дать теорія познанія съ логикою и этика. Но, кромѣ наукъ номологическихъ, съ которыми по своему основному, общему и идейному характеру находятся въ родствѣ и философскія дисциплины, существуютъ еще науки феноменологическія, имѣющія своимъ предметомъ не общіе законы пространства и времени, вещества и органической жизни, духа и человѣчнаго общества, но тѣ или другія конкретныя явленія физико-химическаго, біологическаго, психологическаго и соціологическаго характера, данныя въ извѣстномъ мѣстѣ

[1]) Ср. выше, стр. 69 и слѣд.

[2]) Съ нею теоріи политики, юриспруденціи и народнаго хозяйства.

и въ извѣстное время и въ своей индивидуальности не повторявшіяся нигдѣ и никогда. Такова описательная астрономія, отличная отъ небесной механики, геологія и минералогія рядомъ съ физикой и химіей, физическая географія, ботаника и зоологія при біологіи, антропологія, этнографія, политическая географія, статистика и исторія, т.-е. все такія науки, въ коихъ фактическій матеріалъ играетъ уже гораздо болѣе важную роль, нежели въ наукахъ перваго рода. Конечно, широкія задачи общаго образованія требуютъ знакомства съ главнымъ и существеннымъ содержаніемъ и этихъ наукъ, но это возможно лишь въ самомъ ограниченномъ объемѣ, и исключеніе приходится сдѣлать только для наукъ, соотвѣтствующихъ соціологіи въ другомъ ряду, т.-е. для политической географіи, статистики, въ особенности же для исторіи, знакомящихъ насъ съ соціальною дѣйствительностью въ ея настоящемъ и прошедшемъ.

Отнюдь не отрицая значенія естествознанія въ дѣлѣ общаго образованія и сожалѣя о томъ, что эта отрасль знаній въ средней школѣ находится въ пренебреженіи, признавая важность номологическихъ естественныхъ наукъ, какъ философіи природы, считая методы этихъ наукъ по ихъ точности образцовыми, находя важнымъ хотя бы элементарное знаніе астрономіи, геологіи, физической географіи, ботаники и зоологіи въ ихъ описательномъ значеніи, я все-таки буду настаивать на томъ, что главная забота самообразованія должна быть направлена на

усвоеніе фактовъ и идей, относящихся къ личной и общественной жизни человѣка, равно какъ усвоеніе пріемовъ научной мысли въ примѣненіи именно къ явленіямъ этой жизни. Пусть это науки менѣе точныя, но развѣ только возможность точности знанія заставляетъ насъ стремиться къ пріобрѣтенію знаній? Науки философскія и науки соціальныя находятся въ наибольшемъ сродствѣ съ жизненными интересами знанія и самообразованія. Наука о законахъ духа, т.-е. психологія съ теоріей познанія, логикой и этикой и наука о законахъ общества съ теоріей политики, общей юриспруденціей и политической экономіей,—вотъ двѣ номологическія науки, особенно важныя въ дѣлѣ выработки міросозерцанія, и рядомъ съ ними изъ наукъ феноменологическихъ — всемірная исторія, наука о дѣйствительныхъ явленіяхъ духовной (культурной) и общественной жизни человѣчества. Мало того: исторія должна быть особенно могучимъ орудіемъ самообразованія, ибо при правильной организаціи занятій этою наукою можно особенно хорошо познакомиться съ внутреннимъ міромъ человѣка въ смѣнѣ его міросозерцаній, выразившейся въ исторіи религіи, философіи, литературы, искусства и науки, и съ перемѣнами внѣшней организаціи общества, составляющихъ исторію государства, права и народнаго хозяйства, не говоря уже о мотивахъ личной дѣятельности въ ихъ соотношеніи съ данными міросозерцаніями и общественными формами. Но, повторяю, объ этомъ я буду говорить особо.

Вотъ что такое наука, какъ образовательное средство, и какъ слѣдуетъ къ ней относиться. Конечно, отъ меня могли бы теперь потребовать указаній на то, въ какомъ объемѣ считалъ бы я нужнымъ ознакомленіе съ отдѣльными предметами и по какимъ руководствамъ и пособіямъ. И я хотѣлъ бы самъ представить то и другое, но это вопросъ практическій, а не принципіальный; мнѣ же желательно было разсмотрѣть самообразованіе лишь съ принципіальной стороны, оставивъ его практическую сторону до другого раза, причемъ, конечно, удобнѣе это сдѣлать будетъ не одному, а въ компаніи спеціалистовъ, которые считали бы возможнымъ стать на изложенную здѣсь точку зрѣнія. Практически вопросъ сводится къ тому, чтобы составить нѣкоторую общую программу съ возможностью измѣнять ее самыми разнообразными способами [1]) и чтобы намѣтить списокъ книгъ, принимая въ расчетъ, что программа должна быть выполнена и книги должны быть прочитаны ко времени окончанія курса въ высшемъ учебномъ заведеніи, причемъ все это разсматривалось бы, лишь какъ фундаментъ для дальнѣйшаго пополненія и расширенія знаній, коему не должны мѣшать занятія спеціальными науками или какимъ-либо практическимъ дѣломъ. Было бы желательно, дѣйствительно, чтобы тотъ интересъ къ наукѣ, который заставляетъ молодежь искать не только общаго образованія, но и привязываться съ

[1]) Ср. выше, стр. 18—19.

особымъ интересомъ къ отдѣльнымъ предметамъ знанія, не пропадалъ по выходѣ изъ школы, по вступленіи въ другую среду. Вѣдь въ сущности при теперешнемъ распространеніи высшаго образованія молодой человѣкъ, кончившій курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, попадаетъ въ среду лицъ, большею частью прошедшихъ такую же высшую школу, но что-то есть такое, что сильно измѣняетъ характеръ тѣхъ же самыхъ людей въ двухъ различныхъ обстановкахъ. Здѣсь не мѣсто производить изслѣдованіе этого предмета, но мнѣ кажется небезполезно указать на то, что кто пріобрѣтетъ прочную любовь къ литературѣ и наукѣ, того ни возрастъ, ни проза жизни, ни злобы дня не отвлекутъ отъ умственныхъ интересовъ. Великое дѣло полюбить литературу и науку, хотя бы и не такъ полюбить, какъ должны любить ихъ настоящіе писатели и ученые, относящіеся къ своимъ профессіямъ не ремесленно, ибо не всѣмъ это доступно, и можно сдѣлаться даже дѣятелемъ литературы и науки безъ особенной къ нимъ любви,—великое дѣло полюбить ихъ такъ, чтобы интересоваться ими не только въ молодые годы и въ атмосферѣ, насыщенной идейными стремленіями, но и въ теченіе всей жизни и во всякой обстановкѣ. Для такихъ людей, которые долгіе годы слѣдятъ за успѣхами литературы и науки, уже не нужны ни совѣты, ни списки книгъ: иногда и у нихъ самихъ, наоборотъ, можно многому научиться, хотя бы съ точки зрѣнія спеціалистовъ они были только дилеттантами и даже профанами безъ тонкостей

эрудиціи. Но для молодежи совѣты нужны и нужны списки книгъ: она вольна ихъ принимать и не принимать, вольна ихъ критиковать, выбирать между ними, но нужно только, чтобы было, что̀ критиковать, выбирать и принимать или отвергать во имя чего-нибудь лучшаго.

Въ смыслѣ принципіальной постановки вопроса я на этомъ могъ бы и покончить, если бы не считалъ нужнымъ сказать еще объ особенномъ общеобразовательномъ значеніи исторіи. Во-первыхъ, сама по себѣ наука эта, какъ было уже отчасти показано, обладаетъ многими свойствами предмета особенно пригоднаго для цѣлей общаго образованія. Перебирая въ своей памяти обстоятельства, которыя сдѣлали меня историкомъ,—хотя я совсѣмъ не собирался имъ быть, поступая на историко-филологическій факультетъ,—я положительно могу сказать, что въ концѣ-концовъ наука эта оказалась наиболѣе удовлетворявшею мое стремленіе къ самообразованію. Во-вторыхъ, теперь когда уже болѣе двадцати лѣтъ я неустанно занимаюсь исторіей, я особенно ясно вижу ея общеобразовательное значеніе, о которомъ считаю даже нужнымъ говорить въ началѣ каждаго курса студентамъ, выставляя имъ на видъ, что учеными изъ нихъ будутъ немногіе, а образованными должны быть всѣ, и что къ числу общеобразовательныхъ средствъ относится исторія [1]). Втретьихъ, я нахожу вообще, что взятая

[1]) Нѣкоторыя изъ этихъ лекцій напечатаны въ „Историческомъ Обозрѣніи“.

въ цѣломъ учащаяся молодежь, стремящаяся къ самообразованію, слишкомъ мало обращаетъ вниманія на исторію. Мнѣ даже ясны причины этого факта. Въ печати, напр., уже неразъ указывалось на то, что постановка этого дѣла въ средней школѣ и особенно учебники, въ ней господствующіе, развиваютъ отвращеніе къ этому предмету и неуваженіе къ нему. „Это отвращеніе къ предмету, говоритъ одинъ преподаватель исторіи, разбиравшій недавно самый распространенный у насъ учебникъ [1]),—это отвращеніе къ предмету помѣшаетъ ученику обратиться къ изученію историческихъ сочиненій и благодаря этому на всю жизнь свяжетъ въ умѣ ученика представленіе объ исторіи съ представленіемъ о томъ, что онъ узналъ изъ (такого-то) учебника, а это въ концѣ - концовъ вызоветъ неуваженіе къ самой наукѣ исторіи". Это замѣчаніе глубоко вѣрно: помню самъ, что, поступая на историко-филологическій факультетъ, я какъ-разъ наименѣе думалъ объ исторіи, ибо въ гимназіи учился по скучнѣйшему, въ высшей степени сухому, напичканному собственными именами, хронологическими датами и внѣшними фактами учебнику (маленькому) Вебера. Съ другой стороны, конечно, дѣйствуютъ и внѣшкольныя вліянія и между ними традиція, образовавшаяся уже довольно давно, въ силу которой повторяется до сихъ поръ мнѣніе, что исторія даже не есть наука. Вмѣстѣ съ этимъ съ исторіей

[1]) Г. Герасимовъ въ VIII т. „Историческаго Обозрѣнія".

конкуррируютъ другіе предметы, которые въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ, лежащихъ какъ внѣ самой молодежи, такъ и въ ней самой, вызываютъ къ себѣ особое вниманіе. Были годы особеннаго увлеченія естествознаніемъ, наступила полоса политической экономіи и т. д. Я попробую поднять голосъ въ пользу исторіи и могу увѣрить, что сдѣлаю это не въ качествѣ спеціалиста, желающаго, чтобы его предметъ считался наиболѣе важнымъ, а исходя изъ той общей идеи, какую я составилъ себѣ о стремленіи къ самообразованію на основаніи массы наблюденій, производившихся очень долгое время.

Письмо шестое

о томъ значеніи, какое для самообразованія должно имѣть знакомство съ исторіей [1]).

Исторія есть наука, потому что она есть болѣе или менѣе достовѣрное знаніе явленій, составляющихъ прошлую жизнь человѣчества, добытое путемъ критической провѣрки извѣстій объ этомъ прошломъ, которыя замѣняютъ непосредственное наблюденіе этихъ явленій, и путемъ изслѣдованія самихъ явленій въ нихъ самихъ и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ,—

[1]) Ср. мою статью „Объ общемъ значеніи историческаго образованія" въ VII т. „Историческаго Обозрѣнія".

знаніе, удовлетворяющее нашъ интересъ къ прошлому родной страны и всего человѣческаго міра и могущее служить моральнымъ и практическимъ потребностямъ жизни. Факты, составляющіе матеріалъ исторіи, суть, во-первыхъ, дѣйствія людей съ ихъ причинами и слѣдствіями, заключающіяся между прочимъ въ другихъ дѣйствіяхъ, событія и движенія въ жизни народовъ (все это — факты прагматическіе), а во-вторыхъ, явленія матеріальнаго, духовнаго и общественнаго быта народовъ съ ихъ перемѣнами, совершающимися по законамъ эволюціи (факты культурные и соціальные), другими словами, жизнь, дѣятельность и развитіе человѣчества. Это та же жизнь и та же дѣятельность, которыя изображаются въ литературѣ, и вотъ почему изъ всѣхъ видовъ науки исторія самый близкій къ литературѣ видъ, что и сообщаетъ ей общеобразовательное значеніе: недаромъ часто проводилась параллель между исторіей и поэзіей, изъ коихъ одна воспроизводитъ жизнь на основаніи фактическихъ данныхъ и путемъ изслѣдованія, другая — на основаніи общихъ впечатлѣній отъ жизни и путемъ чистаго творчества. Примыкая съ этой стороны къ поэзіи, но будучи отъ нея отличною, исторія имѣетъ много общаго и съ публицистикой, хотя и отъ нея значительно отличается: обѣ стремятся понять и уяснить общественную жизнь, но одна — въ прошломъ, другая — въ настоящемъ, одна — съ цѣлью открытія истины, другая — имѣя въ виду тѣ или другія общественныя задачи, и если жизненность сообщается исторіи ея связью съ вопросами

жизни, то научный духъ, т.-е. духъ истины и безпристрастія, или справедливости (безпристрастія, а не безстрастія, апатіи, индифферентизма, лишающихъ и исторію жизненнаго значенія) можетъ быть внесенъ въ публицистику, когда она относится къ своимъ предметамъ съ пріемами научнаго историческаго изслѣдованія, т.-е. основывается на фактахъ, критически провѣренныхъ, и дѣлаетъ выводы по законамъ логики, а не по предвзятымъ мнѣніямъ догматическаго характера или указаніямъ безсознательнаго инстинкта, интереса и страсти. Поэтическій и публицистическій элементы, элементы художественнаго творчества и живого отношенія къ религіознымъ, національнымъ, политическимъ, экономическимъ вопросамъ — подъ условіемъ, конечно, прежде всего строгаго соблюденія требованій научности, вѣрности изображенія, логичности выводовъ и обобщеній, совершеннаго безпристрастія — придаютъ особый интересъ и особую силу историческимъ сочиненіямъ, хотя въ этомъ иногда и кроется опасность для читателя: послѣдній можетъ быть введенъ въ заблужденіе, когда для краснаго словца или въ угоду какой-либо идеѣ, или же наконецъ ради достиженія какой-либо практической цѣли историкъ измѣняетъ духу своей науки. Я не скрываю этого недостатка исторической литературы, чтобы быть вѣрнымъ дѣйствительности и безпристрастнымъ и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ предостеречь отъ слишкомъ довѣрчиваго отношенія къ поэтическимъ и публицистическимъ элементамъ исторіографіи, выдвинувъ на первый

планъ научный характеръ исторической литературы. Особенно опасны въ смыслѣ невольнаго даже искаженія исторической истины разнаго рода компиляціи, когда за нихъ берутся люди безъ серьезнаго историческаго образованія, хотя бы они и были одушевлены наилучшими намѣреніями. Всегда, однако, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мы имѣемъ дѣло съ крупными произведеніями мастеровъ историческаго изслѣдованія и изображенія, необходимо отличать мнѣнія историка отъ данныхъ и выводовъ самой исторіи, для чего лучше всего знакомиться или съ самими сочиненіями разныхъ историковъ объ одномъ и томъ же предметѣ, или, по крайней мѣрѣ, съ мнѣніями ихъ и даже съ исторіей тѣхъ мнѣній, какія высказывались о томъ или другомъ предметѣ. Когда событіе очень сложно, очень близко и можетъ быть предметомъ односторонняго или пристрастнаго освѣщенія, положительно необходимо не довѣряться одному какому-либо историку, а, по крайней мѣрѣ, знать наиболѣе важные взгляды другихъ историковъ, всю исторію сужденій о данномъ событіи. Таково должно быть отношеніе читателя, напр., къ исторіи, французской революціи, имѣющей столь богатую и разнообразную литературу. Впрочемъ, мы еще увидимъ, что вообще исторія мнѣній по разнымъ вопросамъ мысли и жизни имѣетъ и сама по себѣ громадное образовательное значеніе.

Если въ исторической литературѣ могутъ (и подъ условіемъ совмѣстимости съ научностью должны) существовать поэтическіе и публицистическіе элементы,

то, съ другой стороны, и изящная литература пользуется историческимъ матеріаломъ, какъ предметомъ чисто художественнаго воспроизведенія, да и публицистика даже въ случаяхъ крайней тенденціозности и пристрастности считаетъ нужнымъ опираться на данныя исторіи. Это точно также указываетъ на ту близость, какая существуетъ между общей литературой и исторіографіей, а если только вѣрно то, что общеобразовательное значеніе того или другого научнаго предмета можетъ быть опредѣлено по степени близости его къ общей литературѣ [1]), то за исторіей въ виду этого должно признать такое значеніе въ весьма большой мѣрѣ. Исторія (какъ и философія), далѣе, является связующимъ звеномъ между общею литературою и общественными науками—соціологіей, политикой, юриспруденціей, экономикой, ибо исторія въ широкомъ значеніи этого слова есть исторія между прочимъ и общественнаго строя, и государства, и права, и народнаго хозяйства, и всѣхъ вмѣстѣ съ тѣмъ теорій соціальной науки и соціальной этики въ ихъ общихъ и въ ихъ спеціальныхъ (т.-е. политической, юридической и экономической) постановкахъ. Связь исторіи съ названными науками выражается въ XIX в. и въ томъ, что и политика, и юриспруденція, и экономика, прежде изучавшія государство, право и народное хозяйство лишь отвлеченно, стали на историческую точку зрѣнія, начали пользоваться

[1]) См. выше, стр. 123 и слѣд.

сами историческимъ матеріаломъ и историческимъ методомъ. Въ такомъ же точно смыслѣ связана исторія и съ литературою, и съ философіей, помимо связи, которая была указана по отношенію къ литературѣ, а по отношенію къ философіи будетъ указана послѣ. Исторія интересуется не только развитіемъ соціальной организаціи, взятой съ политической, юридической и экономической сторонъ, но и развитіемъ духовной культуры, въ понятіе коей входятъ съ религіей, моралью и искусствомъ и литература, и философія. Мало того: сами спеціалисты по изученію литературы и философіи стали въ XIX в. на историческую точку зрѣнія, подобно политикамъ, юристамъ и экономистамъ, равно какъ спеціалистамъ по изученію религіи, искусства и отчасти морали. Но у исторіи съ философіей есть и еще одна связь: не только существуетъ исторія философіи, но есть еще и философія исторіи, въ коей задачи исторической науки сливаются съ высшими проблеммами философіи по вопросамъ о назначеніи человѣка и о цѣли историческаго прогресса, какъ субъективнаго идеала, предъявляемаго нами съ точекъ зрѣнія разума и совѣсти, истины и справедливости всему тому, что съ объективной точки зрѣнія и реально стремится воспроизвести и объяснить исторія. Здѣсь историческая наука соприкасается съ областью соціальныхъ идеаловъ, моральныхъ истинъ, чаяній сердца и вѣрованій ума.

Такъ богато и полно, такъ разнообразно и разносторонне содержаніе исторической науки! И если изъ

нея не дѣлаютъ образовательнаго средства ни тѣ, кто призванъ давать образованіе, ни тѣ, которые его ищутъ, то это—одно изъ печальнѣйшихъ явленій, которыя подлежатъ устраненію изъ жизни.

Общеобразовательное значеніе преподаванія исторіи, приспособленнаго къ возрасту учащихся, признается средней школой и недостаточно цѣнится, на мой взглядъ, организаціей высшаго образованія [1]). Здѣсь не мѣсто разсматривать, какъ ведется преподаваніе исторіи въ средней школѣ: каждый, прошедшій эту школу, знаетъ самъ это хорошо по собственному опыту, хотя, конечно, изъ общаго правила могутъ быть и исключенія. Но вотъ любопытно показать, какъ понимаются задачи историческаго преподаванія лучшими представителями этого преподаванія, коимъ дорога наука и дорого обучающееся наукѣ юношество. Приведу цѣликомъ нѣсколько положеній, выработанныхъ и принятыхъ недавно цѣлой коммиссіей преподавателей исторіи, составившихъ историко-педагогическую секцію при учебномъ отдѣлѣ московскаго Общества распространенія техническихъ знаній [2]).

I. „Курсъ исторіи въ средней школѣ, при сохраненіи необходимой *для достиженія общаго образованія* связи съ другими предметами, предполагается, какъ нѣчто цѣльное, въ себѣ самомъ заключающее

[1]) Ср. мою статью „Всеобщая исторія въ университетѣ“ въ „Истор. Обозрѣніи“.

[2]) См. въ I т. „Историч. Обозрѣнія“.

опредѣленныя задачи, *помимо примѣненія сообщаемаго матеріала въ дальнѣйшихъ спеціальныхъ занятіяхъ.*

II. Цѣль преподаванія исторіи въ средней школѣ—*развитіе въ учащихся историческаго отношенія къ жизни*, которое должно выразиться въ пониманіи процесса историческаго развитія и значенія важнѣйшихъ его моментовъ и результатовъ, причемъ не должны быть упускаемы изъ виду характеристики особенностей эпохъ, отдѣльныхъ національностей и личностей.

III. Что касается воспитанія моральнаго или политическаго посредствомъ историческаго преподаванія, то оно никоимъ образомъ не можетъ быть поставлено цѣлью, хотя бы и второстепенною, а *должно быть разсматриваемо, лишь какъ естественный результатъ всякаго разумнаго преподаванія исторіи.*

IV. Указанная цѣль преподаванія исторіи *дѣлаетъ единственно возможною всемірно-историческую точку зрѣнія* при выборѣ и распредѣленіи матеріала. Въ изложеніи отечественной исторіи рядомъ съ всемірно-исторической точкой зрѣнія выступаетъ національная, требующая выдѣленія и такихъ сторонъ исторической жизни, которыя не имѣли культурнаго вліянія на другіе народы, но сказались важными послѣдствіями въ историческомъ развитіи народа русскаго.

V. Всемірно-историческая точка зрѣнія опредѣляетъ въ каждомъ частномъ случаѣ выборъ матеріала и выдѣленіе той или другой группы фактовъ:

для одной эпохи или въ жизни одного народа будутъ выдвинуты на первый планъ явленія внѣшней или внутренней политической и соціальной жизни; для другого момента—явленія литературы и искусства, для третьяго — религіозныя движенія и т. д., смотря по тому, какія стороны жизни въ данную эпоху и у даннаго народа имѣли наибольшее значеніе съ всемірно-исторической точки зрѣнія.

VI. Въ виду того, что преподаваніе исторіи должно по преимуществу развить въ учащихся пониманіе процесса историческаго развитія, наилучшей канвой для группировки матеріала необходимо признать внѣшне-политическую исторію; *характеристики религіозныхъ воззрѣній, политическихъ, философскихъ и другихъ ученій, политическаго, соціальнаго и экономическаго устройства* и т. п. должны быть по возможности связаны съ выдающимися моментами внѣшней жизни и судьбой замѣчательныхъ личностей".

Въ этихъ шести пунктахъ, по моему мнѣнію, совершенно вѣрно формулированы главныя положенія, касающіяся общеобразовательнаго значенія исторіи. Выписывая ихъ, я нарочно подчеркнулъ тѣ мѣста, на которыя хотѣлъ бы обратить особое вниманіе читателей. „Развитіе въ учащихся историческаго отношенія къ жизни" можетъ быть достигнуто лишь дѣйствительною историческою наукою, по отношенію къ которой моральное и политическое воспитаніе должно быть не цѣлью (ибо тогда въ преподаваніе нужно было бы внести извѣстный дог-

матизмъ), а лишь „результатомъ разумнаго преподаванія“; разумность же эта дѣлаетъ „единственно возможной всемірно-историческую точку зрѣнія“, т.-е. точку зрѣнія общечеловѣческую, не узко-національную, причемъ должно быть обращено особое вниманіе на „характеристики религіозныхъ воззрѣній, политическихъ, философскихъ и другихъ ученій, политическаго, соціальнаго и экономическаго устройства и т. п.“. Это—цѣлая программа школьнаго преподаванія исторіи, и можно радоваться за молодежь, для которой осуществляется или будетъ осуществляться такая ясная и широкая программа. Я думаю, что было бы очень хорошо, если бы такою программою руководствовалась и молодежь, учащаяся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, но лишенная историческаго преподаванія: шесть приведенныхъ пунктовъ и для нея могли бы служить программою историческаго самообразованія. Что касается до систематическаго чтенія по исторіи, то въ общемъ весьма вѣрно опредѣлена его цѣль упоминавшеюся ранѣе коммиссіей для организаціи систематическаго чтенія. Читатель не посѣтуетъ на меня, если я выпишу изъ ея отчета слѣдующее мѣсто, снабдивъ его своими примѣчаніями.

„Цѣль курса систематическаго чтенія по исторіи должна состоять въ ознакомленіи читателей 1) съ общимъ ходомъ историческихъ событій, 2) съ важнѣйшими характерными чертами главныхъ историческихъ эпохъ. Достиженію этой цѣли можетъ содѣйствовать, съ одной стороны, изученіе нѣсколькихъ хорошихъ историческихъ учебниковъ; съ другой стороны, рядъ хорошо подобранныхъ отрывковъ изъ литературы и источниковъ, освѣщающихъ наиболѣе типичныя черты различныхъ моментовъ историческаго прошлаго. Въ интересѣ большинства читателей ознакомленіе съ общей нитью историческихъ событій должно быть сведено къ возможному минимуму, и центръ тяжести при занятіяхъ долженъ быть перенесенъ на историческое чтеніе.

Что касается послѣдовательности историческаго чтенія, наиболѣе естественнымъ представляется порядокъ хронологическій. Внѣ хронологическихъ рамокъ стоятъ только отдѣлы по методикѣ и по философіи исторіи. Введеніе этихъ отдѣловъ безусловно необходимо, но примкнуть ихъ къ началу или къ какому-либо изъ четырехъ курсовъ исторической программы оказывается одинаково неудобнымъ. Поставленные въ началѣ историческаго чтенія, эти отдѣлы не могли бы быть пройдены съ достаточной основательностью, такъ какъ они предполагаютъ уже въ читателѣ предварительное знакомство съ историческими фактами. Присоединенные къ послѣднему курсу, они сильно стѣснили бы его содержаніе, между тѣмъ, какъ именно для этого четвертаго курса [1]) — новѣйшей исторіи — желательно отвести возможно болѣе времени. Самымъ удобнымъ исходомъ изъ этихъ затрудненій будетъ — сдѣлать изъ

[1]) Припомнимъ, что курсъ чтеній по плану коммиссіи распредѣляется на четыре года.

методики исторіи и изъ обзора философско-историческихъ системъ пятый — дополнительный — курсъ историческаго чтенія".

Къ этимъ словамъ я добавилъ бы только, что къ „отрывкамъ изъ литературы и источниковъ" я, конечно, присоединилъ бы и цѣльныя сочиненія, такъ какъ отрывками можно пользоваться лишь по хрестоматіямъ, что очень уже будетъ имѣть школьный характеръ, или располагая находящеюся подъ руками цѣлою библіотекою историческихъ сочиненій, не говоря уже о томъ, что есть историческіе труды, которые важно и полезно, интересно и доступно прочитать цѣликомъ всякому образованному человѣку. Далѣе, въ виду того, что философія исторіи имѣетъ общеобразовательное значеніе, методика же исторіи есть дисциплина, необходимая лишь для спеціалистовъ, занимающихся исторической наукой, а не людей, читающихъ историческія книги въ цѣляхъ самообразованія, я бы счелъ возможнымъ признать безусловную необходимость чтенія лишь по философіи, а не по методикѣ исторіи, которое притомъ, дѣйствительно, можетъ совершаться независимо отъ чтенія чисто историческаго. Наконецъ, признавая естественность хронологическаго порядка въ изученіи исторіи, я думаю, что порядокъ этотъ можетъ быть и нарушенъ тѣмъ, кто „понимаетъ процессъ историческаго развитія и значеніе важнѣйшихъ его моментовъ" и обладаетъ „канвой для группировки матеріала", чего слѣдовало бы требовать отъ всякаго молодого человѣка, кончившаго курсъ въ средней

школѣ. Въ дѣлѣ самообразованія желательна наибольшая свобода, да одна она только и возможна: всякій, несомнѣнно, набрасывается на то чтеніе, которое въ данный моментъ его должно наиболѣе интересовать [1]). Конечно, самою интересною должна быть именно новая и новѣйшая исторія, особенно съ XVIII в., съ которою и нужно знакомиться и основательнѣе, и подробнѣе, хотя каждому юношѣ, который захотѣлъ бы себя ограничить чтеніемъ однихъ сочиненій по XVIII и XIX вѣку, я сталъ бы, конечно, доказывать въ видахъ цѣльности, полноты и стройности историческаго образованія, въ видахъ самаго пониманія исторіи XVIII и XIX вв. важность знанія всей исторіи, хотя бы болѣе ранніе ея отдѣлы могли быть пройдены менѣе обстоятельно—въ болѣе общихъ чертахъ, безъ подробностей и со средоточеніемъ всего вниманія лишь на наиболѣе крупныхъ и важныхъ съ всемірно-исторической точки зрѣнія явленіяхъ. Остается только желать, чтобы почтенная коммиссія опредѣлила кругъ систематическаго чтенія, хотя нужно ожидать, что въ виду спеціальной постановки чтеній, принятой комиссіею въ ея программѣ, расчитанной на четыре года, въ этой программѣ придется сдѣлать значительныя урѣзки [2]).

[1]) Ср. выше, стр. 17—18 и 69.

[2]) Ср. выше, стр. 19 и слѣд. Списокъ книгъ по всеобщей исторіи для самообразованія, помѣщенный нами въ журналѣ „Міръ Божій" за 1893 г., вовсе не былъ расчитанъ на то, чтобы заключать въ себѣ планъ и программу: это просто инвентарь всего болѣе или менѣе популярнаго, переводнаго и оригинальнаго, имѣющагося на русскомъ языкѣ по всеобщей исторіи.

Перехожу теперь къ болѣе подробному разсмотрѣнію общеобразовательнаго значенія исторіи.

Что идеи и знанія, которыя доставляетъ человѣку знакомство съ исторіей, имѣютъ въ высшей степени важное теоретическое и практическое значеніе, это не требуетъ доказательствъ. Нужны только разъясненія этой мысли.

Весьма важна, во-первыхъ, исторія для надлежащаго пониманія тѣхъ моральныхъ и политическихъ идей, совокупность коихъ должна составлять міросозерцаніе человѣка. Иначе человѣкъ относится къ своимъ идеямъ, когда не подозрѣваетъ существованія другихъ идей и думаетъ, что его идеи всегда существовали, т.-е. имѣютъ характеръ абсолютный. На самомъ дѣлѣ этого вѣдь нѣтъ, и послѣднее обстоятельство нужно знать и помнить. Для уясненія своей мысли и расширенія своего взгляда на всѣ вопросы міросозерцанія нужно познакомиться съ наибольшимъ количествомъ разныхъ на нихъ отвѣтовъ, конечно, не для того, чтобы раздѣлять ихъ всѣ (что невозможно и даже немыслимо), а чтобы сравнить ихъ между собою, сдѣлать имъ взаимную провѣрку, имѣть возможность разсматривать вопросъ съ разныхъ точекъ зрѣнія и т. д. А кромѣ того, вѣдь и интересъ къ чужому внутреннему міру долженъ влечь человѣка къ тому, чтобы знакомиться съ разрѣшеніемъ вопросовъ мысли и жизни въ разныхъ историческихъ міросозерцаніяхъ, хотя бы онъ заранѣе зналъ при этомъ, что съ извѣстными отвѣтами никогда не согласится: важно именно то,

что многія рѣшенія проблеммъ философскаго и научнаго міросозерцанія остаются спорными. Вотъ что̀, напр., читаемъ мы все въ тѣхъ же программахъ московской коммиссіи и съ чѣмъ нельзя не согласиться. Дѣло идетъ объ изученіи философіи. „Что касается вопроса о томъ, *какъ слѣдуетъ изучать философскія науки?*—то рѣшеніе его зависитъ отъ того, въ какомъ состояніи находится въ настоящее время каждая изъ философскихъ наукъ. Разсматривая ихъ съ этой точки зрѣнія, мы видимъ, во-1-хъ, что *логика* и *психологія* организовались въ отдѣльныя самостоятельныя науки, а потому могутъ быть изучаемы въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ находятся въ настоящее время; во-2-хъ, что такія науки, какъ *этика*, *метафизика* и *теорія познанія* представляютъ собой только выраженіе мнѣній того или другого философа, а потому должны изучаться не иначе, какъ въ курсѣ исторіи философіи“. Это замѣчаніе приложимо не къ одной отвлеченной философіи. То же самое можетъ быть сказано также и объ ученіяхъ политическихъ и экономическихъ. „Особенно,—говоритъ одинъ русскій экономистъ въ пособіи, предназначенномъ для студентовъ [1]), — особенно важно считаться съ исторической преемственностью идей въ общественныхъ наукахъ. Когда механикъ или астрономъ изучаетъ исторію своихъ наукъ, это есть лишь удовлетвореніе научной любознательности; уче-

[1]) Проф. Чупровъ въ „Лекціяхъ по исторіи политической экономіи“.

ный, обладающій полнымъ знаніемъ законовъ природы, можетъ свысока смотрѣть на прежнія неудачныя попытки постигнуть эти законы. Не то въ общественныхъ наукахъ: онѣ до сихъ поръ не пришли еще къ завершенію; въ нихъ истина раскрывается человѣчеству медленно и по частямъ; уму человѣческому нерѣдко приходится идти здѣсь ощупью, бросаясь изъ одной крайности въ другую. Неудивительно поэтому, что нерѣдко старыя теоріи, сданныя, повидимому, въ архивъ, снова всплываютъ на поверхность жизни. Эта связь послѣдующаго съ предшествующимъ дѣлаетъ особенно важнымъ въ экономической литературѣ преемство идей, смѣнявшихъ одна другую въ ходѣ исторіи". Далѣе, „экономическія (и вообще соціальныя, прибавлю я) теоріи, касающіяся практическихъ, матеріальныхъ нуждъ человѣка и человѣческаго общества, имѣютъ ту особенность, что онѣ находятся въ самомъ тѣсномъ соприкосновеніи съ жизнью. Общественный бытъ страны и народа кладетъ неизгладимую печать и на взгляды ученыхъ. Современная политическая экономія составляетъ прямой результатъ и вѣрное отраженіе тѣхъ перемѣнъ, которыя въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій произошли въ строѣ хозяйственной жизни и въ организаціи промышленности. Каждая изъ крупныхъ системъ была или выраженіемъ нуждъ, вызванныхъ совершившимися перемѣнами, или проявленіемъ протеста противъ вызванныхъ ими бѣдствій; теорія являлась или помощницей, или противницей того, что совер-

шалось въ жизни. Эта тѣсная связь теоріи съ жизнью побуждаетъ изучать первую не иначе, какъ параллельно съ послѣднею". Это совершенно вѣрно и остается только прибавить, что то же самое можно сказать и о политикѣ съ правовѣдѣніемъ. И вотъ оказывается, что идеи философскія, этическія и соціальныя приходится усвоивать исторически, т.-е. въ ихъ преемственности и въ ихъ связи съ порождавшею ихъ дѣйствительностью. Догматическая вѣра въ абсолютныя формулы, унаслѣдованная раціонализмомъ XVII и XVIII вѣковъ изъ временъ схоластики съ ея безусловнымъ и неизмѣннымъ авторитетомъ, — хотя содержаніе новыхъ формулъ было діаметрально-противоположнымъ,—эта вѣра въ истину, разъ навсегда данную въ отвлеченномъ разумѣ, была разрушена въ XIX столѣтіи историческимъ знаніемъ, которое поняло идею, не какъ нѣчто неизмѣнно существующее внѣ человѣческаго сознанія и открываемое чистою дѣятельностью разума, а какъ нѣчто развивающееся въ человѣческомъ сознаніи и относительное. Историческая точка зрѣнія, понятіе развитія или эволюціи, ученіе объ относительности знанія—вотъ великое умственное пріобрѣтеніе XIX в., кладущее печать на все наше міросозерцаніе. Лишь въ XIX столѣтіи исторія стала настоящею наукою, и въ то же время предметы человѣческаго міра стали изучаться съ исторической точки зрѣнія, совершенно неизвѣстной XVIII в. ни въ изученіи языка, ни въ изученіи философіи, ни въ изученіи права, ни въ изученіи народнаго хо-

зайства. Точка зрѣнія исторіи есть точка зрѣнія развитія, эволюціи: она господствуетъ во всѣхъ изученіяхъ культурной и соціальной жизни человѣчества, какъ обязательная для всѣхъ, стоящихъ на уровнѣ требованій современной науки. Эволюціонная точка зрѣнія въ XIX столѣтіи проникла въ науки объ организованной и неорганизованной матеріи: міръ животныхъ и растеній является въ сознаніи современнаго человѣка, какъ продуктъ постепенной эволюціи, и такимъ же продуктомъ эволюціи представляется весь земной шаръ, вся наша солнечная система, все мірозданіе, однимъ словомъ, весь міръ явленій. Сама философія XIX вѣка эволюціонна, будетъ ли она объяснять міръ идеалистически (какъ у Гегеля), или реалистически (какъ у Спенсера). Точка зрѣнія эволюціи есть ученіе объ относительности всего существующаго и объ относительности нашихъ знаній. Среди этого измѣненія, этого движенія, этой относительности остаются въ сознаніи нашемъ незыблемыми, неизмѣнными и безусловными лишь идеалы истины и справедливости, къ коимъ мы стремимся, но знаніемъ коихъ не обладаемъ, лишь вѣря въ то, что есть истина и есть справедливость, и что открытіе ихъ началось съ первыми шагами исторіи и совершалось въ исторической эволюціи міросозерцаній. И наше міросозерцаніе есть продуктъ исторической эволюціи и отличается относительностью знанія, но если оно соотвѣтствуетъ нашему пониманію истины и справедливости, оно получаетъ для насъ силу подлиннаго

знанія, удовлетворяющаго нашъ умъ, и вѣры, удовлетворяющей нашу совѣсть. Мы обязаны вѣрить въ истинность и справедливость нашего міросозерцанія (а какое же міросозерцаніе можетъ быть безъ вѣры въ него?), но мы должны знать, что внѣ насъ самихъ оно имѣетъ лишь относительное значеніе, въ силу чего никто не даетъ намъ права ни навязывать его кому бы то ни было, ни насиловать жизнь во имя его догматовъ. Прибавлю, однако, что и при отсутствіи фанатизма можно быть стойкимъ и твердымъ въ своихъ убѣжденіяхъ и стремиться къ торжеству этихъ убѣжденій въ жизни путемъ свободнаго распространенія ихъ вокругъ себя и путемъ дѣятельности, ведущей къ ихъ осуществленію. Такое отношеніе къ собственному міросозерцанію, чуждое духа нетерпимости, фанатизма, деспотизма и тиранніи, одно только и соотвѣтствуетъ тому уваженію къ чужому достоинству и чужимъ правамъ и интересамъ, которое должно лежать въ основѣ моральнаго поведенія,— соотвѣтствуетъ идеямъ свободы мысли, свободы совѣсти и свободы жизни, по отношенію къ коимъ былъ враждебенъ всякій абсолютизмъ и догматизмъ, мистическій или раціоналистическій, во имя ли сохраненія старины или во имя движенія впередъ. Но чтобы такъ умѣть относиться къ собственному міросозерцанію, нужно воспитать въ себѣ историческое отношеніе къ міру мысли, а оно можетъ быть дано лишь правильно поставленнымъ историческимъ образованіемъ въ соединеніи, думаю еще, съ философскимъ критицизмомъ.

И въ правильное отношеніе къ міру жизни можетъ насъ поставить только историческое образованіе. Какъ отъ того, кто хочетъ лѣчить больного человѣка, требуются знаніе человѣческаго тѣла и разнаго рода болѣзней, съ нимъ случающихся, и тщательное изслѣдованіе человѣка, коего нужно лѣчить; какъ отъ того, кто берется воспитывать ребенка, нужно требовать, чтобы онъ зналъ вообще дѣтскую природу и владѣлъ педагогическими пріемами, ведущими къ цѣли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изучилъ самого маленькаго человѣка, отданнаго подъ его опеку,—такъ и отъ того, кто хочетъ дѣйствовать на общество въ цѣляхъ его измѣненія въ ту или другую сторону, слѣдуетъ требовать, чтобы онъ зналъ, что̀ такое общество вообще и какъ оно измѣняется, и зналъ еще ту ближайшую среду, которая дѣлается объектомъ его дѣятельности. Современное понятіе объ обществѣ есть понятіе историческое, эволюціонное, въ извѣстномъ смыслѣ органическое, тогда какъ старое воззрѣніе было раціоналистическимъ, догматическимъ и механическимъ. Это понятіе создано примѣненіемъ къ обществу исторической точки зрѣнія. Общественныя измѣненія не суть результаты человѣческаго произвола, хотя и не обходятся безъ человѣческой дѣятельности: эти измѣненія подчинены законамъ причинности и эволюціи, и эти законы долженъ прежде всего знать и понимать всякій, кто желаетъ дѣйствовать цѣлесообразно. Ихъ стремятся открыть отдѣльныя науки, но непосредственное, хотя бы и неуловимое дѣйствіе ихъ мы

наблюдаемъ лишь въ исторіи, которая поэтому только и можетъ воспитывать въ насъ надлежащее пониманіе того, какъ происходитъ историческій процессъ. Знакомясь съ прошлымъ человѣчества подъ руководствомъ науки, поставившей своею задачею „понимать, изслѣдуя“ (forschend zu begreifen), мы воспитываемъ въ себѣ историческій смыслъ, который есть въ то же время и жизненный смыслъ, ибо исторія и жизнь—одно и то же. Перенесеніе пріемовъ исторической науки въ публицистику и въ общественную дѣятельность можетъ быть только полезно и для пониманія современности, и для воздѣйствія на нее. Кто привыкъ судить научнымъ образомъ о жизни вообще на основаніи историческихъ примѣровъ, тотъ перенесетъ эту привычку и въ сужденія о современности, а отъ такого или иного направленія нашихъ о ней сужденій зависитъ и наша дѣятельность. Постановить правильно діагнозъ и сообразно съ нимъ предписать лѣченіе, вотъ что важно. Общественный дѣятель не долженъ уподобляться знахарю, съ его фантастическими представленіями о причинахъ болѣзней и шарлатанскими средствами ихъ излѣченія: ему нужно еще больше знать и понимать причины общественныхъ недуговъ и способы борьбы съ ними, чѣмъ тѣлесному врачу, ибо это — дѣло и болѣе сложное, и болѣе трудное. Конечно, лишь немногіе являются общественными дѣятелями, ставя себѣ прямо тѣ или иныя цѣли, но безсознательно—и это прямо даетъ понять исторія, изучаемая съ философской

точки зрѣнія,—каждый изъ насъ всѣмъ своимъ поведеніемъ такъ или иначе, хотя бы и въ самой малости, дѣйствуетъ на общество. Кто хочетъ сознательно относиться къ своей жизни, тотъ не можетъ не поставить себѣ вопроса о томъ, какую роль онъ играетъ въ исторіи, но что такое исторія, какъ она совершается, и какое значеніе въ ея ходѣ имѣютъ поступки обыкновенныхъ смертныхъ,—все это, конечно, требуетъ знанія и пониманія.

Врачу нужно знать того человѣка, котораго онъ лѣчитъ, педагогу—того ребенка, котораго онъ воспитываетъ, гражданину—ту общественную среду, въ коей онъ живетъ и дѣйствуетъ, и притомъ не такъ, какъ вотъ она мнѣ представляется, по личнымъ наблюденіямъ и въ настоящій моментъ, а на основаніи данныхъ науки и въ ея историческихъ силахъ, начавшихъ дѣйствовать не со вчерашняго дня. Образованный человѣкъ отличается отъ необразованнаго, и культурныя націи—отъ некультурныхъ тѣмъ, что знаютъ прошлое своей родной страны, и чѣмъ ближе это прошлое, тѣмъ лучше его они должны знать, ибо въ немъ только и заключается пониманіе окружающей среды, позволяющее избѣгать прежнихъ ошибокъ, понимать которыя учитъ исторія,—и находитъ подходящія средства для достиженія поставленныхъ цѣлей. У нашего, русскаго общества, къ сожалѣнію, память вообще коротка, и оно часто не знаетъ и не интересуется знать свое прошлое, если дѣло заходитъ далѣе простыхъ

анекдотовъ. У насъ, впрочемъ, и мало книгъ подходящихъ для этой цѣли—по разнымъ причинамъ, разбирать которыя здѣсь не у мѣста. По условіямъ преподаванія исторіи въ средней школѣ и въ университетѣ,—на которыя (условія) опять можно смотрѣть различнымъ образомъ,—какъ-разъ ближайшія къ намъ времена менѣе всего обыкновенно и затрогиваются этимъ преподаваніемъ: дѣло предоставляется самообразованію, и вотъ, несмотря на то, что все-таки книги для ознакомленія съ нашимъ прошлымъ есть, онѣ—за немногими исключеніями—гораздо менѣе привлекаютъ къ себѣ вниманіе, чѣмъ того заслуживаютъ и чѣмъ привлекаютъ статьи о современныхъ отношеніяхъ.

Мнѣ кажется, что у насъ, кромѣ того, недостаточно интересуются и исторіей европейскаго Запада. Быть можетъ, отчасти, но только отчасти, дѣйствуетъ тутъ то соображеніе, будто Западъ для насъ дѣло далекое, а потому что-же имъ и заниматься, когда нужно прежде всего знать свое, родное, какъ это приходится иногда слышать и со стороны людей, настроенныхъ націоналистически или, наоборотъ, чуждыхъ націонализма, но желающихъ отъ образованія непосредственно приложимаго знанія. Но, во-первыхъ, при томъ вліяніи, какое Западъ вотъ уже два вѣка оказываетъ на нашу русскую дѣйствительность, мы совсѣмъ не можемъ считать его совершенно для себя чужимъ, а во-вторыхъ, съ точки зрѣнія историческаго опыта знаніе западноевропейской исторіи особенно важно въ виду того

обстоятельства, что во многихъ отношеніяхъ данныя исторіи другихъ цивилизованныхъ народовъ могутъ служить для насъ уроками и предостереженіями, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторомъ смыслѣ мы переживаемъ такія же эпохи развитія, какія Западомъ переживались ранѣе. Далѣе, особенно важно то, что въ западно-европейской, или, говоря вѣрнѣе, въ европейской цивилизаціи, во главѣ которой стоитъ Западъ, въ наибольшей полнотѣ и въ наиболѣе высокой степени развитія проявились начала того культурнаго и соціальнаго прогресса, который можетъ быть названъ всемірно-историческимъ. Какъ-никакъ, а приходится признать, что въ области всѣхъ идей и наукъ, съ коими приходится знакомиться путемъ историческаго ихъ усвоенія, т. е. въ философіи, въ этикѣ, въ политическихъ и экономическихъ теоріяхъ, могущихъ быть хорошо понятыми только подъ условіемъ знанія причинъ ихъ возникновенія и слѣдствій ихъ приложенія, главное и существенное сдѣлано мыслителями, учеными и общественными дѣятелями западно-европейскихъ народовъ. Масса идей, находящихся въ обиходѣ нашего общества,—происхожденія западнаго, но каждая идея лишь тогда можетъ быть надлежащимъ образомъ понята и оцѣнена съ точки зрѣнія своей приложимости, когда она воспринимается съ знаніемъ обстоятельствъ, которыя ее вызвали къ жизни, и результатовъ, какіе она въ этой жизни породила, т. е. съ знаніемъ того, какое значеніе имѣла она, помимо внутренняго своего содержанія и своей

цѣнности, въ качествѣ историческаго продукта и историческаго фактора. Наконецъ, нужно указать и на то, что и свое-то познается и понимается лучше по сравненію съ чужимъ, когда безъ предвзятыхъ идей и съ однимъ только желаніемъ узнать объективную истину отмѣчается все хорошее и все дурное въ фактахъ жизни, по какую бы сторону національной и политической границы это дурное и это хорошее ни находилось. Мнѣ немножко совѣстно говорить такія избитыя вещи, но что же дѣлать, когда приходится слышать, какъ съ тономъ глубокаго убѣжденія и, повидимому, безъ малѣйшаго подозрѣнія, чтобы это могло быть неправдой, говорятся прямо противоположныя вещи. Повторять послѣднія только и можно развѣ подъ условіемъ дѣйствительнаго незнанія того, что представляетъ собою исторія Запада, и слишкомъ узкаго взгляда на отношеніе своего къ чужому, будетъ ли такое отношеніе вытекать изъ крайне несимпатичной національной исключительности или изъ симпатичнаго стремленія прежде всего знать свой народъ, служить своему народу.

Здѣсь я касаюсь еще одной стороны вопроса объ историческомъ образованіи, не затрогивавшейся раньше. Общественный интересъ въ томъ кругѣ лицъ, который я имѣю въ виду, выражается именно въ формѣ изученія народной жизни и стремленія служить народнымъ интересамъ. Это глубокая и важная черта, заслуживающая величайшей симпатіи. Ею объясняется для меня и особое вниманіе, которое посвящается ознакомленію съ народ-

нымъ бытомъ и съ политической экономіей. Ставится и рѣшается — и притомъ разно ставится и разно рѣшается — вопросъ объ отношеніи къ народу такъ называемой интеллигенціи. Это —вопросъ моральный и соціальный, а поскольку онъ есть вопросъ соціальный, онъ есть и вопросъ историческій. Что въ основѣ интереса къ народу и желанія быть ему полезнымъ лежитъ не то практическое соображеніе, что народъ, какъ говорилось въ былыя времена, есть необходимѣйшая опора государства и самый полезный классъ гражданъ, а лежитъ простой интересъ къ человѣку, альтруистическое чувство, стремленіе къ справедливости и сознаніе долга, это не требуетъ доказательствъ, и въ этомъ-то заключается моральная сторона явленія. Но одной моральной стороны мало. Недостаточно еще интересоваться и желать приносить пользу во имя любви къ ближнему, во имя справедливости и долга, нужно еще рѣшить практическую сторону вопроса и понять прежде всего, что такое народъ, какъ совершается народная жизнь, какую роль интеллигенція играетъ въ народной жизни. Все это требуетъ знанія фактовъ, но гдѣ же найти эти факты, какъ не въ исторіи? Не случалось ли слышать объ отрицаніи науки и образованія ради того, что они не приносятъ непосредственной пользы народу, объ отрицаніи интеллигенціи, какъ излишнемъ и безполезномъ будто бы бремени, лежащемъ на народѣ? Если наука и образованіе не приносятъ народу непосредственной пользы, нужно не отрицать ихъ, а стараться о томъ,

чтобы они эту пользу приносили, и прежде всего стремиться къ тому, чтобы, развивъ себя посредствомъ науки и образованія, сдѣлаться полезнымъ и умѣлымъ дѣятелемъ, который могъ бы сказать, что на своемъ мѣстѣ дѣлаетъ дѣло, могущее въ концѣ-концовъ принести пользу народу. Если интеллигенція не исполняетъ своей обязанности по отношенію къ народу, не отрицать ее слѣдуетъ, а заботиться о томъ, чтобы она исполняла свои обязанности, и прежде всего стараться все о томъ же — о выработкѣ въ себѣ дѣятеля на поприщѣ стремленія къ народному благу—и о томъ, чтобы понять, откуда и какими путями это благо создается. Исторія есть между прочимъ исторія дѣятельности людей, и въ ней существуетъ масса примѣровъ того, что̀ и какъ слѣдуетъ дѣлать и чего дѣлать не слѣдуетъ для народнаго блага, масса указаній на то, въ чемъ это благо заключается и какъ оно достигается, масса частныхъ отвѣтовъ на вопросъ, можетъ ли народное благо достигаться безъ свѣта знанія и безъ дѣятельности людей, получившихъ этотъ свѣтъ. Нужно, далѣе, знать этотъ народъ, что̀ представляетъ онъ собою, какъ реальная историческая сила съ своими хорошими и дурными сторонами, знать его безъ прикрасъ, въ томъ освѣщеніи, какое только и можетъ дать ему историческая наука. Въ XIX столѣтіи исторія сильно демократизировалась—стала интересоваться народомъ, его нуждами и стремленіями, его рѣдкими, но всегда знаменательными выступленіями въ эпохи крупныхъ историческихъ дви-

женій, вліяніемъ на него тѣхъ перемѣнъ, которыя совершаются въ культурной жизни верхнихъ слоевъ общества и въ сферѣ политической. Только беря народъ въ цѣломъ исторической жизни, можно избѣжать тѣхъ односторонностей, какія должны встрѣчаться при изученіи лишь одной какой-либо стороны народнаго бытія и притомъ въ ея обособленіи отъ цѣлаго культурно-соціальной жизни всей націи. Народъ — одно для фольклориста, у котораго онъ лишь поетъ, разсказываетъ сказки, задаетъ загадки, исполняетъ разные обряды и т. п., и совсѣмъ другое онъ для экономиста, смотрящаго на то, какъ народъ работаетъ и насколько пользуется онъ матеріальнымъ достаткомъ. Лишь въ исторіи, не очень-то интересующейся подробностями фольклора и заботящейся о разъясненіи не однихъ условій матеріальнаго существованія низшихъ классовъ общества, но о томъ, чтобы узнать, какъ понималъ народъ и оцѣнивалъ свое положеніе, къ чему стремился въ эпохи особаго напряженія своихъ силъ, какъ вліяли на него культурныя и политическія перемѣны, какое отношеніе встрѣчалъ онъ къ себѣ со стороны интеллигенціи, правящихъ классовъ и правительствъ и пр. и пр.,—лишь въ исторіи, говорю я, разъясняющей все это, народъ является реальною величиною, а не нѣкоторымъ отвлеченіемъ отъ реальнаго народа, разсматриваемымъ съ извѣстной точки зрѣнія. Конечно, въ жизни народовъ добываніе средствъ къ существованію и условія, въ какія поставлено это добываніе, играютъ роль первостепенную, от-

куда—особенная важность экономической точки зрѣнія при изученіи этой жизни; но лишь исторія, помимо живого наблюденія надъ дѣйствительностью и его выраженія въ литературѣ, можетъ показать, какъ относится народъ къ религіознымъ, политическимъ, соціальнымъ и національнымъ вопросамъ своего времени, имѣющимъ для него не только значеніе знаменъ или предлоговъ при рѣшеніи экономическихъ вопросовъ, но и значеніе самостоятельныхъ жизненныхъ интересовъ, ибо не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ. Съ односторонней точки зрѣнія можетъ показаться, что одинъ экономическій интересъ является источникомъ всѣхъ значительныхъ народныхъ движеній; но вѣдь народъ состоитъ изъ отдѣльныхъ личностей съ потребностями не только матеріальными, но и духовными, и стоитъ, напр., лишь познакомиться съ исторіей религіозныхъ движеній, чтобы видѣть, какую, съ одной стороны, силу имѣютъ надъ народными массами вѣрованія, удовлетворяющія ихъ исканіе высшей правды, какъ велико само это исканіе и какъ дороги народу его убѣжденія и свобода его совѣсти, и какъ, съ другой стороны, сектантскій мистицизмъ и фанатизмъ, безъ свѣта знанія и безъ ясной мысли, безъ широты взгляда, могущихъ быть результатомъ лишь просвѣщенія, приводитъ къ цѣлому ряду нецѣлесообразныхъ и жестокихъ дѣйствій. Служить народу значитъ просвѣщать его и изслѣдовать условія, безъ коихъ онъ не можетъ просвѣщаться, а потому каждый, кто себѣ ставитъ такую

задачу, долженъ прежде всего просвѣщать себя самого, изучая народъ не только въ его настоящемъ и въ условіяхъ его матеріальнаго существованія, но и съ исторической точки зрѣнія и въ его отношеніяхъ къ разнымъ сторонамъ культурной и соціальной жизни. Особенно нужно хорошо понимать это въ наше время, когда сама жизнь выдвигаетъ на первый планъ соціальные вопросы, касающіеся народнаго быта. Сколько недоразумѣній (не говоря уже объ умышленныхъ искаженіяхъ) породили неправильное теоретическое отношеніе къ народу, къ народности, къ народничеству, ссылки на народъ, на его желанія, нужды, интересы, стремленія и права, и они, недоразумѣнія эти, возможны во всѣхъ случаяхъ, когда мыслятъ словами, а не понятіями, когда понятія принимаются за самыя вещи [1]). На народъ ссылаются во всѣхъ странахъ и реакціонеры, и консерваторы, и либералы, и радикалы, и революціонеры, не только различнымъ образомъ понимая народное благо, что̀ относится къ различію ихъ соціальныхъ идеаловъ и вожделѣній, но и разумѣя подъ народомъ далеко не одно и то же съ чисто объективной точки зрѣнія. Къ народу слѣдуетъ относиться этически и научно, — а научно — значитъ исторически, — слѣдуетъ относиться съ ясностью мысли и съ широтою взгляда. Народъ не есть что-то отвлеченное, какая-то надчеловѣческая сущность, будемъ ли мы разсматривать ее съ точки зрѣнія,

[1]) См. выше, стр. 81 и слѣд.

напр., Руссо, идеализировавшаго народъ въ своей радикальной политической метафизикѣ, чтобы сдѣлать изъ него какое-то всевластное и непогрѣшимое земное божество, или будемъ смотрѣть съ точки зрѣнія въ культурномъ отношеніи всегда реакціоннаго національнаго мистицизма, видящаго въ народной массѣ носительницу какихъ-то высшихъ истинъ, передъ которыми должна смолкнуть гордая наука и долженъ преклониться кичливый своимъ знаніемъ интеллигентъ. Реальный народъ не есть народъ политическихъ метафизиковъ и національныхъ мистиковъ, каковы бы ни были цѣли ихъ стремленій — прогрессивныя или регрессивныя. Исторія своимъ научнымъ реализмомъ разрушаетъ и эту метафизику, и этотъ мистицизмъ. Народъ, къ которому думали примѣнить идею Руссо о непогрѣшимомъ верховенствѣ націи, на самомъ дѣлѣ оказался совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ былъ онъ въ представленіи Руссо, не совокупностью какихъ-то отвлеченныхъ гражданъ, въ которой воплощается самъ разумъ, и вотъ когда замѣтили, что дѣйствительный народъ совсѣмъ не то, чѣмъ онъ долженъ былъ бы быть, его силою думали заставить сдѣлаться добродѣтельнымъ и непогрѣшимымъ. И тотъ народъ, о которомъ говоритъ мистицизмъ національнаго или народническаго характера, не соотвѣтствуетъ дѣйствительному народу, а между тѣмъ во имя вѣры въ то, что въ народѣ уже заключена вся правда, многіе готовы мѣшать его свободному развитію, немыслимому безъ измѣненій въ его быту, готовы препятствовать проникновенію въ

него свѣта, невозможному безъ того, чтобы народъ учился у образованныхъ классовъ общества. Лишь одно освѣщеніе съ научно-исторической точки зрѣнія той дѣйствительности, какую представляетъ собою народъ, можетъ спасти отъ теоретическихъ заблужденій, которыя, будь они вполнѣ искренни по своему происхожденію и благородны по своимъ мотивамъ, останутся все-таки заблужденіями ума, въ концѣ-концовъ, конечно, неполезными и по своему практическому значенію. Кто хочетъ служить народу, долженъ изучать его, но и для изученія еще недостаточно непосредственныхъ надъ нимъ наблюденій, важенъ еще методъ, важна точка зрѣнія, а то и другое возможно пріобрѣсти не иначе, какъ подъ условіемъ развитія въ себѣ историческаго смысла и знанія реальныхъ отношеній не одной только окружающей дѣйствительности. Лишь правильный научный взглядъ на народъ можетъ помѣшать тому, чтобы подъ вліяніемъ какой-либо, хотя бы самой этической и прогрессивной идеи, не забыть одной капитальной вещи: народъ есть совокупность живыхъ личностей, мыслящихъ и способныхъ заблуждаться, чувствующихъ, а потому могущихъ испытывать страданія, желающихъ себѣ и своимъ близкимъ счастья и требующихъ, чтобы ему помогали въ достиженіи этого счастья. Становясь въ этическое отношеніе къ *такому* народу, а не къ отвлеченному понятію, переработанному метафизической или мистической фантазіей, къ народу, который существуетъ и можетъ сдѣлаться предметомъ знанія, а не къ народу, со-

зданному нашимъ воображеніемъ для удовлетворенія потребности нашей вѣрить во что-либо, хотя область вѣры должна имѣть свои опредѣленныя границы,— становясь въ этическія отношенія къ реальному народу, нужно интересоваться внутреннимъ міромъ отдѣльныхъ его личностей, сочувствовать ихъ страданіямъ, уважать ихъ человѣческія права. То-есть, во-первыхъ, нужно проникать въ этотъ внутренній міръ, не думая въ гордынѣ своего образованія, что тамъ лишь одна тьма и заблужденіе, но и не воображая, что тамъ самъ разумъ, сама истина: всѣ люди какъ люди, и коллективный разумъ лишь потому, что онъ коллективный, не есть еще обладатель истины, когда единицы, являющіяся носительницами этого разума, остаются жить во мракѣ самаго безпросвѣтнаго невѣжества. А иногда въ массѣ дѣйствуютъ стихійные порывы, стадное чувство, въ которомъ человѣкъ утрачиваетъ свое *я*, свою личность, разумъ свой и свою волю, и тогда, конечно, не можетъ быть и рѣчи о непогрѣшимости и объ обладаніи высшими началами человѣческаго духа. И вотъ если подъ вліяніемъ зрѣлищъ событій, въ которыхъ народъ дѣйствуетъ въ качествѣ толпы въ особомъ значеніи этого слова, создается представленіе о народѣ, какъ о многоголовомъ звѣрѣ, то опять-таки исторія этотъ взглядъ опровергнетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ объяснитъ, гдѣ причины того, что народъ можетъ временами превращаться въ такого звѣря. Во-вторыхъ, нужно помнить, что народъ состоитъ изъ живыхъ личностей, способныхъ чувствовать и страдать,

и что всѣ поколѣнія народа имѣютъ одинаковое достоинство и одинаковыя права на счастье и свободу. Любить народъ отвлеченный и оставаться глухимъ къ бѣдствіямъ дѣйствительныхъ личностей, его составляющихъ, значитъ, что называется, изъ-за деревьевъ не видѣть лѣса. Что бы вы сказали о человѣкѣ, который всею душою болѣлъ бы, напр., объ оскорбленіи, нанесенномъ національному самолюбію хотя какой-нибудь глупой выходкой газетчика враждебной намъ державы, или сталъ особенно печалиться о томъ, что, положимъ, выходитъ изъ употребленія старый костюмъ и этимъ же дѣлается ущербъ національной физіономіи, но который оставался бы равнодушнымъ къ такимъ народнымъ бѣдствіямъ, какъ голодъ, и кого не трогало бы то, что масса живыхъ, созданныхъ по образу и подобію Божію людей лишена духовной пищи и коснѣетъ во мракѣ невѣжества? Тутъ нѣтъ любви къ народу, нѣтъ этическаго къ нему отношенія, ибо нѣтъ любви и этическаго отношенія къ живой человѣческой личности. Такому человѣку можно было бы только сказать словами синайской заповѣди: „не сотвори себѣ кумира“ и напомнить евангельскую заповѣдь: „возлюби ближняго своего, какъ самого себя“. И можно еще сказать о людяхъ такого рода: „приближаются ко мнѣ людіе сіи устны своими и устами своими чтутъ мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене“. Но разъ уже я сталъ ссылаться на священные по содержанію своему тексты, извѣстные каждому изъ насъ съ дѣтства и которые должны оставаться памятными всю жизнь, напомню еще одно великое изреченіе: „не дѣлайте другимъ того, чего не хотѣли бы чтобы другіе вамъ дѣлали“. Конечно, никто изъ насъ не захотѣлъ бы, чтобы на него смотрѣли, не какъ на живую человѣческую личность, а какъ на средство для какой-либо ему неизвѣстной и посторонней цѣли, чтобы распоряжались безъ его вѣдома и согласія его личностью, жертвовали имъ. Мы имѣемъ право жертвовать только собою, но принуждать къ жертвамъ другихъ или другими жертвовать никакого права не имѣемъ, потому что не допустили бы или нравственно возмутились бы, если бы нашею личностью стали распоряжаться, ничего намъ о томъ даже не сказавъ и насъ совсѣмъ не спросивъ, хотимъ ли мы этого, для цѣли намъ невѣдомой и чуждой. Достоинство и права всѣхъ людей одинаковы, и это должно лежать въ основѣ моральнаго поведенія и въ отношеніи къ отдѣльнымъ личностямъ, и въ отношеніи къ народу. Между прочимъ, всѣ поколѣнія народа равноцѣнны въ общечеловѣческомъ смыслѣ, и нельзя, оставаясь на этической точкѣ зрѣнія, говорить, наприм., такимъ образомъ: „принесемъ въ жертву два-три поколѣнія или хотя бы одно даже поколѣніе, чтобы осуществить такую-то цѣль“; даже если бы расчетъ былъ сдѣланъ вѣрно и правильно, чего никогда нельзя утверждать, не будучи по натурѣ своей фанатикомъ и деспотомъ, „не человѣкъ существуетъ для субботы, а суббота для человѣка“. Да, только съ яснымъ міросозерцаніемъ и широкимъ образованіемъ можно пра-

вильно смотрѣть на народъ и дѣйствительно служить ему, въ вопросахъ же народной жизни и народнаго блага компетентна лишь одна наука, которая въ наше время все болѣе и болѣе становится на историческую точку зрѣнія.

Историческое міросозерцаніе, коему я приписываю столь важное значеніе, не можетъ не быть не-философскимъ, и поэтому я положительно совѣтую знакомиться съ философіей исторіи. Что такое историческій процессъ въ своей объективной сущности и какую роль играетъ въ немъ личная дѣятельность людей? Это одинъ изъ вопросовъ, рѣшеніе коихъ въ высшей степени важно для пониманія жизни. Другой вопросъ тоже очень важный: можно ли поставить этому процессу какія-либо цѣли, въ чемъ онѣ должны заключаться и какъ обязанъ вести себя человѣкъ по отношенію къ этимъ цѣлямъ? Тутъ мы вступаемъ въ субъективное творчество идеала, безъ котораго тоже вѣдь нельзя понимать жизни. Наконецъ, изучивъ объективно ходъ исторіи, мы можемъ поставить вопросъ, насколько этотъ ходъ осуществлялъ тотъ умственный, нравственный и общественный прогрессъ, который есть и фактъ объективнаго, историческаго наблюденія и изслѣдованія и предметъ субъективнаго, этическаго чаянія и творчества. Вопросъ объ историческомъ прогрессѣ есть одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ философскаго и научнаго, моральнаго и соціальнаго міросозерцанія, особенно заставляющій обращать взоры свои на исторію и въ ней искать разрѣшенія если не

всѣхъ, то очень многихъ и весьма существенныхъ загадокъ жизни. Мало того. Старый догматическій оптимизмъ, утверждавшій, что̀ все дѣлается наилучшимъ образомъ въ семъ наилучшемъ мірѣ, пережилъ свое время, и возвращеніе къ нему невозможно. Въ послѣдней трети XIX в. сдѣлали даже большой успѣхъ прямо пессимистическія ученія, эта психическая болѣзнь нашего времени, порожденная отсутствіемъ этическихъ идеаловъ, слабостью вѣры въ жизнь и въ истину. Противъ такой болѣзни нужно лѣкарство, и самымъ лучшимъ средствомъ противъ нея является именно вѣра въ прогрессъ, вѣра, оправдываемая историческимъ знаніемъ, вѣра, въ которой можетъ быть сосредоточено цѣлое міросозерцаніе. Идея прогресса даетъ намъ извѣстное представленіе о жизни, удовлетворяетъ наше чувство, ставитъ высшія цѣли нашей волѣ. Тотъ всеразъѣдающій скептицизмъ, тотъ удручающій пессимизмъ, та разслабляющая слабость воли, въ которыхъ обвиняютъ знанія, науку, образованіе не одни лишь люди, воздыхающіе о тѣхъ временахъ, когда господствовали только вѣра, только положительное отношеніе къ дѣйствительности, только безсознательность воли, но и многіе изъ молодежи, готовые утверждать, что наука сушитъ умъ, истощаетъ чувство, разслабляетъ волю,—эти дѣйствительныя болѣзни духа могутъ получить врачеваніе лишь отъ такого не-пессимистическаго міросозерцанія, которое, не будучи оптимистическимъ, а, какъ выражаются теперь, меліористическимъ, питало бы собою всю духовную

сторону человѣческой природы и помогало бы ей осуществлять высшее ея назначеніе, какъ его поняли въ своемъ историческомъ развитіи высшія проявленія религіи, морали, поэзіи, философіи и науки. Исторія, какъ наука, можетъ вскрывать передъ нами всѣ недостатки и печальныя стороны дѣйствительной жизни, но она же свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что жизнь улучшается,—и показываетъ, какимъ путемъ и въ какомъ направленіи это дѣлается. Юношескій идеализмъ ищетъ себѣ пищи, и ему должна быть дана эта пища: такою пищею является идея прогресса, міросозерцаніе, построенное на этой идеѣ, подтвержденіе этой идеи исторіей, какъ подтверждаетъ ее съ другой стороны и уже въ объективномъ пониманіи—современное эволюціонное естествознаніе. Но чтобы понять идею прогресса во всемъ ея величіи и во всей ея благотворности, понять ея истину и ея справедливость, нужно знаніе и прежде всего то знаніе, коимъ часто пренебрегаютъ, именно знаніе исторіи.

* * *

Я кончилъ. Когда я перечту все, что вылилось изъ-подъ моего пера на эту бумагу, я увижу, нуждаются ли эти мои письма въ какомъ-либо предисловіи или нѣтъ, но въ данную минуту я чувствую потребность написать послѣсловіе.

И я чувствую потребность обратиться непосредственно къ тѣмъ, къ кому адресую эти свои письма, какъ будто бы видѣлъ здѣсь, передъ своими глазами

всѣхъ васъ, собранныхъ вмѣстѣ, русская учащаяся молодежь, поколѣніе, идущее къ намъ на смѣну, будущіе граждане родной страны.

Чисто человѣческое чувство заставило меня написать къ вамъ эти письма, въ которыхъ я повторилъ и соединилъ во-едино все, что когда-либо говорилъ вамъ на лекціяхъ, въ частныхъ бесѣдахъ, въ рѣчахъ, которыя приходилось передъ вами держать, все, что только писалъ, расчитывая на читателей изъ вашей среды.

Во-первыхъ, это былъ глубокій интересъ къ вашему внутреннему міру, въ которомъ такъ ярко возстаетъ передъ мною ваше стремленіе къ самообразованію, къ выработкѣ міросозерцанія, къ выработкѣ убѣжденій, интересъ къ этому міросозерцанію и къ этимъ убѣжденіямъ. Не скрою того, что не все здѣсь, по крайней мѣрѣ, съ моей, быть можетъ, исключительной и односторонней точки зрѣнія, не все обстоитъ благополучно. Да и можетъ ли быть иначе? Я отношусь къ вамъ, какъ человѣкъ науки, наблюдающій и изслѣдующій дѣйствительность, а не какъ метафизикъ или мистикъ, который думаетъ, что молодежи, какъ молодежи, на все то время, пока она остается молодежью, дана привилегія на непогрѣшимость. И если я вижу, что не все тутъ обстоитъ благополучно, я долженъ сказать это въ той формѣ, какую счелъ наиболѣе удобной для того, чтобы никто—ни въ вашей средѣ, ни внѣ среды вашей—не обвинилъ меня въ огульномъ осужденіи молодежи или въ клеветѣ на нее.

Во-вторыхъ, именно не простой теоретическій интересъ къ вашему внутреннему міру руководилъ мною, но и то альтруистическое чувство, которое вы можете сами обозначить подходящимъ словомъ — симпатіи, сочувствія, дружбы, любви. Увѣрять васъ въ томъ, что это такъ, я не стану. Пусть почувствуетъ это каждый изъ тона моихъ къ вамъ писемъ, но если даже я и не съумѣлъ передать въ этомъ тонѣ своихъ чувствъ, мое сознаніе останется при мнѣ.

Въ-третьихъ, руководило мною чувство долга моего передъ вами, чувство долга человѣка, взявшаго на себя обученіе юношества, и чувство гражданскаго долга—передъ тѣмъ обществомъ, въ которое вы вступаете, передъ тѣмъ народомъ, коему вы должны служить, передъ родной страной, всѣмъ намъ близкой и дорогой.

И я хотѣлъ бы только, чтобы вы поняли меня такъ, какъ мнѣ слѣдуетъ быть понятымъ по прямому смыслу моихъ словъ безъ предвзятой мысли, что я говорю не то, что̀ думаю, а что̀ думаю, то скрываю, и безъ примѣненія къ толкованію моихъ словъ какихъ бы то ни было исключительныхъ точекъ зрѣнія. Въ этихъ письмахъ я высказалъ по вопросу о самообразованіи тѣ убѣжденія, къ коимъ меня привели жизненный опытъ (и между прочимъ наблюденія надъ вами), знаніе исторіи и пониманіе мое того, что̀ истинно и что̀ справедливо. Я не требую вѣры: напротивъ, разбирайте и критикуйте меня, но будьте именно критиками, а не догматиками, которые, упершись въ одну точку, ничего не видятъ и ничего не понимаютъ изъ того, что дѣлается вокругъ и что имъ говорится. Я говорилъ вамъ нарочно голосомъ науки, которая убѣждаетъ, вѣря, что именно такъ нужно распространять истину, а не тономъ приказанія или гипнотическаго внушенія, положимъ, иногда и быстрѣе и вѣрнѣе достигающаго цѣли, но отнюдь не способствующаго развитію личности въ человѣкѣ, подвергаемомъ дѣйствію внушенія. Я вѣрю въ живую человѣческую личность и въ то, что она должна самостоятельно и свободно развиваться. Въ истинѣ убѣждаютъ, а не приказываютъ, и лучшимъ способомъ борьбы съ тѣмъ, что считаютъ заблужденіемъ, является споръ, основанный на научномъ исканіи истины. Я вѣрю, что въ средѣ своихъ читателей, достигшихъ уже извѣстной ступени развитія личности, я встрѣчу и человѣческое къ себѣ отношеніе—интересъ къ внутреннему міру человѣка, насколько этотъ внутренній міръ выразился въ этихъ письмахъ, интересъ, заставляющій относиться къ чужимъ словамъ съ должными вниманіемъ и осторожностью; встрѣчу и сочувствіе къ себѣ, поскольку думаю, что идеи, развиваемыя въ моихъ письмахъ, не могутъ быть несимпатичны хорошей молодежи, и поскольку связь, покоящаяся на единомыслiи, является одною изъ основъ дружескаго расположенія къ другимъ.

Но разъ я буду правильно понятъ и мои взгляды найдутъ сторонниковъ, я думаю, что моя книжка принесетъ и свою практическую пользу. Правда, я

не даю въ ней (хотя, можетъ быть, дамъ впослѣдствіи, если признаю, что съумѣю это хорошо сдѣлать, по крайней мѣрѣ, помогу это сдѣлать другимъ) ни опредѣленной программы, ни указаній на объемъ знаній, ни на книги, но мнѣ казались болѣе важными самые принципы самообразованія. Конечно, я могъ бы написать программу и назначить пособія, но вѣдь я могъ бы сдѣлать это односторонне и неумѣло; притомъ въ сущности дать программу и назначить пособія, не развивъ основаній, по коимъ это дѣлается, значило бы требовать вѣры, навязывать извѣстный догматизмъ, приказывать и внушать, а я принципіальный противникъ подобнаго способа распространять то, что считаю истиннымъ и справедливымъ. Пусть поэтому никто меня не обвиняетъ въ томъ, что я не далъ такихъ указаній, на какія иной изъ васъ, можетъ быть, расчитывалъ. Кто ждалъ найти въ моихъ письмахъ практическихъ указаній, и нашедши одни только разсужденія, сказалъ бы, что они совсѣмъ не нужны, тотъ, значитъ, ищетъ въ сущности не знанія, а вѣры. Дѣло не въ догматизмѣ, ищущемъ готовыхъ рѣшеній, а въ идеализмѣ, ставящемъ цѣлью усилій человѣка самостоятельное развитіе.

И именно къ нему, къ этому вашему юношескому идеализму, который долженъ положить неизгладимую печать на всю духовную природу каждаго изъ васъ въ теченіе всей его жизни, обращаюсь я, когда совѣтую вамъ поддерживать въ себѣ и въ другихъ стремленіе къ самообразованію, когда ставлю

этому самообразованію задачею выработку цѣльнаго, полнаго и стройнаго міросозерцанія и прочныхъ убѣжденій, когда рекомендую вамъ работать надъ развитіемъ въ себѣ личнаго начала и надъ умѣніемъ признавать личность въ другихъ людяхъ, когда указываю на литературныя и научныя средства, къ этому ведущія, когда выдвигаю на первый планъ образовательное значеніе исторіи, понятой въ наиболѣе гуманномъ смыслѣ, и когда, наконецъ, открываю пищу для вашего идеализма въ ученіи о прогрессѣ, ученіи, возвышающемъ мысль, облагораживающемъ чувство и бодрящемъ волю.

Поддерживайте въ себѣ этотъ идеализмъ и не давайте ему односторонняго направленія. Въ немъ одномъ источникъ стремленія къ знанію, которое вѣдь великая сила въ жизни, и въ немъ одномъ, идеализмѣ этомъ, направленномъ надлежащимъ образомъ, только и можетъ быть основа для стремленія выработать изъ себя развитую личность. Вы интересуетесь общественными вопросами, дорожите народнымъ благомъ, мечтаете о будущей своей дѣятельности на этомъ поприщѣ, воображая иногда, что вамъ легко передѣлать будетъ окружающую среду. Но не забывайте указаній реальнаго опыта, свидѣтельствующаго о томъ, какъ это трудно, какихъ знаній это требуетъ, какая нужна тутъ подготовка, и показывающаго, кромѣ того, какъ часто получается противное, т.-е. что, наоборотъ, среда часто передѣлываетъ человѣка по образу своему и подобію, опошляетъ его и развращаетъ. Противъ такой печальной

перспективы есть одно только средство—именно самовоспитаніе, выработка въ себѣ самомъ твердой воли и прочныхъ убѣжденій, яснаго міросозерцанія и широкихъ духовныхъ интересовъ. Стойкій и убѣжденный человѣкъ только и можетъ быть энергичнымъ дѣятелемъ въ жизни и устоять отъ губительнаго дѣйствія какой бы то ни было среды. Въ былыя времена, напр., въ эпоху реформаціи, когда общество охвачено было религіознымъ движеніемъ, исторія выдвинула цѣлый рядъ характеровъ, коимъ цѣльность и твердость сообщали религіозныя идеи, имѣвшія, однако, отношеніе къ иному міру, а не къ тому, въ которомъ мы живемъ. Стойкихъ и убѣжденныхъ людей выставилъ и XVIII в. съ своимъ философскимъ „просвѣщеніемъ", обращеннымъ къ вопросамъ этой земной жизни человѣка, но съ ненаучнымъ способомъ трактованія этихъ вопросовъ. Въ наше время, когда на первый планъ выдвинуты именно вопросы культурнаго и соціальнаго бытія личности и народныхъ массъ, только и началось научное рѣшеніе этихъ вопросовъ; лишь наука можетъ дать руководящіе принципы для жизненной дѣятельности, содержаніе — потребности вашей въ убѣжденіяхъ. И это будутъ убѣжденія лишь тогда, когда не будутъ вложены совсѣмъ готовыми въ вашъ умъ по способу, подобному гипнотическому внушенію, а будутъ выношены вами въ глубинѣ души, выработаны и даже выстраданы дѣятельностью головы и сердца съ неизбѣжными разочарованіями, сомнѣніями и колебаніями мысли вашей и вашей совѣсти. Знайте еще, что лишь дѣйствительно

научныя убѣжденія и убѣжденія дѣйствительно этически настроеннаго человѣка бываютъ чужды догматизма и фанатизма въ своихъ словесныхъ проявленіяхъ, чужды деспотизма и тиранніи въ своихъ приложеніяхъ къ дѣйствительности. Этическое отношеніе къ человѣку заключается въ уваженіи къ правамъ чужой мысли, совѣсти и воли и потому не допускаетъ никакого фанатизма и деспотизма къ другимъ людямъ, научное же образованіе съ своимъ принципомъ относительности знанія и необходимости считаться съ реальными фактами создаетъ умственныя привычки, наиболѣе способныя поддерживать такое моральное настроеніе уваженія къ чужому внутреннему міру и къ чужому счастью. И еще разъ — и много разъ еще — я буду указывать на важное значеніе гуманитарнаго образованія вообще и образованія историческаго въ частности въ дѣлѣ выработки человѣчнаго, этическаго и научнаго міросозерцанія. Вы всѣ учились въ средней школѣ исторіи и всѣ должны были вынести что-либо изъ преподаванія вамъ этого предмета. Кто былъ настолько счастливъ, что ему исторія представлялась съ интересной и живительной своей стороны, тотъ пусть поддерживаетъ въ себѣ стремленіе къ историческому знанію, а кто былъ настолько несчастливъ, что знакомился съ исторіей не надлежащимъ образомъ, тотъ пусть не представляетъ себѣ этой науки по тому, какъ понялъ ее на школьной скамьѣ. Нельзя же вообще вамъ, желающимъ судить о дѣлахъ общественныхъ и готовящихся стать обще-

ственными дѣятелями, ограничиваться знаніемъ (да и то плохимъ въ большинствѣ случаевъ) какого-нибудь гимназическаго учебника.

Обращаясь къ вамъ, я имѣлъ въ виду, что вы всѣ чувствуете потребность самообразованія и къ нему стремитесь, но въ числѣ читателей моихъ писемъ могутъ быть и такіе, которые по молодости лѣтъ и по условіямъ ближайшей обстановки еще не сознали необходимости самообразованія. И вотъ если васъ на вопросъ этотъ не навело еще ни собственное размышленіе, ни разговоры, какіе вамъ приходилось слышать, ни чтеніе тѣхъ книгъ, которыя вамъ попадались подъ руку, какъ бы я желалъ, чтобы эта маленькая книжка пробудила въ васъ спящую еще мысль и дремлющую совѣсть и поставила передъ ними во всемъ ихъ значеніи великіе вопросы міросозерцанія, какъ они понимаются послѣ столькихъ вѣковъ человѣческой исторіи! Пусть возбудятъ въ васъ эти письма интересъ къ вопросамъ этого рода и сознаніе необходимости научнаго къ нимъ отношенія—для вашего собственнаго блага и въ интересахъ культурнаго и соціальнаго прогресса народа, къ которому мы принадлежимъ, который насъ вскормилъ и выростилъ, который духовно близокъ намъ и съ которымъ мы тѣсно связаны узами общаго отечества.

И пусть каждый изъ васъ, къ кому я обращаюсь съ этими словами и въ комъ они найдутъ доступъ къ уму и сердцу, пойметъ еще, что самообразованіе нужно не только для него самого, но

что это—исполненіе великаго общественнаго долга передъ тѣми, чьими трудами созданы матеріальныя средства, на которыя существуемъ мы сами, существуютъ наши книги, наши гимназіи, институты, академіи и университеты. Во имя же этого долга предъ родной страной и я счелъ нужнымъ побесѣдовать съ вами о самообразованіи съ той точки зрѣнія, какую, повторяю, подсказали мнѣ жизненный мой опытъ, мои занятія наукой и доступное мнѣ пониманіе высшей правды.

С. Аносово.
3—11 іюля 1894.